

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Miser sum, miserisque succurrere disco.

1824 ГОДЪ.

ЧАСТЬ XXV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома 1824 года.

1783/125

1823, № 1-3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлено было въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги для препровожденія, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Генваря 1 дня, 1824 г.

Цензоръ Стат. Сов. и Кавалеръ
Александръ Вируковъ.

13492

ЛИТЕРАТУРА.

А.

ПРОЗА.

~~~~~

ВЕЧЕРЪ.

~~~~~

Sarò qual sempre in fatti io vel dimostro,
Placido narrator di cose liete.
Importuno non esservi e molesto
Bastami sol, mi rido poi del resto.
CASTI.

~~~~~

Добрый мой знакомецъ Видской прожилъ до сѣдыхъ волосъ въ Губернскомъ городѣ * * *, проходя съ честью разныя гражданскія должности. При многихъ хорошихъ качествахъ, имѣеть онъ два недосадка: во первыхъ онъ очень честолюбивъ, а во вторыхъ, почиаетъ себя великимъ знапокомъ въ людяхъ, и мѣряетъ ихъ достоинства и образъ обхожде-

Часль XXV Кн. I.

1

ніа самымъ провинціальнымъ масштабомъ. Честнолюбіе завело его подъ конецъ жизни въ Столицу, а упрямая увѣренность въ знаніи людей и свѣта, заставила свесити многія знакомства, изъ копорыхъ онъ могъ бы пожертвовашь двумя шрепъми, и не оспался бы въ накладѣ.

Недавно, встрѣпивъ меня въ Лѣшнемъ Саду, онъ выговаривалъ, для чего я у него не бываю? Я извинялся недосугами. „Пустое, Сударь! это всегдашняя ваша сполічная отговорка. Вошь, напримѣръ, сегодня, я вижу, вамъ досугъ, а сегодня у меня вечеръ. Будетъ много и спарыхъ и молодыхъ, и дамъ и кавалеровъ, и смѣло могу васъ увѣришь, людей, копорые нигдѣ не испоршашь. Пойдемте со мною!“ Нѣчего было дѣлать: я рѣшаюсь, иду къ Видскому.

Входимъ; изъ гостей нѣтъ еще никого. Хозяйка въ спрашныхъ суетахъ; отъ безпреспанной хлопотливости лице ея такъ разгорѣлось, что выступившая на немъ багряная краска спорила съ густымъ слоемъ румянца накладнаго; обѣ

старшія дочери разряжены, какъ подъ вѣнецъ; меньшія дѣши чинно сядяшь по угламъ, несмѣя поворохнуться.

„Вошь, Сударь!“ былъ первой привѣтъ хозяйки своему супругу (меня она сначала какъ будто не примѣтила): „я хлопочи, я во всемъ: и на кухню сбѣгай, и заботься объ освѣщеніи, о чаѣ, о закускахъ; а пы изволишь прогуливаться. Нѣчего сказать, Богъ мнѣ послалъ дорогаго муженька!“

—Опомнись, машушка! вошь гость...—

„Ахъ, Сударь! извините . . . я такъ *окопфужена* дѣлами, такъ озабочена...“

— Въ іакомъ случаѣ, Сударыня, вы напрасно изволише извинялься: дѣла и заботы самое лучшее извиненіе. —

„Такъ вы на меня не прогнѣваетесь, если я васъ на минушу оставлю и пойду еще кое-что разпорядишь?“

— Разполагайте вашимъ временемъ какъ вамъ угодно, Сударыня; я васъ покорнѣйше прошу. . . .“

Хозяйка, недослушавъ, скрылась, хозяйинъ пошелъ переодѣлься, а я остался съ дѣшми. Обѣ дѣвицы подходили то къ

шому, по къ другому окну, садились на минушу, и по очень ошторожно, а вспавая, разправляли складки на плашьѣ, и вообще казались какъ будто сами не свои. Напрасно я старался завести съ ними разговоръ: онъ всегда оканчивался односложными *да*, или *нѣтъ*. Онъ примѣтно боялись, чѣмъ лица ихъ не вышли изъ какой-то церемоніальной важности, въ кошорой онъ старались ихъ соблюсти. Съ меньшими ихъ братьями я не больше успѣлъ: они не смѣли нарушить торжественной пишины, господствовавшей въ этой скучной гостинной.

Признаюсь, скука началала меня одождать. . . . Но вопъ бѣшетъ восемь часовъ; вошелъ хозяинъ, погода немного хозяйка, погода немного въ воропахъ слышался спукъ одной, другой, прешей карешы, отворяются двери . . . хозяйка и хозяйка бросающя къ нимъ опрометью; дѣши всѣ становящя рядкомъ посередине комнашы. Входящя: высокая, сухая Баронесса Бахбиль съ низкопоклоннымъ своимъ мужемъ, разпудренный, какъ сосна о Крещеньѣ подъ инеемъ, Г. Чущинъ,

бывшій Совѣтникомъ въ * * * и Мелькаловъ, на дняхъ прїѣхавшій изъ - за границы, Мелькаловъ, полшора года прожившій въ Парижѣ для здоровья, копорато, судя по наружности, не сильны разстроитъ никакія физическія, а еще менѣ нравственныя причины. Новопрїѣзжій, съ лорнепомъ у глаза, подходитъ къ хозяйкѣ, къ дочерямъ ея, говоритъ имъ вновь выученныя Французскія привѣтствія; пошомъ садится подлѣ Баронессы, желая показатъ, что онъ умѣетъ жить въ свѣшѣ и спарается всегда заниматъ разговорами даму, самую почешную въ обществѣ.

Скоро госпиная наполнилась; я былъ между шридцашью человекими мужчинъ и женщинъ, какъ въ лѣсу: изъ знакомыхъ моихъ не было ни души, кромѣ хозяевъ, но имъ было не до меня: они спарались усаживатъ и угощатъ своихъ гостей, людей почешныхъ и людей хорошаго тона.

Но вошъ входитъ Леонинъ, съ копорымъ я познакомился и подружился въ домѣ Симскихъ, и копорый не разъ меня смѣшилъ своими эпиграмами и анекдо-

шамъ объ оригиналахъ, коихъ случалось намъ встрѣчашь. Онъ скоро подошелъ ко мнѣ. „Радуйся, сказалъ онъ съ улыбкою въ полголоса: въ этой песнрой полнѣ будешь чѣмъ себя пошѣдишь. Хозяинъ имѣеть привычку божишься, что всѣ его гости люди хорошаго тона, ты скоро ихъ узнаешь, я тебѣ познакомлю со всѣми“ — Не ужели ты хочешь меня пашкашь изъ угла въ уголь, и представляшь каждому по одиночкѣ? — „Нѣтъ, избави Богъ! съ насъ будешь и этого угла, гдѣ мы съ тобою сидимъ. Отсюда мы прогуляемся глазами по всѣмъ лицамъ, и заглянемъ иногда въ сердца и нравы. Замѣшилъ ли ты этого пригожаго мальчика, на право ошь тебѣ? Видишь ли, какъ онъ зашянулъ? онъ какъ будшо сложенъ изъ двухъ разныхъ кусковъ и свинченъ на половинѣ. Смотри, какъ онъ охорашивается: безпрешанно прячешъ подборокъ въ огромный свой галстукъ, пропягиваешъ ноги и пощипываешъ бакенбаршы, уставя неподвижные свои глаза въ пошолокъ. Тебѣ покажется, что онъ думаешъ; ничего не бывало; онъ ошь роду не

думаль и думать не въ состояніи. Его многому учили, онъ ничему не выучился, и если ты слыхаль объ Англійскихъ Dandy, то видишь въ немъ вѣрный сколокъ эсихъ пушпоцвѣповъ Лондонскаго общества. Онъ никогда не дѣлаеть ни малѣйшихъ услугъ дамамъ, и считаеть, что онѣ должны ему угождать; никогда не говоришь, чтобъ не упомяся и не нарушишь карпиннаго, по его мнѣнію, положенія лица своего, а ронь опкрываешь шолько чтобъ выказать свои зубы.

Вслушайся въ разговоръ Мелькалова съ Баронессой: подивись поворопливости языка кавалера и мѣрно-прошяжному выговору дамы; рѣчь ея сущій речипашивъ, котораго каждый слогъ шянешся бѣлую ношу. Чудно, какъ они понимаютъ другъ друга: одинъ, карпавя, какъ Парижской франшъ, говоришь: *Maame la Baronne! je vous parle de Paris*; а другая, по стародавней Московской модѣ, сбиваясь на Овернское нарѣчіе, опвѣчаешь: *Je vous cherai très-reconnaissante.*

„Спрячь поскорѣе свое сердце, или оно изплѣешь опъ пламени эсихъ ма-

ленькихъ, кругленькихъ глазокъ, копорые безпреспанно верпяшся, какъ вѣчное движеніе . . . . Знаешь ли чьи они? “

—Нѣтъ!—

„ Такъ я тебѣ скажу. Это глазки молодой вдовы Спрѣлкиной — молодой, потому что она такъ сама себя считаетъ и хочетъ, чтобы и другіе считали. Ей двадцатый годъ — двадцать лѣтъ: немного излишняя полноша, нѣсколько проглянувшихъ шамъ и сямъ морщинокъ и накладные волосы, скрывающіе измѣну и блѣдность природныхъ, заставляющіе насмѣшниковъ говорить, что красавицѣ будшо бы и за сорокъ; но мы не спанемъ имъ вѣрить, а лучше повѣримъ самой Гжѣ Спрѣлкиной, копорая клянешся, что вышла за-мужъ принадацаши лѣтъ, и что семь прошло съ того времени, какъ сугругъ ея, спуспя полгода послѣ брака, опошелъ въ спрану вѣчнаго покоя. Погоди немного: она плѣнитъ тебѣ въ Мазуркѣ и даже въ Руской пляскѣ, если ты не будешь слишкомъ спрогими глазами смопрѣшь на малой ея ростъ и дородной спань, если по жалкому предубѣжденію,

не будешь находить, что она похожа на вертящийся кубарь. Это удивительная женщина: общественное мнѣніе для нее не существуетъ. Ты видишь ея нарядъ, обрѣзанный вездѣ, гдѣ только можно было его обрѣзать безъ зазрѣнія совѣспи; а чтобы ты сказалъ, еслибъ увидѣлъ ее на лошади, скачущую на публичныхъ гуляньяхъ посреди пяши или шеспи молодыхъ мужчинъ не самаго скромнаго поведенія? Здѣсь ее принимаютъ, по тому что она, какъ говорится, *дастъ тонъ* своему кругу.

„Нельзя было выбрать для нея лучшаго сѣвдсхва: *c'est le mal et le remède*. Замѣчаешь ли ты подлѣ нее эту пожилую дѣвицу, блѣдную, сухощавую, съ пылающими волосами? Она боится мужчины какъ волка; подойди и заговори съ нею: увидишь, какъ она будетъ робко оглядываться во всѣ стороны, ошвѣчать корешко и неохотно, съ шакимъ видомъ, котораго ясно скажешь тебѣ: *оставь меня! ты страшенъ* . . . . Она хвалилась передъ другими женщинами, что умѣла избѣгать ошъ сѣтей прелеспниковъ; но

всякой легко догадаешься, что волосы опгоняли всѣхъ ошъ нее, какъ пламя изъ пашпи драконовой ошъ Гесперидскаго сада.

„Вопъ и еще при дѣвы, которыхъ недавно—вѣроятно въ насмѣшку—назвали шрема Граціями. Сія *вѣсно - юныя*, Камчатскія или Самоѣдскія Граціи, изперзаюшъ швой слухъ игрою на форшепіано въ чешыре руки, которыя спучашъ покрайней мѣрѣ за сорокъ, и визгомъ *Arim: Di tanti palpiti . . .* Я тебѣ не шушя говорю: запасайся шерпѣніемъ, или лучше сказашъ, окаменѣніемъ всѣхъ швоихъ чувшвенныхъ и умшвенныхъ способностей; испышаніе будетъ самое жешпокое.

„Видишь ли эшого Селадона, которой ходишь на пальчикахъ, рисуешся и дѣлаешъ пируэшы? Подъ парикомъ, бѣлилами и румянами, ему можно дашь не больше тридцати лѣшъ — а онъ уже лѣшъ сорокъ пляшь прыгаешъ по паркепамъ. Онъ дѣлаешъ *куръ* всѣмъ молодымъ женщинамъ, а особливо молодымъ дѣвицамъ: садишся подлѣ нихъ, вздыхаешъ, если кашель непомѣшаешъ ему вздыхашъ, говоришь имъ перешащенныя привѣшствія,

и если копорой нибудь изъ нихъ взду-
маешься его дурачить, по онъ вмигъ изъ-
ясняешься въ любви, пакъ нѣжно, пакъ
сладко, что красавицѣ должно или бышь
мраморомъ, или надорваться со смѣху.

„Какъ тебѣ кажется эша низенькая,
кругленькая фигурка, съ хохолкомъ на
головѣ? Нравятся ли тебѣ ея шупочки и
каламбурь? Эшо славный нашъ *бонмо-
тистѣ*, Г. Выжимковъ. Замѣшь, какъ о-
хотно, какъ радостно онъ первый смѣш-
ся острому словцу, которое удалось ему
сказать, или лучше пересказать, по по-
му что самъ онъ ничего умнаго не вы-
думаетъ, и часно позабывшись, въ со-
пый разъ пересказываетъ слышанное.
Вольперъ какъ будто о немъ сказалъ:

Au peu d'esprit que le bonhomme avait,
L'esprit d'autrui par supplément servait.

„А эшо уродливое изчадіе Мома,
на копоромъ сама природа положила пе-
чашь опроверженія? Не скажешь ли шы,
что эшо двусмысленное созданіе слу-
жишь въ цѣли швореній кольцомъ, облег-
чающимъ переходъ отъ чловѣка къ обезъ-

янь? Родясь живою каррикашурою на челоуѣческой родѣ, онъ поняль незавидное свое назначеніе, и опть шого-шо беспреспанно пишеть, рисуешь и дѣлаешь изъ неуклюжей маски своей, каррикашурѣ на всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Справедливостъ шребуешь сказашъ, чпо онъ нещадитъ въ нихъ даже и себя, и изъ всѣхъ его каррикашуръ, это самыя похожія: ему не было нужды ломашъ голову, чшобы сдѣлашь ихъ смѣшнѣе. Я видѣль, одинъ изъ шакихъ его поршпрешовъ, нарисованный имъ въ альбомъ своего пріятеля, и подписалъ подъ нимъ Марціалову Эпиграмму:

*Crine ruber, niger ore, brevis pede, lumine laesus,
Rem magnam praestas, Zoile, si bonus es.*

„Боюсь, чшобъ не уморитъ себя со смѣху, когда скажу, чпо онъ — счастливыи *titusbey* Г-жи Сшрѣлкиной!“

— Какимъ же образомъ Видской пускаеть его къ себѣ въ домъ? —

„Другъ мой! охопа къ шупамъ, обезьянамъ и попугаямъ не совсѣмъ еще вышла изъ моды. Эшопъ скоморохъ ломаеш-

ся, кривляется и болпаетъ всякой вздоръ, и пошому имѣетъ всѣ способы смѣшить праздную посредственностъ. А не удобнѣ ли смѣяться у себя въ комнапѣ, нежели въ темныхъ и душныхъ балаганахъ?"

Здѣсь подошла къ намъ хозяйка съ карпами; сколько Леонинъ ни ошговаривался, но какъ онъ прежде игривалъ въ эшомъ домѣ, шо долженъ былъ сѣсть за скучную паршю въ боспонѣ, съ Баронессою, Чупынымъ, и еще какою-шо несносною шарухою, кошорая называла всѣхъ безъ разбору: *mon coeur*, *mon ange*, *mon adorable*, сердилась въ игрѣ, сердилась, когда надобно было плашить за проигрышь. Я былъ счастливѣе Леонина: мнѣ хозяйка сказала, что бережешь меня для панцовъ, и боясь игры съ незнакомыми мнѣ лицами, какъ огня, я не смѣлъ опвѣчать Г-жѣ Видской, что не панцюю. Музыканшы пришли, начали спроишь свои инструменшы, черезъ полчаса насилу попали на ладъ; первый скрипачъ

Martyrisant le violon,

Jure tout haut sur une corde

Et, d'accord avec la discorde,

запянуль польской — и вслѣдъ за нимъ весь чудный оркестръ зашрещаль, загизжалъ, заревѣль; шанцовщики спали парно. Я пришилъ духъ, и къ счастью, въ эпохъ развѣ не былъ замѣченъ; за то въ полной свободѣ могъ дѣлать свои наблюденія и повѣрять рассказы Леонина. Мелькаловъ, принявъ положеніе Весприса или Поля (*), подходитъ къ спаршей хозяйской дочери; Спрѣлкина выпягивается на носкахъ, жеманится и прищуриваетъ глазки. Вошь пусшились, бродящъ, кружашся. Послѣ польскаго, кадрили и вальсовъ, безъуспальные шанцовщики собирающъ пары на *котильионѣ*; вижу, что молодья хозяйки перешепшывающся съ другими дѣвцами и указывающъ на меня, замѣшя, что я въ цѣлой вечеръ не шанцоваль; вижу, что бышь бѣдѣ! Меня обрекли жерпвою эпого несноснаго *копильиона*, въ которомъ я не нахожу ни-

---

(*) Нынѣшній первый шанцовщикъ Парижской большой Оперы, о которомъ Французы говорятъ *qu'il brûle le plancher* (что онъ жжешъ ногами помостъ).

какого удовольствія ни для дѣйствующихъ лицъ, ни для зрителей, — ничего, кромѣ круженія головы, чрезвычайной усталости и упомленія для глазъ, слушающихъ смотрѣшь на безконечной вальсѣ.

Къ счастью моему, старая хозяйка удалила или по крайней мѣрѣ отсрочила собиравшуюся надо мною грозу. Она хотѣла выставить на показъ паланты *бѣсно-юныхъ* Грацій Леонина, и просила ихъ сѣсть за фортепiano и спѣть что нибудь. Благодаря ей, кохильонъ былъ опложенъ и между тѣмъ, какъ Баронесса и другая игравшая съ нею дама съ визгомъ и крикомъ спорили въ бостонѣ, между тѣмъ какъ Граціи снимали перчатки; чтобы заславить насъ услышанъ

Des sons que les plus fermes rats
Aurient pris pour des cris de chats,

я беру шляпу, и покравшись попихоньку сквозь песнрую толпу *людей поетныхъ и людей хорошаго тона*, въ сѣни и опрометью на улицу! Здѣсь, на чистомъ воздухѣ, я опдохнулъ и дорогою жалѣлъ о

Чапсъ XXV. Кн. I.

2

бѣдномъ Видскомъ, копорый разоряется, какъ видно, безъ удовольствія для себя и для другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за безумная мысль — спать на ряду съ людьми, копорые знаніе и богаче его; давать вечера, на коихъ малой доспашокъ не позволяешь ему угоспшить, какъ должно и кого должно; нанимать уличныхъ скормороховъ, копорые годятся только соспавить оркестръ на балѣ Абенаковъ или Ирокейцовъ?...

Люди истинно-хорошаго тона, даже и не съ большимъ умомъ, живучи въ Споллицѣ и посереди такъ называемаго большаго свѣта, приобретающъ опъ долговѣшняго навыка нѣкопорую мѣпкостъ въ выборѣ своихъ знакомствъ. Опъ сего мы видимъ въ ихъ гостинныхъ шу вѣжливостъ, шу строгую благоприспоспавленіе, копорыя, прикрывая многіе другіе недоспашки, служатъ для ума какъ бы призмю, представляющую предметы хотя въ ложныхъ, но въ лучшихъ цвѣтахъ. — Если случайно и попадется въ ихъ кругъ какой нибудь чудакъ, подъ спашъ общества Видскихъ, то онъ или

Б.

К Р И Т И К А.

*****

ПОЛЯРНАЯ ЗВЪЗДА,

КАРМАННАЯ КНИЖКА

на 1824 годъ. С. П. Б. въ Типограф. Глав-
наго Штаба.

Съ 5 гравированными картинками.

~~~~~

Сіе небольшое, но пріятное свѣшло
показалось и въ другой разъ на литера-
турномъ нашемъ горизонтѣ вмѣстѣ съ
новымъ годомъ, и, кажешся, въ 1824 го-
ду блесшило оно ярче прошлогодняго.
Формашъ нынѣшней *Полярной Звѣзды* бли-
же къ формашу Алманаховъ иноспран-
ныхъ, шрифтъ хошя мѣлкой, но чешкой
и красивый; пришомъ же къ ней приложе-
ны 5 прекрасныхъ карпинокъ, рисован-
ныхъ и гравированныхъ олицетными Рус-

кими художниками (*); и вообще типографическая часть ее щастливѣе, нежели прошлогодней ее предшественницы.

(*) Предметы сихъ картинокъ взяты изъ Спихотвореній знаменитѣйшихъ нашихъ Поэтовъ. Вотъ они:

1. Изъ *Водопада*, Державина. Рисоваль И. Ивановъ, гравир. Ческій.
2. Изъ *Душеньки*, Богдановича. Рисоваль славный нашъ медальёръ Графъ Ф. П. Телстой, грав. А. О - й.
3. Изъ *Ермака*, И. И. Дмишрѣва. Рисов. И. Ивановъ, грав. М. Ивановъ.
4. Изъ *Вадима*, Жуковского. Рисов. И. Ивановъ, грав. Галактионовъ.
5. Изъ *Кавказскаго Пльнника*, А. Пушкина. Рисов. И. Ивановъ; грав. Галактионовъ и Ческій.

При помъ въ заглавіи виньетка, а въ концѣ ношы къ пѣсни К. Вяземскаго: *Давнымъ давно*; музыка соч. Графомъ Вьельгорскимъ.

Здѣсь оканчиваемъ нашу дань роскоши и суешности. Присупимъ къ внушреннему достоинству сей книжки, заслуживающей во всѣхъ отношеніяхъ вниманіе и перелетныхъ любителей новостей, и поспоянныхъ друзей- Словесности.

Прозаическая часть нынѣшней Полярной Звѣзды украшена произведеніями лучшихъ нашихъ Литераторовъ. Въ ней находимъ имена Гг. Жуковскаго, Ф. Глинки, Дм. Княжевита, Н. и А. Бестужевыхъ, Корниловита, Булгарина. — Въ стихотвореніяхъ, между именами извѣстными и любимыми нашею читающей Публикой, встрѣчаемъ также много и новыхъ; но сіи молодые питомцы Музы обогатили дѣвственныи алтарь своихъ богинь прекрасными жертвами.

Первые листки Полярной Звѣзды посвящены обзорѣнн Литературныхъ Рускихъ произведеній въ прошломъ году, подъ заглавіемъ: *Взглядъ на Рускую Словесность въ теченіи 1823 года.* Обзорѣнн

сіе заключаешъ въ себѣ многія мысли и сужденія справедливыя. Сочинитель (*А. Бестужевъ*) въ короткихъ словахъ пересказалъ почти все, что можно было сказать о скудномъ Аполлоновыми дарами (особливо въ Россіи) пропекшемъ годѣ. Въ сущности его больше основательности и единства и меньше прыгающихъ фразъ, нежели въ прошлогоднемъ его *Взглядѣ на старую и новую Словесность въ Россіи*. Многія замѣчанія показались намъ весьма остроумными и вѣрными. Таково, напримеръ, его вступленіе. Рѣшаемся выписать какъ оное, такъ и нѣкоторыя другія мѣста изъ сей сущности, чѣобы познакомить съ нею нашихъ читателей.

„Въ старину, говоритъ Сочинитель,
 „науки зажигали свѣильникъ свой въ
 „погасающихъ перунахъ войны, и цвѣпы
 „краснорѣчія всходили подъ тѣнію мир-
 „ныхъ оливъ. Въ наши времена, когда
 „соспояніе ученаго и воина не сливаеш-
 „ся уже въ одну черпу, мы видимъ со-
 „всѣмъ прошивное: Топографъ и Анни-
 „кварій повѣряющъ свои опарышія подъ
 „знаменемъ браннымъ; громъ опдален-

„ныхъ сраженій одушевляетъ слогъ Ав-
 „торовъ и пробуждаетъ праздное вни-
 „маніе чинашелей; газеты превращающ-
 „ся въ Журналы и въ книги; любопыт-
 „ство растетъ, воображеніе, недоволь-
 „ное сущностію, алчетъ вымысловъ, и
 „подъ полипическою печашью, Словес-
 „ность кружится въ обществѣ. Это бы-
 „ло съ нами въ отечественную войну.
 „Наполеонъ обрушился на насъ — и всѣ
 „страсти, всѣ выгоды пришли въ волне-
 „ніе; взоры всѣхъ обратились на поле
 „битвы, гдѣ полсѣвша боролся съ Рос-
 „сіей, и цѣлый свѣтъ ждалъ своей уча-
 „сти. Тогда слова: *Отчество* и *Слава*,
 „электризовали каждого. Каждый ли-
 „стокъ, гдѣ было что нибудь отече-
 „ственное, перелешалъ изъ рукъ въ
 „руки съ восхищеніемъ. Похвальные
 „пѣсни, плохи или хороши онѣ бы-
 „ли, раздавались по улицамъ и имъ ру-
 „коплескали въ гостиныхъ; — однимъ
 „словомъ, все тогда казалось прекрас-
 „нымъ, потому что все было испин-
 „нымъ. Но полипическая буря утихла,
 „укроцился и энтузіазмъ. Вниманіе на-

„ше, упомянутое блескомъ побѣдъ и
 „подвиговъ, превысившихъ всѣ запѣи
 „ливья сказки Воспока, и вообра-
 „женіе, избалованное чудеснымъ, напря-
 „женное великимъ — поспешенно погру-
 „зилось опяшь въ бездѣйственный по-
 „кой. Огнисная лава вырвалась, разли-
 „лась, подвинула Океанъ — и заспы-
 „ла. Пепель лежишь на ея челѣ, но
 „въ эпомъ пепель тамъ расширель-
 „ная жизнь, и когда нибудь разовьются
 „на ней драгоцѣнные виноградники. Вошь
 „карпина любви нашихъ соотечествен-
 „никовъ къ Словесности послѣ войны; но
 „перешедшему ея соспоянію были еще и
 „другія причины. — Ощдохновеніе послѣ
 „сильныхъ ощущеній обратилось въ лѣ-
 „нвную привычку; непостоянная публи-
 „ка приняла вкусъ ко всему ошечествен-
 „ному, какъ чувство, и бросила его, какъ
 „моду. Войска возвратились съ лаврами
 „на челѣ, но съ Французскими фразами
 „на устахъ, и зашавившаяся спрашъ къ
 „галлицизмамъ, захватила вдругъ всѣ со-
 „стоянія, сильнѣй чѣмъ когда-либо. Слѣд-
 „ствиемъ этого было совершенное охлаж-

„деніе лучшей части общества къ род-
 „ному языку и Поэтамъ, начинавшимъ
 „возникать въ эпоху время — и наконецъ
 „совершенное оцѣпененіе Словесности въ
 „прошедшемъ году. Такъ гаснетъ лампа-
 „да безъ печенія воздуха, такъ заглу-
 „шается дарованіе безъ ободреній! О про-
 „чихъ причинахъ, замедлившихъ ходъ
 „Словесности, мы скажемъ въ свое вре-
 „мя.“

Далѣе Сочинитель приступаетъ къ
 очерпанію соспоянія нашей Словесности
 въ 1823 году, слѣдующимъ образомъ:

„Ни одинъ еще годъ не былъ бѣднѣе
 „оригинальными произведеніями прошед-
 „шаго 1823. За исключеніемъ книгъ, до
 „почныхъ наукъ относящихся, вся на-
 „ша Словесность заключалась въ Жур-
 „нальныхъ, при томъ весьма не многихъ
 „сващьяхъ. Лишь печатные промышлен-
 „ники писали вторымъ и третьимъ из-
 „даніемъ Сонники и разбойничьи Романы
 „для домашняго обихода въ провинці-
 „яхъ. Порой появлялись порядочные и
 „сомнительные переводы Романовъ Вал-
 „тера Скопша, но ни одно изъ сихъ

„твореній не вынесло имя переводчика
 „на поверхность сонной Лешы; во пер-
 „выхъ по тому, что пора славы за про-
 „заическіе переводы уже миновала, а во
 „впорыхъ и слогъ ихъ слишкомъ небре-
 „женъ.“

Обозрѣніе сіе, хотя занимаетъ не бо-
 лѣе полулиста печатнаго, довольно полно,
 по тому что предметъ его слишкомъ
 широкъ. Сочинитель окидываетъ взоромъ
 стихи и прозу 1823 года, въ разныхъ ви-
 дахъ, заглядываетъ въ театръ и въ жур-
 налы. Изъ послѣднихъ, въ нѣкоторыя
 всматривается, на другія, бросивъ бѣ-
 глый взглядъ, едва даришь коронкамъ
 напоминаніямъ. Вообще въ этой части
 его снatchesки видна нѣкоторая шоропли-
 вость. Такъ, говоря о журналѣ, издавае-
 момъ Г. Григоровичемъ, Сочинитель обо-
 зрѣнія называетъ оный *Журналъ Худо-
 жествъ*: заглавіе произвольное и слиш-
 комъ неопредѣлительное, ибо подъ худо-
 жествами можно разумѣть даже и тѣ,
 которыя означаютъ степень перехода
 отъ изящныхъ искусствъ къ ремесламъ.
 Полный, насмѣяцій шипуль сего журна-

ла есть: *Журналъ изящныхъ искусствъ*, въ объемъ коихъ входить и изящная Словесность; издатель также имѣлъ ее въ виду, сдѣлавъ Словесность постоянною спашьею своего журнала: ссылаемся на первыя чешыре книжки его, въ коихъ помѣщены сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ, извѣстныхъ нашихъ Писателей (*). Далѣе: „*Благонамбранный забавень для своего круга.*“ Для какового? Это слишкомъ неясно и неопредѣлительно. *Кругъ чашателей Благонамбранныаго* можетъ быть (и вѣроятно есть) составленъ

(*) *Въ первой*: Отрывокъ изъ *Иліады*, пер. Г. Гнѣдига. Отрывокъ иль *Федры*, перев. Г. Лобанова; *Объ отношеніи древней и новѣйшей живописи къ Поэзіи*, перев. съ Пѣм. (последняя спашья продолжалась и въ слѣдующихъ двухъ книжкахъ.)

Во 2й: Разборъ Стихотворенія: *Путешественникъ*, Г. *Плетнева*. Черщы изъ картинъ *Природы*, Ѡ. *Глипки*.

Въ 3й: Разборъ Элегіи *Башюшкова*: *Умирающій Тассъ*, Г. *Плетнева*.

Въ 4й: *Тассъ*, Стихотвореніе Г. *Плетнева*.

изъ людей разныхъ званій, вкусовъ и образованія. — Говоря о *Соревнователѣ* прошлаго года, по скромности личной и родственной, Сочинишель не упоминаеть о помѣщенныхъ въ семь журналѣ прекрасныхъ спашьяхъ его и *Н. Бестужева*, которыя, какъ произведенія изящной прозы, достойны заняшь первое мѣсто. Намъ кажется, что онъ могъ бы поже сказаць, упоминая о публичномъ чтеніи въ Обществѣ Любителей Р. С., объ опривкѣ изъ Поэмы: *Войнаровский*, *Рылѣва*, еслибы таже скромность ему не мѣшала.

Въ заключеніи своей спашьи, говоря о стихотворныхъ переводахъ съ Рускаго языка, онъ шолько мелькомъ и слегка упоминаеть о Руской Антологіи *Г. Сен-Мора*. Для чего бы не оцѣнишь это литературное явленіе по настоящему его достоинству? Для чего бы не сказаць подробнѣе и опкровеннѣе, что ему нравился и не нравился? Мы, Рускіе, не должны бышь равнодушны къ славы знаменитѣйшихъ нашихъ Поэтовъ, ибо съ нею

сопряжена слава нашего языка и дарованій народныхъ. Кшо молчить, полтъ соглашается, а здѣсь во многомъ не можно согласишься. — Желая бышь чистосердечнѣ Г. Бѣсшужева, на счетъ *Anthologie Russe*, мы скажемъ что *Оды на смерть Мещерскаго*, *Державина*, *Свѣтлана Жуковскаго*, *Гусарская пѣсня* Д. Давыдова и даже хваленый переводъ *Ермиака* И. И. Дмишрѣева, такъ далеки отъ подлинниковъ, какъ земля отъ неба. Въ *Одѣ* Державина всего ближе къ подлиннику первый стихъ, а чѣмъ далѣе, тѣмъ больше сходство шеряется. Нѣкоторыя строфы Г. Сен-Моръ, Богъ вѣсть по чему, вздумалъ замѣнить своими; другія такъ измѣнилъ и переимачилъ, что даль имъ совсѣмъ не то направленіе. *Свѣтлана* у него разтянута, бѣдна и скучна, а *Пѣсня* Давыдова, вмѣсто живаго и шумливаго пѣна, получила какой то тонъ важный и зауывный. Въ *Баснѣ* Крылова: *Лисица и Сурокъ* (гдѣ, мимоходомъ сказавъ, *Сурокъ* превращается въ *Хорька*, la Fouine) Лисица говоритъ Сурку, а не онъ ей, какъ въ подлинникѣ:

„Что рыльцо у меня ва пушку (*).“

Всего забавнѣе въ этой Антологіи переводы старинныхъ Рускихъ пѣсень, свадебныхъ и хороводныхъ: онѣ такъ переражены, такъ офранцужены, что должно перебрашь въ памяти всѣ наши народныя пѣсни, чтобы кое-какъ, по примѣшамъ, угадать нѣкоторыя изъ нихъ въ переводѣ (**).

(*) Notre Renard reprit d'un ton dolent
Je déplore tes amertumes;
J'aurais grand tort d'accuser ta vertu:
Mais quelquefois n'ai-je point vu
Ton museau tout couvert de plumes?

Trad. de M. de S. Maur.

Къ чему столько словъ? Скорѣ бы къ дѣлу, какъ у Крылова.

(**) Чтобы напримѣръ, въ этихъ стихахъ:

Dans la vaste prairie, où croit l'herbe soyeuse,
Au milieu de ces gazons frais
Que baigne un clair ruisseau couronné de bluets,
Un rien m'amuse et tout me rend heureuse.
Je fais paître un jeune cheval

Qui traînera bientôt le kibik de mon père . . .

Узналъ начало нашей хороводной пѣсни:

Во лужахъ, во лужахъ, и проч.?

Или въ слѣдующихъ:

Un jeune cigne, éclatant de blancheur,
Sortant de flots, secouait son plumage,

Попрося извиненія у Читателей нашихъ за длинное отступленіе, обращаемся къ заключенію спашьи Беспужева. Вопль его мнѣнія о пеперешнемъ сосполніи Рускаго языка и Словесности: „Надобно сказаць, что языкъ Руской, подобно Германскому въ XVIII вѣкѣ, возвышается нынѣ не смотря на неблагопріятныя обстоятельствова. Теперь учени-

Et s'écriait avec douleur:

„Faut-il déjà quitter ce doux rivage?“ . . .

Спарую свадебную пѣсню:

Отставала лебедушка

Что ома спада лебединова;

Приспавала лебедушка

Что ко спаду гусиному?

И што называешся *переводитъ*? Французъ, немного разумѣющій по Руски, вѣрно скажешъ; Il a bien rempli sa tâche; il a su embellir la stérilité de la poésie nationale russe! — Какъ бы я желалъ подслушать его и отвѣчать: Monsieur, il fallait ou ne pas traduire, ou tâcher de rendre l'original, avec autant de précision que cela est possible sans chercher à le surcharger de prétendus embellissemens.

„ки пишутъ такимъ слогомъ, какого са-
 „мые гени сперва рѣдко добывали (?) и
 „перья въ числительности твореній, мы
 „выигрываемъ въ чистотѣ слога. Одинъ
 „недостатокъ — у насъ мало творче-
 „скихъ мыслей. Языкъ нашъ можно упо-
 „добить прекрасному усиленному мла-
 „денцу: онъ лепечетъ сквозь сонъ гармо-
 „ническіе звуки, или спонетъ о чемъ-то;
 „— но лучъ мысли рѣдко блуждаетъ по
 „его лицу. Это младенецъ, говорю я, но
 „младенецъ Алкидъ, который въ колыбе-
 „ли еще удушаль змѣй. . . . И вѣчно ли
 „спашъ ему?“ —

Не лзя не согласиться въ справед-
 ливости сего мнѣнія: нынче молодые со-
 чинители, въ первый разъ печатающіе
 свои произведенія, могутъ похвалиться
 правильностію слога, логикой языка и
 круглоснію періодовъ передъ многими изъ
 старыхъ Писателей, оставшихся намъ
 отъ прошлаго вѣка. Теперь болѣе, неже-
 ли когда нибудь, означены границы язы-
 ковъ Рускаго и Славянскаго, и вкусъ рѣ-
 шилъ шажбу многихъ словъ и оборотовъ
 послѣдняго, насильно набивавшихся въ

языкъ Руской. между шѣмъ какъ шлоъ же въусь ушвердилъ права гражданства за другими словами, копорыя прилично и нужно допусшшь въ книжный нашъ языкъ, особливо въ поэшическій. — Къ сожалѣнню, нельзя оспорить и вшораго мнѣннн Г. Беспужева: въ Поэзш нашей легко можно найшш удачные обороты, шекучее стихосложеніе, — и очень, очень рѣдко счасшливую мысль, еще рѣже мысль новую. Здѣсь не виновать языкъ, что его убаякали легенькими колыбельными пѣсенками; подождемъ, пока онъ проснешся!

Изъ другихъ прозаическихъ пѣсеш, помѣщенныхъ въ семь Алманахъ, *Путешествіе по Саксонской Швейцарш* и *Рафаелева Мадона*, Соч. Жуковскаго, сущъ яркоблещущіе лучи *Полярной Звѣзды*. Въ первой изъ сшхъ пѣсеш, кромѣ вѣрнаго, прилшнаго напоминанія для бывалыхъ и заманчивой Панорамы небывалыхъ въ шѣхъ мѣсшахъ, Сочинштель одушевилъ свои описанія живошворнымъ воображеніемъ Поэша. Тѣже скалы, шѣже пропасти, шѣже дикія красоты природы получающъ у него другой видъ, оживляющъ и ка-

жупса движущимися исполчками. Безъ сомнѣнiя, ни одинъ Руской путешественникъ захошѣлъ бы впрочемъ побывавъ въ Саксонской Швецарiи съ самъ описаниемъ въ рукахъ, не для того, чтобы повѣрялъ оно, но чтобы повѣрялъ собственныя впечатлѣнiя. — Во вѣдомѣ ошрывкѣ, Жуковскiй изображаетъ, что чувствовала онъ; смотря на безсмертное произведенiе кисти Рафаеловой. Здѣсь Познь удивлялся Генiю живописи, искусство предшавлялъ ему неизобразимое — плашило дань искусству говорить очамъ,

„ Я былъ одинъ — говоритъ Познь-живописецъ: вокругъ меня все было тихо;

„ сперва съ нѣкошорымъ усиленiемъ вошелъ

„ я въ самага себя; потомъ ясно началъ

„ чувствовать, что душа разпроспранилась: какое-то прогательное чувство величiя въ нее входило: неизобразимое было для нее изображено, и она

„ была тамъ, гдѣ только въ лучшiя минуты быть можешь. *Генiй густой красоты* былъ съ нею.

„ Онъ лишь въ чистыя мгновенья

„ Бышiя слышаешь къ намъ,

„И приносишь откровенья
 „Влагодaшныя сердцамъ:
 „Чтобъ о небѣ сердце знало
 „Въ темной области земной,
 „Лучшей жизни покрывало
 „Приподъемлешь онъ порой;
 „А когда насъ покидаешь,
 „Въ даръ любви, у насъ въ виду,
 „Въ нашемъ небѣ зажигаешь
 „Онъ прощальную звѣзду.“

Объ увеселеніяхъ Россійскаго Двора при Петрѣ I, Соч. Корниловича. —
 Сочинитель нашель шайну разоблачать для насъ сшарину Рускую и предсавляшь ее въ видѣ ощушительномъ. Кажеться, видишь передъ глазами Пешра, по ласковаго хозяина, радушно угощающаго всѣхъ званыхъ и незваныхъ, шолкующаго о Богословіи съ Духовными, о дѣлахъ Государственыхъ съ Министрами чужеземными, о мореходствѣ съ моряками; шо искуснаго кормчаго, споящаго у руля и направляющаго бѣгъ легкаго судна; шо, съ барабаномъ въ рукахъ, сзывающаго подданныхъ своихъ не на пирь кровавый, а на пирушку веселую.—Многія подробности объ увеселеніяхъ Двора и

города, рассказанныя быспро и живо, дѣлають спашью сію весьма занимательною .

Н. Беспужевъ, въ письмѣ *Объ удовольствіяхъ на морѣ*, изобразилъ сіи удовольствія такими яркими, блестящими красками, что кажется, даже люди, страдающіе врожденною или прививною неизлѣчимою *гидрофобіей*, могутъ почувствовать въ себѣ искушеніе—прогуляться по грозной и непостоянной стихіи вмѣстѣ съ Сочинителемъ. Слогъ его цвѣтисць, но плавень и естественень.

Повѣсти А. Беспужева: *Замокъ Нейгаузенъ* и *Романъ въ семи письмахъ*, отличающіяся занимательностію происшествій, новостію положеній, быспрымъ и пламеннымъ рассказомъ, въ копоромъ часто проскакивають искры, а иногда и блестяги ума. — По многимъ отношеніямъ, мы въ полномъ убѣжденіи отдаемъ преимущество первой изъ сихъ повѣстей; во второй, часто веселый нравъ Сочинителя замѣльнымъ образомъ борется съ мрачнымъ разположеніемъ духа его героя, и не всегда оспается побѣдителемъ.

Булгаринъ, въ Модной Ласкѣ, изшпировалъ намъ весьма убѣдительно, что значить слово *фасонъ*, на языкѣ Французскихъ модистокъ, приѣзжающихъ къ намъ *фасонировать* для себя посильное и безбѣдное соспояніе на всю жизнь свою. Остроумные намеки мужьямъ-угодникамъ, забавные доводы и важно шушливый слогъ, хорошо выдержанный, дѣлающъ пьесу сію одною изъ лучшихъ на Рускомъ языкѣ въ родѣ свѣтской философіи.

Двѣ Аллегоріи Ф. Глипки: *Прохожій* и *Страшная гостя*, предсавляютъ ушѣщительную картину будущаго для добрыхъ. Онѣ земнымъ говорятъ о Небѣ. Слогъ почтеннаго Автора знакомъ нашимъ Читаателямъ; а чтобы дать понятіе о содержаніи сихъ двухъ небольшихъ пьесъ, по должно бы всё ихъ выписать. Предсавляемъ читающимъ Полярную Звѣзду, удовольствіе прочесть и разгадать оба сіи иносказанія.

Рускіе Синонимы: *милый* и *любзный*, *уваженіе* и *почтеніе*, весьма умно и справедливо опредѣлены во всѣхъ ихъ знаменованіяхъ Д. Княжевичемъ. Это не сухой,

ученый разборъ Синонимъ; но замысловатое и пріятное изложеніе оныхъ въ свѣтскихъ ихъ примѣненіяхъ, оживленное примѣрами, у мѣста приводимыми изъ лучшихъ нашихъ Писателей.

Г. Сенковскій украсилъ и въ эпопѣю развѣ Полярную Звѣзду переводомъ съ Арабскаго языка. Здѣсь помѣщена имъ *Кассида* (т.е. небольшая Поэма) *Витязь Булана о коня*, знакомящая насъ съ воображеніемъ, нравами и обычаями кочующихъ племенъ Аравіи.

Изъ семидесяти слишкомъ Спихотвореній, помѣщенныхъ въ Полярной Звѣздѣ нынѣшняго года, мы упоминаемъ о нѣкошорыхъ, кои болѣе прочихъ намъ блеснули въ глаза, не выдавая однакожъ нашего вкуса за самый вѣрный и неоспоримый. При избыткѣ хорошаго, какъ говорится, глаза разбѣгаются. Разбирать красоты cadaго изъ сихъ спихотвореній, заставило бы насъ повторять въ нѣсколькихъ Но сего журнала: продолженіе въ слѣдующей книжкѣ; ограничимся только заглавіями нѣкошорыхъ: *Сцена*

изъ *Дѣвы Орленской*, Трагедіи Шиллера (*) пер. Жуковскаго; *Отрывокъ изъ второй пѣсни* *Виргиліевой Энеиды*, его же; *Василекъ* *Басня* И. А. Крылова; *Карамзинцу*, Башюшкова; *Нереида*. *Въ Альбомъ малюткѣ* и *Элегія*, А. Пушкина; *Петербургъ*, и *Волкъ не давай рѣкамъ* — пѣсни въ родѣ Французскихъ водевилей на пословицы, — Кн. Вяземскаго; нѣсколько *Басень* безъ имени Автора, опмѣченныхъ * * * ; *Дѣб сцены изъ комедіи: Аристофанъ*, Кн. Шаховскаго; *Легенда*, сказка А. Измайлова; *Два опрыска* изъ *Поэмы: Войнаровскій.*, Рылѣва; *Горе и Благодать* (изъ *исалма 86*) и *Минута въ лучшемъ мѣрѣ*, Ф. Глинки; *Римъ*, *Ода: Истина и кѣ* * * * , Баратынскаго; *Умершая красавица*, Плещнева; *Дѣб пѣсни во вкусѣ* народныхъ Русскихъ, Б. Дельвига; *Отрывокъ изъ Спихошворенія (**)* *Паденіе Иерусалима*, Ободовскаго. — Многія другія спихошворенія *Полярной Звѣзды* имѣютъ равное право на вниманіе чипаше-

(*) Чипана въ публичномъ Собраніи Общества 22 Маія 1823 года.

(**) Цѣлое спихошвореніе помѣщено въ сей книжкѣ *Соревнователя*.

лей; но мы боимся имъ наскучить сухимъ оглавленіемъ. — Вообще можно сказать, не опасаясь бытъ уличеннымъ въ приспращіи, что Издатели, въ выборѣ произаическихъ и спихопворныхъ пьесъ для своего Альманаха, руководствовались вкусомъ спрогимъ и разборчивымъ, имѣя въ виду разнообразіе и оцѣняя по собственнымъ ощущеніямъ удовольствіе, которое онѣ принеспи могутъ. Поздравляемъ Гг. Издателей съ самымъ полнымъ успѣхомъ и смѣло имъ предсказываемъ, что *карманная* эта книжка не залежится у нихъ въ *карманѣ*, но безъ сомнѣнія найдетъ мѣсто и на *шувалесахъ*, и въ *кабинесахъ*.

Q. C.

В.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

~~~~~

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

~~~~~

Онъ нѣкогда опшу сказалъ:
„Мнѣ жить съ тобою нѣтъ охоты,
Мнѣ тяжки сельскія работы:
Еще я свѣша не видалъ.
Отдай наслѣдное имѣнье,
Отдай, отецъ, мою мнѣ часть.
Я надъ собой имѣю власть
И въ свѣилѣ жить найду умѣнье....“
Онъ взялъ и продалъ свой удѣлъ
И пошелъ на берегъ Нила
И скоро чуждый край узрѣлъ
И неба чуждаго свѣшила...

И сталъ себѣ онъ господинъ:
 Мечны и спраśni заиграли,
 Какъ искры радости сверкали
 И, мнимый сердца властелинъ,
 Онъ въ область ринулся забавы:
 И въешся рой друзей лукавыхъ
 Крутомъ безпечнаго въ пирахъ;
 Онъ сладко дремлетъ на коврахъ
 И Тирскія заславши шкани,
 Онъ лести собираетъ дани;
 И въ страстныхъ шающій огняхъ,
 Въ кругу красавиць свѣтло-жкихъ
 Среди ароматовъ и сластей
 Въ черпogaхъ кедровыхъ высокихъ,
 Онъ снлъ бразды съ своихъ спрасныхъ...
 И гворишь: „ Дни кратки наши
 Какъ сонъ шуманный прелепны!
 Друзья! Смѣлѣй напѣвимъ чашу
 И въ благовонный аромашъ,
 Огнь многоцѣннаго елѣя,
 Власы пошопимъ! . Не жалѣя
 Я угощаю, други, васъ!
 Насъ обовьютъ красавиць раки!
 Намъ роны и свирѣлей звуки. . .“
 Но вошь, какъ смерть, подкрѣся часъ,
 Какъ ташъ въ полунощи не зримый,
 И обнищальи и гонимый
 Бѣжишь, минушной нѣги сынъ,
 Въ пустыни дикія одинъ

• * *

Весна свѣжитъ природы видъ:
 Роспушъ рѣки священной воды
 И надъ рядами Пирамидъ
 Горяшъ безоблачные своды
 И пальмы клоняшся съ холмовъ,
 Какъ дѣвы спройныя рядами;
 И дышешъ и кипишъ любовью
 И въ небесахъ и подъ водами
 И, какъ женихъ, роскошный Ниль
 Течешъ лобзашъ свои долины
 И остро-зубый крокодилъ;
 Покинувъ шайныя пучины,
 На солнцѣ дремлешъ межъ подругъ.—
 Всѣ нѣжитъ взоръ, ласкаешъ слухъ
 Но грустный гость чужова берега
 Не зришъ красы чужой спраны:
 Не для него природы нѣга
 И радости родной весны—
 Въ душѣ проснулися печальной,
 Какъ на долинь погребальной
 Съ зарею свѣжіе цвѣшны — —
 Ужъ буйной юности мечшы
 Прошли, какъ слухъ о счастья ложный,
 И онъ, въ надеждахъ оспорожный,
 Сказаль, тоскуя самъ съ собой:
 „ Когда, гонимый я судьбой,
 „ Когда ошъ жизни опорвуся?
 Но вдругъ рѣшась: „ я возвращуся!
 „ Къ тебѣ, опецъ, къ тебѣ хочу!

„ Передь тобою, другъ почтенный!
 „ Страстями спранникъ заблужденный,
 „ Себя въ грѣхахъ я обличу....
 „ Скажу: суди! — Но видь суровый
 „ Смягчивъ, родишель! дай окозы:
 „ Мнѣ мило будетъ ихъ носитьъ;
 „ Пускай мой изгложушь ноги:
 „ Я буду паспырь швой убогій,
 „ Но шолько дай съ собою жишь!“

* * *

Ужъ близкій онъ къ мѣстамъ роднымъ
 Благословляешъ мысль возвраша,
 И родины завидѣль дымъ:
 (Онъ слаще нѣги аромаша!... —)
 Бѣжитъ знакомый ручеёкъ,
 Какъ юность прежняя свѣшляя;
 И ласковымъ привѣшпомъ вѣя,
 Пришельца встрѣшилъ вѣперокъ
 И спранникъ, проясняясь думой,
 О счастья прежнемъ замечшалъ
 „ Но, мой ошець! швой видь угрюмой....
 „ Боюсь.....“ — И весь онъ шрепешалъ
 И цѣпенѣль и колебался.....
 Но кто надъ нищимъ улыбался,
 И сердцу сердцемъ говорилъ?
 Кто окропилъ его слезами
 И, столь зкаккомыи руками
 Въ свои объашія стѣснилъ? —
 Ошець!..... Онъ здѣсь — и все забыто!

Тиха душа, какъ свѣпмый миръ;
 И ожилъ грустною убитой
 И зашумѣлъ веселый пиръ

• Когдажъ и я, дитя неволи,
 Изъ знойныхъ жизни сей степей,
 Изъ сей шуманная юдоли,
 Сломивъ кольцо земныхъ цѣпей,
 Къ Тебѣ, Небесный, возвращуся;
 И на пупи въ Твой свѣпмый домъ, —
 Покрыпый прахомъ и стыдомъ,
 Передъ Тобою поклонюся,
 Благій Господь мой и Опець? —
 И грусти не сдержавъ обильной,
 „Я здѣсь! воскликну наконецъ:
 Я предъ Тобою, Боже Сильный!
 Я Блудный сынъ, Ты Судия!
 Средь Ангеловъ Твоихъ нѣмѣю
 И повѣсть разказать не смѣю
 Тебѣ земнаго бытія!
 Но въ царствѣ смерти и порока,
 Средь говорящихъ мертвецовъ,
 Я зрѣлъ душой Твой домъ высокой. . . .
 Я весь былъ грусть и весь любовь
 И не нашель любви взаимной. . . .
 И упомненый опъ преревогъ,
 Приютъ спрасней покинувъ дымной,
 Вхожу въ веселый Твой черпогъ. . . .“

Еще въ земной моей печали
 Мнѣ о любви швоей сказали
 Твои свящныя небеса
 Ахъ, повели, Опець мой Вѣчный!
 Да прирожденный грѣхъ сердечный,
 Омоешь горняя роса!
 Да совлекушь съ меня оковы,
 Что нажилъ я въ жишнейской мглѣ,
 Да проживу съ Тобой я *новый*
 И *не* забуду о землѣ!“

Сеодоръ Глинка.

ПАДЕНИЕ ІЕРУСАЛИМА

Іерусалимъ, печалень образъ швой!
Иль шуа Божескаго мщенья
Нависла надъ швоей главой
Съ перуномъ грознымъ разрушенья?

Ужель грядешъ на Судъ разгнѣванный Вла-
дыка?

Ужель палишь тебя горящій Ликъ Его?
Нышъ, нышъ, не узришь шы Божеспвеннаго
Лица!

Онъ скрышь ошъ взора Твоего!

Врага ополчая, Каратель Незримый
Развѣешь преступныхъ Іакова чадъ,
Какъ пепельъ грозой по полямъ разносимый,
И съ шрескомъ разсыплешся царшвен-
ный градъ.

Судъ близокъ! прещеть
 Салимъ нечестивый,
 Предчувствіе казни
 Смущаетъ его.

Всклубилися воды
 Морей чужеземныхъ . . .
 Средь парусовъ бѣлыхъ
 Сіяють орлы (*).

И крылья разширя,
 Горятъ неперпѣнемъ
 Израиля сердце
 Въ когняхъ разперзашь.

Иерусалимъ, Иерусалимъ,
 Колоссъ до неба вознесенный!
 Со вѣмъ величіемъ своимъ
 Ты сгибнешь, Римомъ поглощенный.

Сіонъ, гнѣвъ Божій надъ побой!
 Тимпанъ швой смолкнешь сладкозвучный,
 И припадешь къ землѣ главою
 Левишь Иеговы злополучный.

Падешь предъ Римомъ гордый градъ!
 Орель взлещишь на верхъ Сіона,
 И устремилъ свой алчный взглядъ
 На пепель царства Соломона.

(*) Римскія знамена.

Ожесточенный рабъ, прибѣгни къ покаянью!
 Израиль, обратись къ пресполю Судіи!
 Возри на небеса, вѣрь казни предвѣщанью (*),
 О горе! сочлены Иеговой дни твои!

Возри, въ полночной шипинѣ,
 Предвѣстникъ Божескаго мщенья,
 Мечъ грозный въ лучахъ и въ огнѣ
 Виситъ надъ чадомъ опверженья.

Внимай — скрипятъ сполпы кедровы,
 Враша Свяпилица Иеговы
 Неизримою, мощною рукой
 Разверзлись, въ полночь, предъ шобой.

Свѣтъ райскій возсіялъ . . . изъ облакъ фи-
 міама
 Невидимыхъ уснень раздался гнѣвный гласъ:
 Избиде! дрогнулъ храмъ, огонь жершвен-
 ный погасъ
 Оспавилъ Саваоетъ чадъ злобныхъ Авраама.

Израиль, шы Богомъ опверженъ Всесиль-
 нымъ!

Не жди ко спасенью Господнихъ чудесъ;
 Ни жершвою шучной, ни гласомъ умиль-
 нымъ

Ошца не сзовешь съ омраченныхъ Небесъ.

(*) О сихъ предзнаменованіяхъ казни Иудеевъ говоритъ
 Иосифъ Флавій.

Ври — пылають дивный храмъ,
 Римскій мечь сверкаетъ въ дымъ;
 Трупъ во градъ. Казнь рабомъ!
 Раздалось въ Иерусалимъ.

На снѣгахъ, по спогнамъ кровь . . .
 Грудой шьтъ к кровнѣ снѣженной,
 Плещеть рѣвой обогрѣнной,
 Выступя изъ береговъ.

Иерусалимъ, Иерусалимъ,
 Печаль носящій отверженья,
 Ты палъ нечестіемъ своимъ,
 Сбылись Господни предрѣченья.

Прославленъ Вышній въ Небесахъ!
 Салима вѣркій щипъ распался,
 Святыни храмъ поверженъ въ прахъ.
На камень камень не остался.

Предъ Римомъ палъ надменный градъ!
 Орель взлетѣлъ на верхъ Сіона,
 И успремилъ свой алчный взглядъ
 На пепель царства Соломона (*).

Платонъ Ободровскій.

(*) Отрывокъ изъ сего прекраснаго Стихотворенія помѣщенъ въ Полной Забѣдѣ, на сей годъ (см. тамъ же).

ЧУВСТВА ПЛѢННАГО

П Ъ В Ц А.

Тоскуя сидѣлъ я на брегѣ потока.
Позоръ Вавилонянъ разсвѣтъ озарялъ:
Сатрапъ, попирая Царицу Востока, (*)
Вѣками сплешенный вѣнецъ обрывалъ!
И въ рубищахъ дѣвы бѣжали полною,
Въ слезахъ озираясь на опщескій кровь,
Гдѣ жили онѣ безмяшежной душою,
Гдѣ юности свѣшлой вкусили любовь.

*

Средь пышныхъ развалинъ бродилъ я мечшамъ,
Смотря на извивы свободной спруи.
И пѣсней хошѣли. — Миѣ славишь спрунами
Побѣды Сатрапа и узы священной земли?
Нѣшъ! лучше изсохни подъ цѣпью десная,
И пылокое сердце въ неволѣ изпшѣй,

(*) Справа Иерусалимская.

Чѣмъ арфу порочишь, душѣ измѣняя,
И пѣснію слухъ швой лелѣяшь, злодѣй!

Повѣсилъ я арфу на вѣшьяхъ оливы.
О Салемъ, да будешь свободенъ въ ней звукъ!
Когда швоей славы замолкли ошзывы,
Я спасъ ее съ жизнью ошъ вражескихъ рукъ.
И въ рабствѣ Евфрашъ небеса ошражаешъ,
И гордо по нивамъ павненнымъ бѣжишь.
Такъ сердце Пѣвца гнѣвъ судьбы презираешъ,
И пѣснію робкой врага не даришь!

В. Григорьевъ.

БЛИЗОСТЬ МИЛОЙ.

Капнилсяль надъ озеромъ радостный день;
Свѣплѣешь ли мѣсяць въ пошокъ,
Прорѣзавъ лучами вечернюю шѣнь;
Иль ночь разлилась на воспокъ, —

Ты всюду сливаешься съ мыслью моею,
Ты съ ней неразлучна и въ мракъ ночей.

Шумишь ли волна подь наклономъ березь,
Вспавая на берегъ песчаный;
Шелохнетсяль роца съ разсвѣтомъ небесь,
Спрясяя ночные шуманы, —

Ты всюду сливаешься съ мыслью моею,
Ты съ ней неразлучна и въ мракъ ночей,

Вълѣпъ ли вихремъ въспревоженный прахъ,
Столбомъ пронесясь надъ равниной;
Торопясь пушникъ на шемныхъ поляхъ
Завидѣвъ шалашъ свой пуспынной, —

Ты всюду сливаешься съ мыслью моею,
Ты съ ней неразлучна и въ мракъ ночей.

В. Григорьевъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ 3—МУ.

~~~~~

Подъ тяжестью судьбы слѣпой гоненья,
Среди утратъ сей жизни временной,
Мнѣ вѣренъ былъ мой геній вдохновенья
И пряснялъ дни мрачные мечтой:
Онъ мнѣ сулилъ за рубежомъ спрадана .
Спокойные и радостные дни,
Онъ мнѣ сулилъ, что тайныя желанья
Тамъ сбудутся поскующей души.
Небесный другъ, въ понятныхъ опкровеньяхъ
Онъ мнѣ вѣнокъ беземертнѣ сулилъ. . . .
Нѣшь! нѣшь! по я въ плѣнительныхъ ви-
дѣньяхъ
Небесный другъ, твой голосъ слышашъ мнилъ,
Нѣшь! радость мнѣ ничто здѣсь не сулило, . . .
Умолкнешъ струнъ моихъ печальный звонъ,

Когда сырой покроюсь я могилой,
 Не перейдетъ къ потомкамъ д льнимъ онъ...
 Такъ! я умру — и шяжкія спраданья,
 Сопушники мои ошъ раннихъ дней,
 И славы жаръ, и рѣзвыя мечпанья,
 И лиры звукъ задумчивой моей, —
 Какъ упра дымъ, умрушъ они со мною;
 Мой спящій прахъ любовь не посьшипъ,[!]
 И сладкою горячею слезою
 Никпо, никпо мой холмъ не окропишъ.

А ты, Поэтъ, другъ дѣшсшва незабвенный,
 Ты славу зришь передъ собой вдали!
 Пой радосшъ мнѣ на лирѣ вдохновенной;
 Тебя себѣ Камены обрекли:
 Дай мнѣ вкусишъ о прошломъ воспоминаше,
 Внимая спрунъ швоихъ волшебный звонъ,
 Дай заглушишъ души моей спраданье
 И горесши въ груди невольный спонъ. —

А. Германъ.

Н А У К И.

И С Т О Р І Я.

ПЕРВОЕ ПОСОЛЬСТВО РУСКИХЪ ВЪ ГОЛЛАНДИЮ ПРИ ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИ- ХАЙЛОВИЧЪ.

Алексѣю едва минуло 13 лѣтъ, когда скончался отецъ его, Царь Михайль. Не смотря на молодость свою, онъ немедленно вступилъ въ управление Государствомъ, и на другой день по смерти родителя, былъ вѣнчанъ (*). Слѣдуя по достославнымъ стопамъ своего предшественника, онъ милоспиво обходился съ Гол-

---

(*) Это несправедливо. Царь Михайль скончался 14 Юля, Алексѣй вѣнчался на царство 28 Сентября 1645 года. *Пр. Пер.*

дандцами. На поздравленіи по случаю его
 возшесипвія на престоль и на прозьбъ
 ихъ о покровительствѣ, юный Царь ош-
 звѣчалъ увѣреніемъ; „что онъ сохранишь
 „ къ нимъ милоспивоое свое благоволеніе,
 „ и позволишь имъ шорговашъ въ своихъ
 „ земляхъ на прежнемъ основаніи, по
 „ еспъ, съ шѣми же правами, преимуще-
 „ спвами и выгодами, какими они поль-
 „ зовались при его въ Бозѣ почившемъ
 „ доспославной памяши Государѣ Роди-
 „ телѣ. Сверхъ шого Намѣспникъ Архан-
 „ гельскій Князь Иванъ Ромодановскій по-
 „ велѣлъ объявишь въ 1645 году на ша-
 „ мошнемъ шоржищѣ, что Голландцы мо-
 „ гутъ продолжашъ свою шорговлю, какъ
 „ при Царѣ Михаилѣ, и чшобъ они со-
 „ вершенно полагались на милоспъ Его
 „ Царскаго Величеспва, кошорая рас-
 „ проспранипся на нихъ болѣе, нежели
 „ когда нибудъ.

Вскорѣ по вспуиленіи своемъ на пре-
 столь, Алексѣй вознамѣрился ошправитъ
 богашое Посольство къ Генеральнымъ
 Шпатамъ, чшобъ извѣспишь ихъ о пе-
 ремѣнѣ произшедшей въ Россіи, и чшобъ

возобновишь и утверишь съ ними дружбу и согласіе. Главою Посольства назначень былъ Мезенскій Намѣстникъ Болринъ Князь Илья Даниловичъ Милославскій, одинъ изъ знашійшихъ членовъ Царской Думы, и Дьякъ Иванъ Байбаковъ.

Для извѣщенія о прибытіи Пословъ, опшравленъ былъ впередъ съ письмомъ ошъ Царя къ Генеральнымъ Шшашамъ Дворянинъ Машвѣй Спиридоновъ. Его приняли въ Гагъ учшиво, содержали честно и опправили назадъ съ богашыми подарками.

Послы опправились въ назначенный имъ путь немедленно по возвращеніи Спиридонова въ Москву. Прибывъ на корабляхъ изъ Архангельска къ Голландскимъ берегамъ, они встрѣчены были по обыкновенію въ Текселъ и немедленно привезены въ Гагу. Соцумшвовали имъ много знашнихъ дворянъ и свшша, сошшоявшая болѣе нежели изъ 50 чловѣкъ.

Имѣя съ собою поденныя записки Россійскихъ Пословъ, призжавшихъ въ

Голландію въ 1631 году, они наспаввали, чтобъ съ ними обходились, неспшупая ни въ чемъ опъ прежняго церемоніала. Если случалось Гофмейсперу, провожавшему ихъ во время пупи, оспанавливаться въ какомъ нибудь пракширѣ, шо они спрашивали, что было на нихъ издержано, и если сіи издержки были менѣ нежели въ 1631 году, шо они изъявляли неудовольспвіе, приписывая эшо неуваженію къ ихъ особамъ.

Въ Гагѣ остановились они на нѣкоторое время въ пракширѣ у Геспбруга. Тутъ ихъ дожидались Гг. Фанъ Геншъ и Фанъ Букгорспъ со множествомъ карешъ. Послы недовольны были, что бороды сихъ Господъ были короче тѣхъ, которыя носили чиновники, назначенные Генеральными Шпашами для вспрѣчи Россіянъ въ 1631 году, и съ шрудомъ едва могли успокоить ихъ увѣреніемъ, что съ штого времени перемѣнилась мода на бороды.

Пословъ провезли въ большомъ шоржеспвѣ въ домъ, обыкновенно назначаемый для особъ сего званія: Гг. Фанъ Бем-

иель, Брюйшенксь, Фепъ, Фанъ-деръ Голькъ, Борда, Мюмертъ и Эибенъ вскрѣпали ихъ и угощали обѣдомъ. Послѣ того всякій день два члена изъ Собранія Генеральныхъ Шшаповъ посѣщали Пословъ во время обѣда и ужина, чтобъ разсвѣлять ихъ одиочеспиво, хотя не всегда охотно, ибо одни не были въ состояніи, другіе не хотѣли осушать большихъ кубковъ вина, обыкновенно выпиваемыхъ за сими прапезами. Между тѣмъ Гофмейстеръ объявилъ Россіянамъ, что Генеральные Шшапы разсудили сдѣлать воспановленіе касашельно приема Пословъ, что по силѣ сего воспановленія, оспаешся симъ послѣднимъ еще три дня, въ которые они будутъ пользоваться содержаніемъ ошъ Правительства, но что по испеченіи сего срока, они должны заботишся о томъ сами.

Объявленіе сіе было принято очень дурно. Послы ошвѣчали чрезъ переводчика: „что они удивляюшся сему воспановленію, но что ни въ какомъ случаѣ оно до нихъ не можетъ касашся, ибо они ошправлены не ошъ какого нибудь

Короля, а опть сильнѣйшаго изо всѣхъ Хрисціанскихъ Государей.

„Его Царское Величество, говорили
 „они, не зналъ о семъ постановленіи, а
 „мы его Послы не приготоновились къ из-
 „держкамъ, какихъ оно пребуешъ. Ви-
 „дано ли гдѣ, чпюбъ Великіе Послы жи-
 „ли на свой счетъ, когда проспые гон-
 „цы съ письмами содержашся Прави-
 „тельствомъ той земли, куда они оп-
 „правляющся? За чѣмъ же вы отвѣчали
 „на Государево письмо, что нашъ при-
 „ѣздъ будетъ вамъ пріятень? Полагаясь
 „на ваши слова, мы пріѣхали сюда и вмѣ-
 „сто чеспи встрѣчаемъ насмѣшки и не-
 „уваженіе. Мы не присланы сюда, чпюбъ
 „вы играли нами, какъ дѣшми. Когда къ
 „намъ приходяшъ Посольства, мы ихъ
 „принимаемъ, а вы хопите оскорбить
 „санъ Его Царскаго Величества; но мы,
 „находясь здѣсь, обязаны охранять честь
 „онаго. До сихъ поръ у насъ Голландцамъ
 „оказывающъ много чеспи и дающъ при-
 „личное содержаніе: будетъ еще лучше; но
 „мы пребуемъ взаимнаго.“ — Послы за-
 „ключили объявленіемъ, что они по окон-

чанин дѣлъ своихъ, наиѣреннъ возвра-
тились въ Архангельскъ; просили хоро-
шихъ кораблей, присовокупивъ, что они
должны выложить всѣ свои вещи, между
коими находились подарки; что для се-
го нуженъ имъ другой домъ, ибо два ко-
рабля наполнены ихъ имѣніемъ и на-
онецъ окончили пребываніемъ, чтобъ Гене-
ральные Шшапы дали имъ на сіе пись-
менный ошвѣтъ.

Такъ изъяснялись, говоришь Айцема,
Послы, зная что Голландія нуждалась въ
Московіи по выгодному съ нею шоргу;
шогда какъ Московія не получала ошъ
Голландіи ни одного шшивера.

Между шѣмъ Послы начали пригото-
вляться къ первой аудіенціи и показали
при семъ случаѣ не меньшую прошивъ
прежняго насшойчивость. Они непремѣ-
но хошѣли, чтобъ Принць Оранскій при-
существовалъ при аудіенціи, и чтобъ шол-
ны народа не безпокоили ихъ во время
шоржешвеннаго ихъ шествія въ домъ
Собранія Шшаповъ. Имъ представляли,
что первое несогласно съ обыкновеніями,
наблюдаемыми въ Голландіи, и что Его Вы-

сочесство, бывъ недавно боленъ. еще весьма слабъ; но никакія убѣжденія не помогли, и Принцъ приказалъ принести себя въ креслахъ въ собраніе, шѣмъ охотнѣе, что пронесся тогда слухъ, будто Царь отнялъ у Англичанъ право торговли въ Россіи за то, что Посоль его не былъ допущенъ къ Королю.

30 Ноября была первая аудіенція. Фанъ Бронхгорстъ, фанъ Букгорстъ и фанъ-дерь Нассе, пріѣхавъ за Послами въ ихъ домъ, провезли ихъ въ большомъ шоржесствѣ по главнымъ Гаагскимъ улицамъ въ домъ Генеральныхъ Шшашовъ. Послы хотѣли при семъ случаѣ блеснуть и одѣлись въ богатѣйшія плашья; множеству слугъ, также въ пышныхъ одеждахъ, несли предъ ними подарки и вѣрющія граматы. Вошедъ въ залу, они вручили Принцу послѣднія съ низкими поклонами, и за симъ начали чинить Царскій шишуль. При семъ случаѣ потребовали, чтобы всѣ присутствующіе въ залѣ вешали съ мѣстъ своихъ, даже самъ Прицъ, который, говоришь Айцема, едва могъ держаться на ногахъ. Одному изъ членовъ

недумалоеъ было сѣсть, но Посоль не допустилъ его до этого.

Прочитавъ Царскій пишულъ, Послы объявили, что они отправлены съ цѣлю утвердишь дружбу между Россією и Голландію и съ большею подробностію изъясняли, что Государь ихъ пользуется совершеннымъ здоровьемъ. По обыкновению страны своей, они входя и выходя привѣщивовали всѣхъ членовъ собранія пожатіемъ правыхъ рукъ.

Подарки состояли изъ 17 сороковъ соболей, нѣсколькихъ горноспаевыхъ и куньихъ мѣховъ, Персидскихъ шелковыхъ шканей и прекраснаго лука съ стрѣлами. Несли ихъ служители; держали ихъ надъ головами, пока Послы произносили рѣчи.

Спустя нѣсколько дней, а именно 8 Декабря, происходило бракосочетаніе старшей дочери Принца Генриха съ Курфирстомъ Бранденбургскимъ. Не льзя было не пригласить къ шоржеству Царскихъ Пословъ, тѣмъ болѣе, что хотѣли дать имъ понятіе о великолѣпнн Нидерланскаго Двора. Но они, пріѣхавъ къ церемоніи, требовали первенства предъ всѣми прочими

Послами и хошя спорили жарко, но не достигли желаемого и въ гнѣвъ увъхали. Г. Ресду поручено было ихъ успокоить и между шѣмъ убѣждать, чѣшобъ они болѣе соображались съ обыкновеніями той страны, въ кошорую прибыли. Мы не будемъ исчислять здѣсь жалобъ Гофмейстера на множество свѣспныхъ припасовъ и напишковъ, ежедневно употребляемыхъ Посольскою свишою, на порчу мебели въ ихъ домѣ, и ш. п. Упомянемъ только, что болѣе произошло затрудненіе въ переводѣ бумагъ Посольства съ Россійскаго на Голландскій языкъ, и что для сего принуждены были выписать изъ Амстердама Юасафа Рендорпа, кошорой едва могъ согласиться съ полначемъ Россійскимъ.

Мему шѣмъ въ Гагѣ получены были неприятыя извѣстія о торговлѣ Голландцевъ въ Россіи. Всѣ данныя имъ прежде привилегіи были нарушены и на жалобы не обращали вниманія. Купцы представили Генеральнымъ Шпашамъ пространную промеморію, прося, дабы они убѣдили прибывшихъ Пословъ къ возсшановленію прежняго порядка.

Съ своей стороны Шшапы назначили для переговоровъ съ Россійскими Послами Андрей Бикера, Брйнинкса, Феша, Роорда и Фанъ Реде Промеморія переведенная на Россійскій языкъ Рендорпомъ, вручена была Посламъ, копорые описътали, что Царю приносили жалобы на Голландскихъ купцевъ, что Его Величество дѣйствуешь не въ ихъ пользу вѣроятно по важнымъ причинамъ, и что для приведенія дѣла въ прежній порядокъ, всего лучше былобы Нидерландскому Правительству отпра- вить своего Посла въ Москву. Другаго описъта не лзя было описъ нихъ добиться никакими средствами. Больше всего заботились они о поддержаннн и защищеннн чести своего Государя. Увидѣвъ въ одной изъ поданныхъ имъ промеморій, что сказано было о Царѣ Великнй Князь Московскнй, они немедленно послали шребованн, шпобъ слова сн замѣнить выраженнмъ: *Его Царское Величество*. Когда Шшапы изъявили на шо свое согласн, шо они подали пространную записку о Царскихъ пиш- шулахъ, шребуя, шпобъ во всякомъ случаѣ слѣдовали ей, ни въ чемъ не оиснуая.

14 Марта скончался Принцъ Фридрихъ Генрихъ: Послы требовали аудіенціи, для изъявленія Генеральнымъ Шпатамъ своего сожалѣнія, и получили ону. Большое было затрудненія по случаю церемоніальнаго погребенія Принца. Надлежало пригласить иностранныхъ Пословъ, находившихся тогда въ Гагъ, и нельзя было пропустишь Московскихъ: между шѣмъ опасались, что они опять захотятъ первенства предъ прочими, а особенно передъ Французскимъ, что произвело бы новыя безнокойства, подобныя шѣмъ, какія уже были во время бракосочетанія. Къ счастью Россіане, помысливъ, что по принятому обыкновенію, они должны явиться на похороны въ черномъ одѣяніи и что шаковой нарядъ для всей свиты Посольства потребовалъ бы большихъ издержекъ, отказались отъ шорженнаго провожанія шѣла. Имъ предложили однакожь нѣсколько комнатъ въ новомъ городскомъ шпакширѣ, чтобы они могли видѣть все церемоніальное шествіе: но и шунь прозошли несосласія; Послы требовали, чтобы Шпашгалъшеръ Принцъ

Вильгельмъ II, прошелъ мимо ихъ безъ шляпы. Надлежало оспорожнымъ образомъ ихъ увѣрить, что, по церемоніалу, особы слѣдующія въ глубокомъ шраурѣ за пѣломъ, никому не кланяющся.

Взаимныя жалобы Пословъ и приешавленныхъ къ нимъ Голландскихъ чиновниковъ, побудили Генеральные Штабы назначить къ нимъ постояннымъ Приставомъ Коммиссара Спронсена. Мѣра сія сначала помогла: но вскорѣ случилось происшествіе, которое могло имѣть весьма важныя послѣдствія. Одежда и обращеніе Россіянъ привлекали ежедневно къ занимаемому ими дому множество любопытныхъ, и какъ первымъ часомъ случалось употреблялось слово *добре*, но Гагская чернь, завидя ихъ, кричала имъ симъ словомъ вслѣдъ. Одинъ изъ служителей Посольства, бывъ однажды на весельѣ, разсердился, слыша, что его дразнятъ и ударилъ одного изъ толпы. Сіе надѣлало шуму; произошла драка и Московичане, уступая превосходству, заперлись въ своемъ домѣ. Раздраженная чернь, начала бросать камнями въ ворота, пе-

решила въ домѣ стекла и дошла до такого безчинства, что надлежало употребить войско для усмиренія. Послы громко жаловались за оскорбленіе, требовали удовлетворенія. Генеральные Шпапы назначили Комишешъ, состоявшій изъ Гг. Фанъ-Расвельда, Рееде и Рипперда для розыска. Между тѣмъ обнародовано было по городу повелѣніе, коимъ запрещалось дразнить или оскорблять чѣмъ нибудь Московитянь, всѣ убытки были имъ возвращены и заплачено за леченіе посправившихъ во время драки.

Наконецъ въ Маѣ Послы заговорили объ отъѣздѣ. Они требовали 17 числа аудіенціи въ присутствіи Шпашгалътера; настаивали, чтобы имъ дать военный корабль, чтобы провожалъ ихъ Шаупбенахтъ Фанъ Капсъ и наконецъ чтобы позволено взять съ собою въ Россію Исаака Фанъ Бекгофена, сына его Корнеліи и еще 20 человекъ, которыхъ они набрали для военной службы Царя. Генеральные Шпапы изъявили на сіе свое согласіе. Во время аудіенціи, Послы снова весьма сильно жаловались на причинен-

ное имъ насиліе. Члены Собранія положили съѣхаться на другой день для подробнѣйшихъ объясненій. Большаго труда стоило успокоить Россіянъ: надлежало для сего предсавить проповоку съ двланыхъ Комиссешомъ разысканій, котораго свисокъ Послы взяли съ собою. Между тѣмъ приказано было принять мѣры, чшобъ Московскихъ Пословъ встрѣшитъ приличнымъ образомъ въ Дельфтѣ, Гонгольдрикѣ и Схевенингѣ.

Послы много заботились о формѣ рекредитивныхъ грамотъ; хотѣли, чшобъ онѣ были написаны на пергаментѣ, и чшобъ Нидерландское Правительство благодарило въ нихъ Царя за слова: *мы Великій Госцдарь*, упошребленные въ его грамотѣ вмѣсто просшаго выраженія *Великій Госцдарь*, ибо доселѣ первое, говорили они, упошреблялось только въ грамотахъ къ Римскому Императору и къ Турскому Салтану. — Когда Цшашы на сіе согласились, Царскіе Посланые обратились къ нимъ съ вопросами: 1) какой цѣремоніаль будешъ наблюдать при опцускной Аудіенціи? — Подобный тому,

какой наблюдался при первой, отвѣчали имъ. 2) Какимъ образомъ отвезуть ихъ въ Россію? — Въ каретахъ до Горнбруга, въ шкупахъ до Амстердама, въ яхтѣ до Текселя, и на военномъ кораблѣ до Архангельска. 3) Кто поведетъ Посломъ къ Царю? — Онъ еще неназначенъ, но шкочкой конечно будетъ изъ самыхъ знаменитыхъ людей и Членъ Собранія Генеральныхъ Шпаповъ. — Сверхъ того Дьякъ требовалъ, чѣмъ ему показали письма разныхъ Государей къ Генеральнымъ Шпапамъ, для списанія писуловъ, чѣмъ впредь шкочкіе же употреблялись въ Царскихъ грамотахъ.

Наступила наконецъ опускная аудіенція: привозили и отвозили Пословъ Гг. Фанъ Сминія и Фанъ Лангенъ Кушцы просили Правительство, чѣмъ сдѣлать имъ необыкновенной цѣны подарки: но оно положило дать Посламъ сямъ же, что получили Россіяне, отправлявшіеся изъ Голандіи въ 1631 году. Боярину Князю Милославскому подарили золотую медаль съ цѣлью въ 4.000, Дьяку Ванбазову въ 3000, племяннику

перваго, брату послѣдняго, и Толмачу по медали въ 350, а Секретарю во 100 гульденовъ. Сверхъ того двумъ Посламъ дано было по 1250 гульденовъ пушевыхъ денегъ, оксофшъ водки, 4 оксофша Французскихъ винъ, 6 бочекъ пива, и пр. Священникамъ дали каждому по 50, а служителямъ по 15 гульденовъ. Но Послы были симъ недовольны. Медали были слишкомъ малы. Нашъ Государь, говорили они, сильнѣе всѣхъ прочихъ, а пошому вы должны и Пословъ его почтисъ болѣе, нежели Пословъ другихъ Державъ. Чшобъ успокоисъ ихъ, надлежало сказать, что при дѣланіи медалей обращали преимущественно вниманіе на вѣсъ оныхъ, на длину и ширину цѣпей, и что въ семъ отношеніи дѣлаемые имъ подарки превосходятъ всѣ какіе когда либо давались другимъ Посламъ. Изъ 48 человекъ служителей Посольства, 36 обдарены деньгами. Но не смотря на то, ежедневно дѣлались еще разныя мѣлкія требованія, которыя тогда только прекратились, когда Приславъ Посольства показалъ Посламъ росписъ надержаннымъ на нихъ деньгамъ.

Россіане дѣлали еще различныя пред-
 шавленія: жаловались, что у нихъ бѣ-
 жаль одинъ служитель, требовали, чѣмъ
 въ ихъ присутствіи запечатали Царскія
 граматы и п. п. Наконецъ Гофмейстеръ
 объявилъ имъ, что уже прошло 7 недѣль
 послѣ опусканной Аудіенціи, что приго-
 товленныя для нихъ суда ждутъ ихъ бо-
 лѣ мѣсяца, и что наконецъ Правитель-
 ство Нидерландское откажется отъ со-
 держанія ихъ, если они захотятъ еще
 медлить отъѣздомъ, и уведомятъ о про-
 изшедшемъ самого Царя. — Сія слова по-
 дѣйствововали: 1 Іюля Послы выѣхали изъ
 Гаги, въ сопровожденіи Гг. Фанъ Генша,
 Фанъ Букгорста и Кланша. Свита ихъ
 умножилась 100 человеками Голландцевъ,
 кошорыхъ они взяли въ службу свое-
 го Государя. — Гофмейстеръ Моршанъ
 провожалъ ихъ до Амстердама и по-
 шомъ до самаго Тексея. Они изъявляли
 ему удовольствіе за учиненный имъ че-
 стный пріемъ и поручили ему благода-
 рить Собраніе Генеральныхъ Шшашовъ.

Изъ Схельтелы. — А. Корниловъ.

С М Ъ С Ь.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЛЕКЦІИ

**Физико-Химическаго Курса Г.
Академика Шерера (*).**

Изъ объявленій въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ и въ Сынѣ Отечества прошлаго года довольно извѣстно, что Академикъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ А. И. Шереръ преподаетъ нынѣ почтеннѣйшей публикѣ особенный Физико-химическій Курсъ на Россійскомъ языкѣ, и Лекціи сего Курса сокращенно издаются по желанію Гг. Посѣщателей въ особыхъ печатныхъ листкахъ, раз-

---

(*). Составляемая для Гг. Посѣщателей оныхъ Дѣйствительнымъ Членомъ сего Общества В. В. Любарскимъ.

ходящихся погмо между немногими лицами. Но дабы могли оными пользоваться и Гг. Чинопатели сего Журнала; по здѣсь помещающа онъ въ надлежащемъ порядкѣ ихъ преподаванія.

Л Е К Ц І Я П Е Р В А Я.

і. В в е д е н і е.

і. Намѣреніе Г. Шерера преподавать сокращенный курсъ (Cours populaire) Физики и Химіи съ Техническимъ приложеніемъ общепользныхъ спашей, имѣющихъ предметомъ: здоровье, домоводство, хозяйство и разные отрасли народной промышленности (industrie nationale), каковыя курсы непрерывно читаются въ разныхъ просвѣщенныхъ Государствахъ, какъ напр. въ Англіи, Франціи и Германіи.

я Польза доставляемая *естественными науками* (Sciences naturelles) вообще и Техническими познаніями, или Технологіею въ особености. Необходимость такихъ свѣденій для всякаго человѣка. Примѣръ воспитанія юношества въ иностраннхъ земляхъ. Усовершенствованіе *искусствъ* (Arts et Métiers) въ Англіи.

3. Цель и сущность преподавания Г. Шерера не состоятъ въ глубокой учености, но единственно въ сообщеніи краткихъ и ясныхъ понятій (populaires) о природѣ вообще и въ показаніи шехническаго употребленія мноразличныхъ естественныхъ явлѣній, нужныхъ и даже необходимыхъ для насъ въ жизни. При семъ будешь обращено вниманіе токмо на предметы, коихъ существованіе неопровергаемою опытностію доказано, не принимая въ разсужденіе безчисленныхъ открытій, еще неутвержденныхъ истинною.

4. *Номенклатура*, столь затруднительная въ Химіи, должна быть столь возможно прослѣже и единственноже во всѣхъ языкахъ. Словопроизведеніе, основанное на Логическихъ опредѣленіяхъ (definitio) никогда не можешь быть съ точностію выполнено: имена не могутъ быть опредѣленіями вещей: въ противномъ случаѣ мы нерѣдко подвергаемся большимъ затрудненіямъ и вреднымъ ошибкамъ, чему есть нѣкоторыя образцы. Неужели напр. *Нашатырь*, *Селитра* и ш. п. всѣмъ извѣстныя имена, не выражаютъ надлежащихъ понятій, и для чего намъ (въ общежитіи) вмѣсто сихъ именъ употребляешь слова: *Солнокислой Амiakъ*, *Селитрокислой Кали* и проч., каковыя названія предоставилъ можно лишь естественной наукѣ? —

8. Физику отъ Химіи въ шочности отъ-
дѣлишь шрудно; ибо гдѣ недоспапачешвуешъ
Физика — тамъ замѣняешъ ее Химія. Обѣ
еія науки, природу вообще разсмапривающія,
соединяются между собою неразрывно. И такъ
неподвергая ихъ никакому искусшвенному
раздѣленію, присшупимъ къ сущности дѣла.

а. *О всеобщихъ первоначальныхъ силахъ
природы.*

1. Обрапшивъ наше вниманіе на природу
вообще, мы толчасъ усмаприваемъ, что все
естественныя шѣла имѣюшъ два главнѣйшія
свойства: первое состоишъ въ ихъ наружномъ
видѣ, или *формѣ* (*forme d'aggregation*), второе
— оппмѣнно важное — состоишъ въ ихъ смѣ-
шеніи (*mixture*), или соединеніи между собою,
что собственно образуешъ *составъ* (*combinaison*) шѣлъ. А потому и главнѣйшее разсма-
триваніе природы долженствуетъ бышъ съ
сихъ шокмо споритъ.

а. Мы замѣчаемъ, что разные виды, или
формы шѣлъ и различныя смѣшенія, или сое-
диненія ихъ между собою зависятъ отъ двухъ
(1) *силъ*, кои по сему и называющіяся *главными*

(1) Можешъ бышъ и отъ одной шокмо силы, но въ
двухъ различныхъ измѣненіяхъ своего дѣйствія
на шѣла.

или первоначальными силами природы, изъ которыхъ одна образуетъ разные виды, или формы шѣлъ, а другая производитъ всевозможныя смѣшенія оныхъ, или образуетъ составы шѣлъ. Сила, дѣйствиємъ которой частицы шѣла (*molécules intégrantes*) совокупляющіяся, или связывающіяся (скопляющіяся) между собою для образованія цѣлой массы, производя шѣ различные виды, или формы въ какъ-либо естественныя шѣла бывающія, называется вообще *сцѣпленіемъ* (*Coésion*), или частичнымъ приращеніемъ (*Attraction moléculaire*). Но та сила, которая влечетъ разнородныя вещества соединяющіяся въ массу однородную, производя чрезъ сіе многоразличныя смѣшенія, или всевозможныя составы шѣлъ (*Composition*), именуется для отличія *Химическимъ средствомъ* (*Affinité*).

3. И такъ ошъ силы сцѣпленія зависятъ различное состояніе шѣлъ: швердое и жидкое; напр. вода бываетъ, кромѣ естественнаго капельно жидкаго состоянія своего, въ швердомъ — ледъ, парообразномъ и даже газообразномъ (на подобіе воздуха) видахъ, но между шѣми состояв. ея не измѣняющіяся. Окончательное дѣйствіе силы сцѣпленія при переходѣ шѣлъ изъ одного состоянія въ другое, именно: изъ жидкаго въ швердое, состоитъ въ нѣкоторомъ правильномъ скопленіи ча-

еицъ оныхъ шѣлъ, каковое дѣйствіе имену-
ють кристаллизацию, а производія оны
шого многоразличныя шѣла, геометрическую
правильность имѣющія, называютъ вообще
кристаллами. Напр. одинъ извѣстной
шпатель имѣетъ многочисленное измѣненіе
своей кристаллизаци; соли и можно сказать
всѣ шѣла (твердыя) могутъ кристаллизо-
ваться при благоприятныхъ къ тому обсто-
ятельствахъ (1).

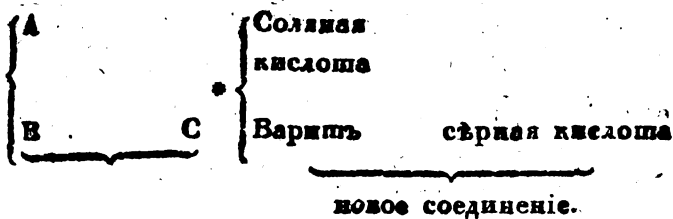
4. Но сила сродства Химическаго, отъ
которой зависить составъ шѣлъ, произво-
дитъ совсѣмъ другія, разнелельныя и оимѣн-
но важныя въ шѣлахъ перемѣны: она, смѣ-
шивая два, или болѣе разнородныя шѣла, из-
мѣняетъ и нерѣдко уничтожаетъ первобыт-
ныя ихъ качества, раждая новое шѣло съ ош-
личными свойствами. Примѣромъ еему по-
служить можешь Кизоваръ, состоящая изъ
сыры и ршунши, или слѣдующіе опыты (*):
1) раствореніе металловъ напр. мѣди и ршун-
ши въ кислотахъ и осажденіе (précipitation)
свѣхъ металловъ изъ раствора (Solution) о-
панъ въ чистомъ состояніи: 2) Дѣйствіе на-

(1) При семъ показаны разнаго рода кристаллы есте-
ственные и искусственныя.

(*) Производимые на Лекціяхъ опыты будутъ означа-
емы сею звѣздочкою.

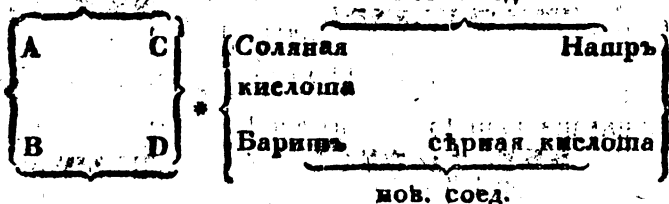
машыриаго спирта (Аміака) на воду, содержащую въ себѣ малѣйшее количество разтворенной мѣди; 3) Окрашиваніе синей лакмусовой настойки дѣйствіемъ кислоты. 4) Осажденіе желѣза и мѣди изъ раствора посредствомъ синильнокислаго кали въ видѣ Берлинской сини и красношапо-бурой краски; 5) соединяемость газа соляной кислоты съ газомъ Аміака для составленія машыря въ твердомъ видѣ.

5. Сродство между тѣлами бываетъ не одинаково. Находятся и такія тѣла, кои между собою ни малѣйшаго сродства не оказываютъ, напр. вода и песокъ или мѣлъ. Иногда тѣла, по видимому неимѣющія сродства между собою, удобно соединяются помощію другихъ тѣлъ, вступающихъ также въ общестъ ними соединеніе напр. * Сало или масло и вода чрезъ прибавленіе къ нимъ помаха вдругъ соединяются въ однородную массу; которая есть обыкновенное мыло. Тѣло, имѣющее большее, или сильнѣйшее, сродство съ другимъ, удобно отдѣляетъ отъ него всякое постороннее тѣло, которое меньшее сродство къ оному оказываетъ, при чемъ рождаются одно или на новыхъ соединенія (combination), напримеръ:

или

нов. соед.

Отсюда происходитъ понятіе объ *избирательной сродствѣ*, что шѣла какъ бы преимущественно избираютъ для своего соединенія другія, напр. сѣрная кислота всегда избираетъ баритъ и проч. На семъ главнѣйше основывается Химическое раздѣленіе, или *разложеніе* (Analysis) премногихъ шѣлъ на составныя ихъ части.

Заключеніе. Получивъ понятіе о главныхъ силахъ, въ природѣ дѣйствующихъ, займемся далѣе разсматриваніемъ основныхъ шѣлъ, или веществъ, изъ коихъ природа составлена, сколь возможно примѣняя ихъ къ нашему жишейскому употребленію. При семъ во первыхъ обратимъ вниманіе на шѣ существа, кои *трезвотайно токки*, и въ дѣйствіяхъ своихъ приближающа къ силамъ.

~~~~~

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

5. О началахъ вообще (Elémens).

~~~~~

1. Главнѣйшая цѣль Химическаго разложенія (*décomposition*) состоишь въ узнаніи *составныхъ частей* (*parties constituantes*) шѣлъ и въ шомъ, чтобы доспигнушь наконецъ до шѣлъ частей, кои разложишь далѣе уже нѣтъ способа; напр.

Желѣзной купоросъ	}	Сѣрная кислота	}	Сѣра
		Желѣзной окисель		Желѣзо
				Кислотворъ
				Кислотворъ.

Таковыя вещества, какъ напр. сѣра, желѣзо, кислотворъ и проч. далѣе не разлагающіяся, именуешь *простыми шѣлами* (*Corps simples*), или вообще *началами* (*Elémens*).

2. И шакъ подѣ именемъ началъ (химическихъ) разумѣшь должно шакія существа, изъ коихъ всѣ естественныя шѣла составлены, или кои образуюшь цѣлую природу (шѣлесный міръ). Ихъ называли прежде *Стіхіями*, или *Элементами*.

По сему главный предметъ Химіи состоишь въ познаніи сихъ началъ, или простыхъ (несложныхъ) веществъ и разныхъ соединеній оныхъ.

3. Уже древніе Философы замѣчали, что находящіяся шѣла, кои видимо учасшвуютъ въ сосиавѣ другихъ шѣлъ, почему и названы были оныя спихіями. Таковыхъ спихій по сисемѣ *Аристотеля* принималось шокмо 4, именно: огонь, воздухъ, вода и земля. Но въ послѣдствіе времени, когда Химія получила должный видъ свой, сіи древнія спихіи оказались вещесшвами сложными. *Лавоазіеръ* доказалъ сіе въ шочности, и положи основаніе надлежащимъ Химическимъ изслѣдованіямъ, шшвердилъ новую сисшему началъ, по которой онѣ раздѣляются на 2 главные класса: 1) *Несзѣшшваемыя* и въ сосудахъ неударжиаемыя, каковы суть: Свѣшъ, Теплоша и пр. 2) *Взѣшшваемыя* и въ сосудахъ удобно заключаемыя, къ коимъ принадлежатъ: а) вещества въ отдѣльномъ видѣ газообразный видѣ принимающія, *газообразныя* и повсюду въ природѣ распространеныя, каковы суть: Кислосворъ, Водосворъ и Азосъ, б) вещества шверды весьма *горюгил*, какъ шо: Углесворъ Сѣра и Фосфоръ, в) Щелочи (*Alcalis*), д) земли, е) металлы и г) нѣкоторыя кислоты именно: соляная, буровая и плавиковая И такъ по сисемѣ *Лавозіера* счшшалось уже до 50 началъ.

Мы не можемъ сіи вещества называть *неразлагаемыми*, но должны шчшшвать ихъ

шюкмо неразложеными. Новѣйшая снстема Химіи предлагаетъ намъ до 55 снхъ неразложенныхъ веществъ, въ числѣ коихъ нѣкоторыя изъ прежнихъ (снстема *Лавозіера*) дѣйствишельно разложены, нныя же шюкмо предполагаются сложными. Такъ напр. всѣ щелочи и нѣкоторыя земли дѣйствишельно разложены ошкрытіемъ Г. Деву (*Davy*), и состоятъ изъ особыхъ металлу подобныхъ веществъ, называемыхъ *металлоидами* и Кислотошвора; кислоты соляная, буровая и плавишковая почищаются шеперь сложными: первая изъ нихъ полагается состоящею изъ особеннаго вещества (простаго называемаго *Хлоръ* (*Chlore*), или *Хлоринъ* (*Chlorine*) и Водошвора; другая состоящею изъ особеннаго начала названнаго *Водронъ* (*Voге*) и Кислотошвора, и шрестія также изъ особеннаго начала именуемаго *Флуоринъ* (*Fluore*) и Кислотошвора. Сверхъ того безпрерывно ошарывающія новыя щелочи, земли и металлы, какъ напр. *Селеній*, *Ториній*, *Кидмій* и ш. и.

И шакъ по новѣйшей снстемѣ принимающія начала: 1) *Незвѣшываемыя* (*impondérables*): Свѣшшшваръ, Теплошваръ (*Calorique*) и Элекшричешшво (*Electricité*), къ кошорому и магнетизмъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ ошнесши должно; 2) *Звѣшываемыя* (*pondérables*), коихъ считается нынѣ болѣе 50; ихъ раз-

дѣляютъ вообще на 2 рода: *неметаллическія* и *металлическія*. Къ первымъ принадлежатъ: Кислородъ (Oxygène), Водородъ (Hydrogène), Азотъ (Azote), Углеродъ (Carbone), Сѣра, Фосфоръ, Боръ, Флуоринъ, Хлоринъ и Іодъ; а ко вторымъ: всѣ металлы, коихъ полагается нынѣ до 30 и металлоиды (основанія щелочей и земель), составляющіе особенно обширеніе металловъ.

Обратясь къ началамъ, или неразложеннымъ веществамъ новѣйшаго времени, и руководствуясь здоровою Аналогіею, мы должны согласиться, что, можетъ быть, придемъ наконецъ къ мнѣнію древнихъ Естествоиспытателей, и дѣйствительно имѣть будемъ изъ столь большаго количества мнимыхъ, весьма немногихъ истинныхъ началъ, каковыми по справедливости считаться можно, кромѣ невѣщиваемыхъ, только 4 существа, именно: Кислородъ, Водородъ, Азотъ и Углеродъ, а всѣ прочія должны быть сложны.

Итакъ начала вообще являющіяся намъ въ двухъ главныхъ качествахъ: одни суть недвижныя (сами по себѣ), или *мертвыя*, къ коимъ принадлежатъ невѣщиваемыя существа; а другія суть движущія, или *оживляющія* (Agents), кои образуютъ сферу существъ невѣщиваемыхъ. Слѣдовательно по разсмотрѣніи первоначальныхъ силъ природы, мы

должны во первыхъ обратитьъ вниманіе на существа, или начала невзвѣшиваемыя.

4. О невзвѣшиваемыхъ началахъ и въ особенности о магнетизмѣ.

1. Къ симъ принадлежатъ: Магнетизмъ, Электричество и Гальанизмъ, Свѣтопловъ и Теплопловъ, изъ коихъ при первыхъ соспавляютъ измѣненія одного и того же существа, называемаго вообще *Электрицизмъ*.

2. Здѣсь Г. Шереръ начинаетъ съ *Магнетизма* (1), понятія котораго удобнѣе сближаютъ насъ съ понятіями о прочихъ невзвѣшиваемыхъ началахъ, въ разсматриваніи коихъ слѣдуетъ наблюдать нѣкоторую послѣовательность. Припомъ на Магнетизмъ въ прежнихъ Физикахъ обращали наименьшее вниманіе, поставивъ его въ концѣ науки.

3. Магнетизмъ, какъ сила притягиванія (Attraction) нѣкоторыхъ металловъ, преимущественно обнаруживается въ ископаемомъ, названномъ *Магнитъ* (Aimant), названіе коего происходитъ со временъ глубокой древности

---

(1) Разумѣется обыкновеннаго; или Минеральнаго, не пріемля въ разсужденіе того рода Магнетизма, который несправедливымъ образомъ именуется *Животнымъ* (Magnétisme animal), или *Месмеризмомъ*.

отъ города *Магнези*, именованаго также *Ираклиемъ*, гдѣ оный минералъ первоначально былъ найденъ.

4. Въ древности имѣли многія баснословныя понятія о Магнитѣ, приписывая ему чудеснѣйшую силу напр въ пластырь изъ ранъ вытягивашъ металлическія части и п. п. Но теперь мы знаемъ что Магнитъ есть ничто иное, какъ особенный родъ желѣзной руды, именуемой вообще *Магнитный желѣзный камень* (*Fer oxidulé*), которая бываетъ темнобурнаго, или чернаго цвѣта съ металлическимъ блескомъ, значительной твердостью и тяжестью; она есть наилучшая изъ желѣзныхъ рудъ, ибо даетъ иногда до 80 проценти въ сплывающаго полосоваго желѣза. Сей-то камень, будучи въ чистомъ видѣ преимущественно обладаетъ Магнетизмомъ, представляющимъ въ прочемъ ничего чудеснаго, какъ полагали древніе Естественствователи.

5. Главныя отличительныя свойства, или явленія, усматриваемыя при дѣйствіи естественныхъ Магнитовъ, или Магнитныхъ камней, суть слѣдующія:

а. Они прилипаютъ желѣзо * и кромѣ того еще нѣкоторыя другіе металлы, именно: Кобальтъ и Никкель; когда сіи послѣдніе бываютъ чисты, или свободны отъ мышьяка. На семъ свойствѣ основывали было способъ,

узнавать присутствіе желѣза въ другихъ шѣлахъ: но замѣпишь надобно, что шокмо чистое желѣзо, или съ малымъ количествомъ примѣсей, напр. кислотвора и углѣшвора соединенное, припаягиваешся магнитомъ, а когда оно бываетъ насыщено, или пресыщено шакowymi своими примѣсями, или другими поспоронными веществами; шо уже магнитъ на него не дѣйствуетъ.

в. Магнетизмъ дѣйствуетъ на желѣзо и чрезъ другія шѣла, напр. сквозь толстую бумагу, сквозь стекло, дерево и проч., на чемъ основаны разныя *игрушки*.

с. Дѣйствіе магнетизма уменьшается и даже совсѣмъ уничтожилось можетъ посредствомъ нагрѣванія, накалыванія, ржавчины и мышьяка, напр. когда желѣзо бываетъ покрыто ржавчиною, или соединено съ мышьякомъ, каковыи мещадль вообще удивительное дліаніе имѣетъ на другія шѣла и въ особенності на мещаллы, перемѣняя ихъ плавкость, ковкость, цѣшъ и прочія качества.

д. Тѣла къ магниту припаягиваются наиболѣе и въ особенномъ направленіи шокмо въ двухъ шочкахъ, кои называются *полюсами* (Poles) магнита, и шакое свойство припаягиванія именуется вообще *полярностію* (Polarité) напр. когда магнитъ дѣйствуетъ на жѣ-

дѣлать опилки, или на изрубленную въ мѣдъ
вѣ часни желѣзную проволоку *.

е. Магнетизмъ сообщается нѣкоторымъ
мѣламъ и въ особенности желѣзу, когда оно
напр. въ видѣ четырехграннаго прута, будемъ
держашь въ извѣстномъ направленіи и уда-
лимъ по одному концу молоткомъ *.

г. Дѣйствіе магнитовъ усиливается чрезъ
оправку, или армашуру изъ и желѣзную под-
вѣску съ шаковымъ же якоремъ, постепенно
обременяя его большою тяжестью, при чемъ
замѣчено, что магниты меньшей величины
наиболѣе поднимають груза въ сравненіи съ
большими магнитами, напр. оправленный
магнитъ, вѣсящій самъ по себѣ не болѣе 3
грановъ, поднимаетъ до 1033 грановъ. У зна-
менистаго *Ньютона* (Newton) въ перешнѣ былъ
вѣдланъ магнитъ въ 1 гранъ вѣсомъ, который
поднималъ до 764 грановъ тяжести.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТІЯ.

А. *Подробнѣйшее разсмотрѣніе главныхъ
свойствъ Магнетизма.*

1. Всякой магнитъ, будучи въ свободномъ
движеніи, принимаетъ наконецъ одинаковое
направленіе при своемъ покоѣ, которое соот-

вѣтшуваетъ всегда *полюсамъ земли* на пр. * когда онъ будетъ повѣшенъ, или - когда находится на оспроконечии, или плаваешь на водѣ прикрѣпленный къ пробкѣ; шо всегда имѣетъ обращеніе однимъ концомъ къ сѣверному, а другимъ прошиву-положнымъ къ южному полюсу. Сіе поспоянное направленіе магнита именуется *Магнитнымъ меридіаномъ* (Equateur magnétique), который впрочемъ не съшочностію сошвѣтствуетъ нашему земному меридіану, но примѣтно большее; или меньшее уклоненіе онъ онаго, что называется *Магнитнымъ уклоненіемъ* (Declinaison); составляющимъ слѣдовательно уголъ съ настоящимъ меридіаномъ земли: равно какъ и примѣчается нѣкошорый уголъ между горизонтомъ и направленіемъ магнита, что называется магнитнымъ *склоненіемъ* (Inclinaison) *. Таковое уклоненіе и склоненіе разичеспвуетъ по разнымъ мѣстамъ земнаго шара, въ иныхъ же совсѣмъ оныхъ непримѣтно на пр. въ полость (земли) идущей чрезъ Сѣверную Америку, Азію и Южной Океанъ. Для сего дѣлаюшся особенныя карпы (Hansteepl). Сверхъ того какъ уклоненіе въ разные времена бываетъ различно, на пр. у насъ въ Петербургѣ:

Уклоненіе	1726 года	—	3°, 15
	1820	—	7°, 15
Склоненіе	1755	—	73, 30
	1820	—	71, 31

Многоразличныя наблюденія доказываютъ, что какому измѣненію даже на одномъ мѣстѣ подвержены упомянутыя качества магнитнаго направленія. Объяснить оныя, равно какъ и самое направленіе сіе, весьма затруднительно, хотя къ тому и есть уже нѣкоторыя поводы.

а-е. При полярности двухъ магнитовъ замѣчаемъ *привлеченіе* и *отталкиваніе* полюсовъ. Откуда слѣдуетъ законъ, что разноименные полюсы взаимно припятиваются, а одноименные отталкиваются *. Почему первые называются *дружественными* а вторые *враждебными*. Найдено, что иногда молнія измѣняетъ сію полярность, на пр. на корабляхъ. Есть, кромѣ магнита, нѣкоторыя ископаемыя полярности имѣющія, на пр. н* *Гумбольдтъ* (Humboldt) нашелъ въ Германіи особый родъ *Зибевика*, также и другіе минераллы были находимы.

3. Касательно *сообщенія* магнетизма доспопримѣчательно, что изъ всѣхъ другихъ шѣлъ желѣзо въ скоромъ времени *намагничивается*, даже отъ одного близкаго лежанія съ естественнымъ магнитомъ, на семъ основанъ способъ приготовленія искусственныхъ магнитовъ. *Сталь* (carbure de fer) наиболѣе обладаетъ сею способностію, и вообще замѣчается, что самое чистое желѣзо (полосовое)

гораздо меньше покоряется действию магнетизма въ сравненіи съ обыкновеннымъ, всегда содержащимъ въ себѣ нѣсколько углерода и водороду.

Сообщеніе магнетизма желѣзу производится: а) чрезъ ударъ, или пошпраніе, по способу Г. Аншюма (Anthaulme) въ направленіи меридіана, или даже чрезъ одно только лежаніе и висѣніе по сему меридіану, что замѣчено было на пробирныхъ вѣскахъ. Вообще примѣротъ пому служить могутъ обыкновенныя инструменты, какъ то: желѣзные ломы и проч. находившіеся долгое время въ одномъ направленіи; громовыя ошводы, сами по себѣ дѣлающіеся магнитными и п. п. Все сіе составляетъ шокмо возбужденіе въ шѣлахъ магнетизма естественнаго: б) чрезъ *нашираніе* желѣза магнитомъ, при чемъ различаются *одинное, двойное, и круговое* нашираніе *, совершаемое во всякомъ случаѣ съ извѣстною правильностію; здѣсь магнетизмъ чрезвычайно усиливается (въ нашираемомъ желѣзѣ) чрезъ постепенно-сообщительное нашираніе. Такимъ образомъ на пр. въ Англіи изъ 480 ешалльныхъ брусковъ длиною въ $1\frac{1}{2}$ футовъ (каждой) и вѣсящихъ вмѣстѣ 1000 фун. на раздѣленныхъ на 2 половины, сдѣлавъ ошмѣнне еальной магнитъ, называемой *магнитнымъ магазиномъ* (Knight). Искусственныя магниты

бываютъ разной фигуры: стѣлками, шреугольниками, круглыми на подобіе подковы и проч. Но самые сильные суть *брустателі*, правильно сложенные изъ многихъ пластинокъ (стальныхъ), такъ что искусственной магнитъ въ силѣ превозходящій можешь и естественной (въ оправѣ):

6. Полезное употребленіе магнетизма.

1. Естественные и искусственные магниты служатъ намъ главнѣйше для *страмопоказанія* (Orientier), на пр. когда мы бываемъ въ степяхъ, лѣсахъ и ш. п. дикихъ мѣстахъ; или находимся подъ землею въ рудникахъ (маркшейдерское искусство), или желаемъ сдѣлать планъ какого либо мѣстоположенія (Situation). Но самое важное употребленіе магнитъ заключается въ мореплаваніи, которое всѣми блестящими успѣхами преимущественно обязано магнетизму, какъ первѣйшему вождю своему.

Вобщемъ для оныхъ употребленій нуженъ всѣмъ извѣстный *компасъ* (Boussote), въ коемъ главную роль играетъ магнитная стѣлка. Изобрѣшеніе сего общепользѣйшаго инструмента шеряется во мракъ древности; хотя историки полагають оный извѣстнымъ у Кишайцевъ еще въ 19 столѣтіи по Р. Х.

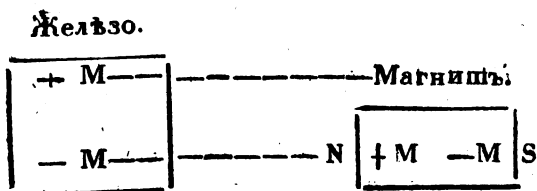
Англичане въ особенності его усовершенствовали.

2. Кроме сего по испинѣ важнаго употребленія, служатъ разные магниты для механическаго отдѣленія желѣзистыхъ частей, въ разныхъ смѣсяхъ содержащихся, напр. для полученія чистыхъ желѣзныхъ или для очисти мѣдныхъ опилокъ и п. п.

7. Теорія магнетизма.

Оставивъ всѣ прежнія теоріи магнетизма, еслили мы обратимъ только вниманіе на сообщеніе онаго: то увидимъ что магнетизмъ совсѣмъ не переходитъ изъ одного тѣла въ другое, но возбуждается во всякомъ тѣлѣ по его напурѣ при нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ; магниты подобно электричеству имѣютъ свою атмосферу, въ которую когда вступаемъ постороннее тѣло (жельзо): то въ немъ производящъ переменны, мы замѣч. емъ какъ бы 2 рода магнетическаго дѣйсствія. по двумъ различнымъ полюсамъ; и такъ назовемъ одно изъ нихъ $+M$, а другое $-M$, то $+M - M = 0$, что значить равновѣсіе, и тогда магнетизмъ не оказываеися, или уничтожаеися.

Во всякомъ желѣзѣ можно полагать $+M - M = 0$, слѣдстввенно при дѣйствіи магнитна на оное будешъ:

И жельзо становится намагниченнымъ. Отсюда выводится законъ, что всякой магнитной полюсъ, когда жельзо, въ сферу его приводится, дѣйствуетъ посредствомъ *разобщенія* (Distribution). + M и - M, производя чрезъ шо новое привлеченіе освобожденныхъ (+ и -) магнитносилей. На пр.

1	2
+	-
3	4
+	-
5	6
+	-
7	8
+	-

Возьмемъ цѣлую систему е-ныхъ въ одномъ шлѣ, у котораго если съ конца А осьъ посторонняго привлеченія освобождается + 1, шо - 2 дѣйствуетъ на + 3, а - 4 на + 5, - 6 на + 7, и осьъ того на другомъ концѣ В освобождается - 8, что и составляетъ разобщеніе.

Чрезъ такую теорію удовлетворительно изъяснить можно сообщеніе магнетизма (жельзному пруту) чрезъ удареніе, равно какъ и всѣ другія явленія сего начала. Она же теорія даетъ понятіе о дѣйствіи *Волтоваго*

Часть XXV Кн. I.

7

столбца (pile Voltaïque), составляющаго Галваническое орудіе.

Сіе краткое изложеніе показываешь всю важность предварительныхъ свѣдѣній о магнетизмѣ, для удобнѣйшаго попомъ изъясненія Электричества и Галванизма.

Заключеніе. Окончивъ главное разсмотрѣніе магнетизма, присовокупимъ къ тому еще нѣкошорыя *забавы магнетическія* *, кошорыя въ глазахъ несвѣдущаго кажутся иногда сверхъ-естественными, но для насъ теперь оныя удобо-изъяснимы.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

8. Обѣ Электриствѣ.

1. Электричество занимаетъ въ природѣ важнѣйшее мѣсто; ибо оно участвуетъ при весьма многихъ естественныхъ явленіяхъ, какъ то: при горѣніи шѣль, при перемѣнахъ воздуха, при изпареніи воды и проч. Сіе начало разпространено повсюду, и мы получаемъ отъ него большую пользу. Уже славный *Лихтенбергъ* предполагалъ, что Электричество имѣешь вліяніе на Химическіе процессы,

какое предположеніе теперь совершенно доказано, почему дѣйствіе Химическаго средства основываютъ нынѣ на Электричествѣ (*Système électrochimique*). И такъ познаніе сего начала составляетъ какъ бы Фундаментъ нашей науки.

2. Касательно Исторіи Электричества должно замѣнить, что уже Греческій мудрецъ Талесъ (*Thales*) упоминаетъ объ Электро-нѣ (на Греческомъ языкѣ). Впрочемъ подробнѣе о семъ читатъ мѣжно Исторію Электричества соч. *Priestley*.

Названіе Электричества происходитъ отъ Греческаго слова *Электронъ*, что значитъ янтарь (*Succin*), въ которомъ оное прежде всего было открыто, вещество сіе преимущественно находится въ *Пруссіи*; его по всей справедливости причислить должно къ произведеніямъ царства растѣній, и припомъ исключительно принадлежащимъ къ новѣйшему образованію земной почвы (*terrains de dernière formation*). Онъ есть ничто иное какъ зашвердѣвшая смола сосноваго дерева. Янтарь сей извѣстный даже во времена ошдаленнѣйшія, будучи подвергнутъ шренію, дѣлается способнымъ прилягивать легкія шѣла, какое свойство его и въ древности было усмотрѣно. Но въ послѣдствіи замѣнили оное и въ другихъ естественныхъ шѣлахъ.

3. Для возбужденія Электрнчества (1)

вообще пошребно взаимное дѣйствіе разнородныхъ веществъ, кошорое производится или а) чрезъ *треніе* напр. стекла, сургуча и пр ч. фланелью, при чемъ нашіраемое вещество припнэгиваетъ легкія шѣла, какъ шобумажные кусочки, лншкіи сусальнаго золотпа и ш. п. производнтъ особенное чувствованіе, будучи приближено къ лицу (паушина), издаетъ запахъ слабой селитровадой кислоты (Acide vitreux), нѣкоторый свѣплъ при шреніи въ шемномъ мѣспѣ и малый шрескъ. Трение бумаги резиною (gomme élastique); или б) чрезъ *прикосновеніе*, чпо въ особеннспн замѣчается при мешаллахъ и при шомъ разнородныхъ, на пр. Цинка и серебра; здѣсь еще и кислый вкусъ примѣненъ. Сіе Элекприческое дѣйствіе при соприкосновеніи разнородныхъ шѣлъ вначалѣ отккрыно Профессоромъ *Galvani*; оно было шогда названо *животнымъ Э.* ибо преимущественно участвовали въ шомъ нервы животныхъ. Последствія сего доказали, чпо когда разнородные мешаллы на пр. цинкъ и мѣдъ, сложивъ парами, умножимъ шакое совокупленіе въ видѣ колонны, шо еще болѣе обнаруживается и уси-

---

(1) Кошорое впредь означатьса будетъ для сокращенія шокмо одною буквою Э.

живается упомянутое дѣйствіе. Такимъ образомъ усстроены *Вольтовъ столбецъ*, посредствомъ коего вдругъ разлагаются премногія шѣла, какъ на пр. вода, соли и проч. И такъ различають 2 рода *О. Механическое*, возбуждаемое однимъ шрениемъ и *Химическое*, возбуждаемое однимъ шолько прикосновеніемъ (раг contact); или е) чрезъ *нагрѣваніе* нѣкопшрыхъ шѣлъ, куда особенно принадлежить ископаемое *Турмалинъ*, названное по сему *Электрическимъ шерломъ* (Aschentrecker по Голландски); или д) Э. иногда будучи въ шѣлахъ само собою возбуждено, освобождается еспешвенно, чему примѣромъ служають нѣкопшрыя рыбы, звѣри, кошки и проч.

4. Э. шѣламъ *сообщается* различнымъ образомъ, здѣсь замѣнимъ сперва главныя явленія:

Иныя вещества принимають Э. шолько на одномъ мѣстѣ, или концѣ своемъ, неразпространяя его по всей поверхности, шакъ на пр. стекло, смолы и н. д. другія же вещества, получивъ Э. въ одной часпи своей, потчасъ распространяють его по всей поверхности, на пр. мешаллы и проч. Первые изъ шакowychъ веществъ хотя и шрудно принимаютъ Э. но способны удерживать его на долгое время; вторыя на прошивъ шого у-

доблю воспринимающія Э. весьма скоро оное теряють. По сему первыя шѣла именують *непроводниками*, а вторыя *проводниками* Э. (Conducteurs). Если между сими шѣла средня называемыя *подпроводниками*. Но замѣнить надобно, что совершенныхъ не проводниковъ нѣтъ въ природѣ; слѣдовательно первыя шѣла справедливѣе именовашь должно *худыми проводниками* Э.

Важнѣйшіе проводники суть: *всѣ металлы*, изъ коихъ *лѣдъ* преимущественно отличается симъ качествомъ; *уголь, вода* и влажныя шѣла какъ то: *пары, свирой воздухъ* и ш. и *винной спиртъ* всѣ *соли, земли* и *камни* суть также весьма хорошіе проводники Э. Отличныя не проводники суть: *стекло, всѣ смолистыя вещества, сѣра, алмазъ, шерсть, волосы, шелкъ, сухой воздухъ, фарфоръ, зола, масло, сухое дерево* и п. д. полупроводники суть: *ирисморъ, слоновая кость, пергаментъ, кожа*.

5. Основаніе *теоріи* Э. очень сходно съ магнетизмомъ. *Du Fay* различаетъ 2 рода противоположныхъ Э. стекла и смолы, изъ коихъ первое (Э. стекла) называютъ *положительнымъ* (positive), или + Е, а второе *отрицательнымъ* (negative) или — Е. Здѣсь выходитъ законъ, что одноименныя Э. отталкиваются, а разноименныя, какъ то: + Е и — Е взаимно прилипаются. Это самое да-

ещь намь поводь къ изполкованію теоріи Э. вообще, копорую Г. Шереръ для большей удобносши помѣщаешь вначалѣ, а не въ концѣ, какъ было при магнетизмѣ. Мы имѣемь двѣ различныя теоріи Э. одна Франклина, копорый основываешь все на изобиліи и недоспашкѣ Э. въ различныхъ шѣлахъ, спремящагося пришии въ разновѣсіе, подобно какъ мы видимь на пр. при взаимномъ прикосновеніи разкаденнаго желѣза и холоднаго камня. И шакъ по его теоріи $+E$ составляешь изобиліе Э. въ шѣлахъ, а $-E$ недоспашокъ его въ оныхъ, почему $+E - E = 0$ (равновѣсіе). Другая теорія Г-на *Symmer*, копорый предполагаешь 2 рода Химически-соединенныхъ Э. существовавшихъ во всѣхъ шѣлахъ, подобно какъ смѣшеніе желшаго и синяго сосшавляюшъ зеленый цвѣтъ. Посредствомъ пренія соединеніе сіе разрушаешь, на пр. возьмемъ шекло и фланель, шо шекло, имѣя болѣе средства къ $+E$, нежели фланель, принимаешь изъ оной положительное Э. и спановишсь наэлектризованнымъ, а фланель принимаешь въ избытокъ $-E$. Послѣдняя теорія (*Symmer*) гораздо превосходитъ первой къ объясненію всѣхъ Электрическихъ дѣйствій, а пошому мы и будемь оной слѣдовать. Сія теорія для оплачія именуешь теоріею *Дуализмовъ*.

~~~~~

БИБЛЮГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ

О ТРЕХЪ РУКОПИСНЫХЪ

СЛАВЯНСКИХЪ БИБЛІЯХЪ,

хранящихся въ Московской Папріаршей Библиотекѣ.

1. Библия по старому раздѣленію книгохранилища подъ N 651, по новому подъ 915, писана въ листъ, полуславомъ переходящимъ въ скоропись, на лощеной полуалександрійской бумагѣ; на 1000 листахъ, съ упрасною по моему счету одного только втораго листа, а не двухъ, какъ замѣнилъ прежде считавшій, включая въ сіе число бѣлой листъ, На 1 листѣ подпись: книга Варлама Митрополиста. На оборотѣ онаго въ кругу: Въ лѣшо ... (1499) написана бысть книга сія глаголемая Библия рекше обѣихъ завѣшовъ. Вънхаго

и Новаго, при Благовѣрномъ Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси Самодержцѣ и при Мишрополиитѣ всея Руси Симонѣ и при Архіепископѣ Новгородскомъ Генадіи въ Великомъ Новѣ-городѣ, въ дворѣ Архіепископѣ повелѣніемъ Архіепископа, Архидіакона, инока Герасима, а діяки, кои писали, се ихъ сушь имена Василь Ерусалимской, Гридя Исповѣдницкой, Климентъ Архангельской. — Въ низу на семь же лиспѣ: по сей 1718 годъ преиде сей книгѣ 219 лиспѣ. — По лиспамъ въ книгѣ Вышія написано: сія книга Библия, рекше Вѣхій и Новый законъ, далъ сію книгу Варлаамъ Мишрополиитѣ всея Руси въ обипель Живоначальныя Троицы и Преподобнаго Сергія Чудотворца по своей душѣ и по своихъ родипеляхъ. — Въ бумагѣ видна бычачья голова, кувшинъ, съ креспомъ бычачья голова и другіе знаки. — Изъ дѣлъ Московской Духовной Типографіи видно, что сія рукопись принадлежала библиотекѣ оной и въ 1757 году послана въ Свяшійшій Синодъ, а изъ Патріаршаго каталога явсипуешъ, что въ 1792 году возвращена изъ Пелербурга и Іюля 7 выпдана въ книгохранилище, полько уже въ ящикѣ, запечатанная Синодальной Коншоры печашью. Кажешся, сія рукопись вновь отккрыта послѣ 1812 года; но по какой причинѣ подвергалась заключенію — мнѣ не извѣсно.

2. Библия, по старому подъ N 16, по новоме каталогу 21, писана въ большой листъ, на дощеной Александрійской бумагъ, полууставомъ переходящимъ, въ скоропись. Счетъ листовъ не показанъ. На оборотѣ і написано слѣдующее: ... шестнаго (1558) написана бысть книга сія Библия, рекше обоихъ завѣшовъ, рекше Вѣхнаго и Новаго, въ дому пречисныя Богородицы Честнаго и славнаго ея Успѣнія и Преподобнаго Отца нашего Игумена Иосифа всея Русіи рукою многогрѣшнаго инока Якима посприженника Спаскаго Ефиміева Монашныря Суждальскаго.

3. Библия въ 8 томахъ, по новому каталогу подъ N 22 — 29 писана въ листъ полууставомъ, близкимъ къ скорописи. Вся Библия черневая, въ коей киноварью опмѣнены поправки и вѣрояшно ша самая, которая по Указу Петра I исправляема была въ Синодѣ въ годахъ 1715, 1716, 1718, 1719 и 1720, какъ видно изъ подписей при нѣкоторыхъ томахъ, Всѣхъ листовъ 3,157.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Стихотворенія И. И. Дмитріева. Изданіе шестое, съ портретомъ Автора. 2 Части. 1823 года, С. П. бургъ, въ Типогр. Н. И. Грета.

Попечитель ВѢСОЧАЙШЕ утвержденнаго С. П. бургскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, принесъ оному прекраснѣйшую изъ жерпвъ, какія талантъ Писателей принесъ можетъ. Онъ предложилъ Обществу напечатать новое изданіе Сочиненій своихъ для обращенія вырученной тѣмъ суммы на благодѣленіе, которое, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, составляетъ сугубую цѣль Общества.

Общество, съ своей стороны, желало содѣйствовать благородному сему намѣренію исправностію предпринимаемаго имъ изданія, украсило оное портретомъ Почтеннаго Автора, срисованнымъ извѣстнымъ живописцемъ Г. Тончи и присовокупило его Біографію, со-

спавленную Членомъ Общества Княземъ П. А. Вяземскимъ.

Кромѣ сихъ достоинствъ, новое изданіе, предъ всѣми другими, должно имѣть въ глазахъ просвѣщенныхъ любительей Словесности необыкновенную цѣну, какъ явленіе необыкновенное. „Прислушая въ спарости лѣтъ къ „новому изданію Стиховъ моихъ, говоритъ „почтенный Авторъ въ своемъ предисловіи, „я могъ думать, что оно будетъ послѣднимъ „при моей жизни. Эта мысль рѣшила меня „перечитать все мною изданное, съ возможнымъ хладнокровіемъ, попомъ многое изъ „ключить изъ новаго изданія Изъ „стиховъ спарался нѣкоторыя, сколько умѣлъ, „исправить Знаю, что въ стихопвореніяхъ моихъ найдутся и теперь нѣкоторыя недоспашки. Покрайней мѣрѣ читатель „ли непохулятъ меня за то, что я избавилъ „ихъ отъ лишняго убытка и лишней скуки.“

Такимъ образомъ наспоющее изданіе, при жизни Автора и самимъ Авторомъ исправленное и уменьшенное, можно называть, какъ изъясняюща почтенный Біографъ, явленіемъ рѣдкимъ и едва ли не первымъ въ своемъ родѣ. Оно драгоценно, какъ прекрасный признакъ скромности Писателя и спросности его къ себѣ: любопытно и приятно видѣть, какъ дарованіе судитъ себя, и такъ сказать,

начинаешь бытъ для самаго себя безприспра-
шнымъ и хладнокровнымъ попомспвомъ.

Общество не могло однакожь безъ сожа-
лѣнія видѣшь спрогоспи, съ какою вкусомъ По-
эша исключилъ нѣкоторыя изъ Спихотворе-
ній, спрогоспи, безъ сомнѣнія внушающей
намъ новое уваженіе къ Писателю, но кажеш-
ся, излишней: она похищала у памяти дав-
но ею присвоенное. — Спихотворенія, како-
вы *Чужой Толкъ, Сокращенный переводъ Юве-
наловой Сатиры, Посланіе Стихотворца По-
па къ Доктору Арбутноту, Стансы къ Н. М.
Карамзину* и еще нѣкоторыя, назначенныя
къ изключенію, давно заучены многими чи-
тателями. — Такими убѣжденіями Общества,
Почтенный Авторъ преклонился включить
въ сіе изданіе упомянутыя Спихотворенія

Издавая творенія Писателя, по справед-
ливости занимающаго отличнѣйшее мѣсто
въ Пантеонѣ Россійской Поэзіи, Общество
ласкается, что благосклонное вниманіе оле-
чественной Публики къ сему изданію, будетъ
равняеться той признапельности, съ коею оно
приняло сіе великодушное пожертвованіе,
предназначенное для цѣли столь благородной.

Новое изданіе, въ типографическомъ оп-
ношеніи, превозходнѣе всѣхъ прежнихъ: оно
напечатано лучшими буквами, на лучшей
Любской бумагѣ. — Между пѣмъ, чтобы со-

вершенно исполнишь сугубую цѣль свою: *Просвѣщенія и Благотворенія*, чпобъ дашь способъ людямъ и посредственнаго сосполнѣнїа, приобрѣпашь произведенїа образцовыя, Обществу назначаетъ изданїю сему цѣну, прошиву прежнихъ, весьма умѣренную.

2 Часпи, съ порпшетомъ Автора, на Любской бумагѣ 15 руб.

Продается въ домѣ Собранїи Общества, на Вознесенскомъ проспектѣ, 3 Адмиралшейской часпи, 4 кваршала, подъ No 254, также въ книжномъ Магазинѣ Коммиссіонера Общества И. В. Слѣнина, у Казанскаго моспа, и въ библіошкѣ для чпенїа покойнаго В. А. Плавильщикова у Синяго моспа.

~~~~~

О Г Л А В Л Е Н І Е,

Страні

Л И Т Е Р А Т У Р А.

А. П Р О З А.

1. Вечеръ - - - - - 3

Б. К Р И Т И К А.

2. Полярная Звѣзда - - - - - 20.

В. С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

3. Блудный сынъ - - - - - 42.

4. Паденіе Іерусалима - - - - - 48.

5. Чувства плѣннаго Пѣвца - - - - - 52.

6. Близость милой - - - - - 54.

7. Посланіе къ 3—му - - - - - 56.

Н А У К И.

И С Т О Р І Я.

8. Первое Посольство Рускихъ въ Голландію при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ - - - - - 58

С М Ъ С Ъ.

У Ч Е Н Ы Я И З В Ъ С Т І Я .

9. Лекціи Физико-Химическаго Курса Г.
Академика Шерера - - - - - 76.
10. Библиографическое извѣстіе о шрехъ
рукописныхъ Славянскихъ Библи-
яхъ, хранящихся въ Московской Па-
триаршей Библиошекѣ - - - - - 104.
11. Объявленіе о книгѣ - - - - - 107.

К Р И Т И К А

РАЗБОРЪ АНАКРЕОНТИЧЕСКОЙ ОДЫ

ДЕРЖАВИНА: МЕЧТА.

Исторія, передавая намъ имена великихъ людей древности, не забыла объ Анакреонѣ. Мы съ дѣтства привыкаемъ повторять это имя, упоминая о Солонѣ, Пиндарѣ, Ариеспидѣ, Софоклѣ и проч. Можно спросить: что общаго между Анакреономъ и сими людьми? Пусть полководцы и законодатели сіяютъ въ лѣтописяхъ государствъ: они защищаютъ и поддерживаютъ бытіе народовъ. Пусть, провозвѣстники геройской славы, пробудили высокіе чувствованій, поэмы

возвышенные украшаютъ своими именами
 рассказъ историческій. Они имѣютъ
 на то двойное право: при жизни своей
 они поучали народъ, а по смерти просла-
 вляютъ его. Но кто былъ Анакреонъ?
 Если бы эпичесъ вопросъ не мы сами пред-
 ложили себѣ; то въ отвѣтъ привели бы
 только стихи Державина (*), въ кото-
 рыхъ онъ такъ живо изображаетъ сего
 поэта:

„ Цари къ себѣ его просили
 Поѣсть, попить и погостишь;
 Таланпы лапа подносили;
 Хотѣли съ нимъ друзьями быть:

„ Но онъ покой, любовь, свободу
 Чинамъ, богатству предпочелъ;
 Средь игръ, веселій, хороводу,
 Съ красавицами вѣкъ провелъ;

„ Бесѣдовалъ, рѣзвился съ ними,
 Шутилъ, пѣлъ пѣсни и взыхалъ,
 И шутками себѣ такимъ
 Вънецъ безсмертія смискалъ.“

(*) Сочинен. Державина. Ч. III, страниц. 236.

Для наблюдений криптики Анакреонъ представляеть собою прекрасный и поучительный предметъ. Можетъ быть произведенія поэзіи никогда еще не сокрывали подъ самыми нѣжными цвѣтами столько философій, сколько находилась оной въ Анакреоновыхъ одахъ. По душѣ своей онъ былъ любезный мудрецъ. На природу и челоуѣка смотрѣлъ онъ такъ, какъ можетъ смотрѣть глубокомысленный наблюдатель. Самыя сокровенныя тайны сердца нашего и вѣчное дѣйствіе физической природы на душу челоуѣка для него не были загадкою. Но эпошъ умъ, самъ по себѣ обширный и свѣпный, соединенъ былъ съ живымъ, цвѣтущимъ, роскошнымъ воображеніемъ и удивительною чувствительностію сердца. Характеръ его, ошпечатокъ главнѣйшихъ тѣлесныхъ и душевныхъ качествъ, выражалъ какуюто младенческую безпечность, веселость юношества и неизмѣнную склонность къ шпимъ удовольствіямъ. Сіи главныя чершы, даже слишкомъ легко брошенныя, даюшъ возможность изъяснить: во первыхъ, отъ чего исшорія включила Ана-

*

креона въ число великихъ людей; во впо-
рыхъ, опъ чего избралъ онъ въ словесно-
сти такой путь, который съ перваго
взгляда легко покажется предосудитель-
нымъ для нравственности.

Всѣ отрасли наукъ и художествъ со-
ставляющъ одинъ кругъ, въ которомъ за-
ключаются послѣдствія опытовъ и умо-
зрѣній, плоды человеческой мудрости.
Люди, способствовавшіе видимымъ обра-
зомъ къ разросраненію сего круга, ве-
дѣ пользовались уваженіемъ и любовію
народовъ. Строгая философія Спокковъ
и привлекательная мудрость Платона
шли рядомъ, не препятствуя одна дру-
гой и не лишая права на безсмертіе въ
народной памяти тѣхъ великихъ людей,
изъ которыхъ каждый мыслилъ по свое-
му. Омеръ, по видимому, обнявшій всѣ
красоты поэзіи, не помѣшалъ Пиндару,
или Софоклу занять блистательныя мѣ-
ста въ исторіи словесности; потому что
они открыли новыя удовольствія ума и
вкуса. Анакреонъ сдѣлалъ поже. Нѣжная,
чистая и образованная душа понимаетъ
всю цѣну того состоянія, когда она, въ

нѣкошоромъ упоменіи оуъ пребованій и пожертвованій гражданской жизни, предаешя природѣ, опдыхаешя на волѣ и оживляешя привѣпливою улыбкою любви и дружбы. Изъ эшаго состоянія души Анакреонъ заимсшвовалъ большую часпъ предметовъ для своихъ одъ. Предаваясь разсмаприванію его поэзіи, чувсшвуешя, что она, при всей маловажности содержания, имѣетъ свое преимущество передъ другими родами. Чшобы раздѣляшя воспорги Пиндара, надобно прежде приобрѣстъ гражданскую образованность и поняшя благодѣшельныя условія жизни въ государсшвѣ: но шихія радости души, изображаемыя Анакреономъ, досшупны каждому человѣку, въ какомъ бы онъ ни родился состояніи. Такимъ образомъ эша прекрасная обласшя поэзіи до него была неизвѣсною. Греки, строгіе, но вмѣсшѣ и нѣжныя цѣнишели всего изящнаго, почувсшвовали цѣну его генія; и Анакреонъ сполько же у нихъ былъ уважаемъ, а можешя бышя и болѣе, сколько, въ послѣдствіи времени, Лафоншенъ во Франціи.

Поэзія есть языкъ сердца. Въ ней отражаются чувствованія, производимыя въ насъ вѣшними предметами. Характеръ поэзіи зависитъ отъ характера человѣка; подобно какъ цвѣшное стекло, сквозь которое мы смопримъ, наводишь свой цвѣшь на всѣ предметы. Въ глазахъ Анакреона все должно было получашъ улыбающійся видъ, нѣкоторую игривость, нѣкоторую безпечность и нѣгу; потому что таковъ былъ его характеръ. Съ нами въ его воображеніи рисовались рѣзвые уши и радости, въ которыхъ свѣпился невинное сердце. Представляя спарость, онъ начиналъ чувствовать сладостное успокоеніе отъ заботъ жизни, счастливую лѣнь, какъ награду за долготѣшніе труды. Общество друзей для него было брашскимъ соединеніемъ, гдѣ видѣлъ онъ одну душу, равное желаніе веселья и счастья. Однимъ словомъ: не было предмета, который въ воображеніи Анакреона не осыпало розами. И такъ можно ли предположить, что бы эшошь человѣкъ скрывалъ шайное на-

мѣреніе ослѣпить умы и опустать невинность сѣпями развратъ?

Одно испорченное сердце каждую веселую шутку обращаетъ въ дурную спорону. Приведемъ слова одного изъ классическихкихъ нашихъ писателей, о которомъ Батюшковъ (*) сказалъ, что въ его видѣ, казалось, посѣтилъ землю одинъ изъ сихъ свѣтильниковъ философіи, которые нѣкогда рождались подѣ счастливымъ небомъ Атики для разлитія практической и цлюзрительной мудрости, для цѣлшенія и назиданія словѣгества краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣишимъ прилѣромъ. Муравьевъ, изучившій и постигнувшій надлежащимъ образомъ древнихъ писателей и ближе всѣхъ у насъ подходящій къ нимъ какъ ясностію мыслей, такъ простотою слога и обширностію познаній, говоря объ Омерѣ, Виргиліи и Анакреонѣ (**), вошь что наконецъ прибавляетъ:

(*) Опыты въ стих. и проз. К. Батюшкова
Ч. I, стран. 17.

(**) Полное Собр. сочин. М. Н. Муравьева.
Ч. III, стран. 296.

„Природа сіяла тогда собственными кра-
 „сошами и не обременялася украшеніями,
 „которыя думаютъ нынѣ придашь ей
 „люди. Люди воспитаны были въ лонѣ ея
 „и не гнушались тѣмъ что предшавля-
 „ла имъ съ младенчества любящая ихъ
 „воспитательница. Вкусъ ихъ не былъ
 „извѣженъ. Красоты природныя преиму-
 „ществовали надъ красотами условными.
 „Роскошь не налагала насильственныхъ
 „и странныхъ своихъ законовъ. Благо-
 „присойностию была только единая дра-
 „гоценная спыдливістьъ, вдохновенная
 „природою, тѣмъ болѣе наблюдаемая и
 „ненарушаемая, что предписанія ея не
 „ошягчались хитрыми толкованіями
 „ложнаго стыда. Всѣ шамисства природы
 „выражены у древнихъ съ симъ восхи-
 „щительнымъ чистосердечіемъ, которое
 „не мыслишь худаго. *Не есть то без-*
 „*стыдство, но иѣкая прелестъ цѣломуд-*
 „*рїя, не илюбющаго пригину таитъся.* Лю-
 „бовь имѣла только одну простоту и
 „беззлобіе покрываломъ. Сіе покрывало
 „есть шакое одѣяніе, которое наиболѣе
 „ее ограждаетъ ошъ очей непросвѣщен-

„ныхъ. Измѣнило бы ей пришествіе; и
 „простота, хранитель священнаго къ
 „ней почтенія. простота прекраснѣйшая
 „хитрость любви. Нѣтъ ни одной чер-
 „ты величественнаго и чудеснаго спи-
 „хотворства, которая не была бы въ
 „сокровищницѣ древнихъ. Если должно
 „наконецъ испытать себя въ ономъ, по-
 „надобно нѣкопорымъ образомъ поку-
 „ситься жить съ древними и возвра-
 „тить назадъ время своей жизни.“

Разсматривая подобнымъ образомъ Анакреона, можно изяснить, отъ чего ни онъ, ни Греки, ни позднія племена (гдѣ только образованность ума равнялась чистотѣ нравовъ и вѣрности вкуса) ни сколько не находили предосудительными сихъ пѣвническихъ одъ. Въ самомъ дѣлѣ: развращенный человекъ обыкновенно все прекрасное въ какой нибудь стращи доводитъ до низкаго, между тѣмъ, какъ невинная душа все облагораживаетъ. Кипо въ веселомъ кругу друзей съ удовольствіемъ говоришь о любви, о дарахъ Вакха; потъ никогда не унизишься до постыднаго сладострастія, или до

презрительнаго самозабвенія. Онъ, какъ исплинный поэтъ, смотритъ на одну прекрасную сторону, и никогда Грація при словахъ его (говоря стихотворчески) не закроется рукою. Въ порочныхъ чувствованіяхъ сполько отвращительнаго, что самые закоренѣлые преступники сшараются скрывать оныя.

Приступая къ разсматриванію анакреонтической оды величайшаго поэта, не только Россіи, но и всѣхъ народовъ, мы съ наѣреніемъ занялись изслѣдованіемъ характера изобрѣташеля сего рода стихотвореній. Одно имя Державина, не только знаменишаго поэта, но и знаменишаго гражданина, оправдано бы выборомъ нашего разбора: но мы желали запасшисъ общими испинами, чтобы легче дать опчешъ въ его прекраснѣйшемъ произведеніи.

Державинъ, творецъ такихъ одъ, для которыхъ нѣтъ другаго названія, кромѣ *державинскихъ*, жите всѣхъ нашихъ лириковъ чувствовалъ, что соспавляетъ сущность пиндарической, гораціанской и анакреонтической оды. Онъ со славою прошелъ все это блистательное попри-

ще. Мы замѣтили выше, что если бы Анакреонъ не увлекаемъ былъ чувствительностью и воображеніемъ; то онъ сдѣлался бы философомъ. Это обстоятельство заспавляетъ насъ изслѣдовать: какая философическая мысль заключена въ разсмаприваемомъ стихотвореніи Державина; потому что онъ не измѣнилъ истиннаго характера анакреоновыхъ одъ. Онъ хотѣлъ объяснить, что любовь есть такое чувство, которое въ извѣстномъ возрастѣ невольно начинаешь превозмощить сердце чловѣка. Сама природа разоблачаетъ тайну; и душа узнаешь ее.

Но юдна философическая мысль не составляетъ поэзіи; потому что поэзія, какъ всякое изящное искусство, должна дѣйствовать болѣе на чувства наши, нежели на умъ. Воображеніе съ своимъ вымысломъ приходитъ на помощь къ нашему поэту. Опвлеченное понятіе любви превращается въ прекраснаго мальчика, который изъ кремля высѣкаетъ искры. Эта картина принадлежитъ собственно Державину. Если бы онъ изобразилъ любовь съ колчаномъ

и спрѣлами; но мы нашли бы шупъ одинъ списокъ съ того, что уже нѣсколько разъ изображаемо было древними и новѣйшими поэтами. Человѣкъ, или вѣрнѣе сказашь, сердце его, преслѣдуемое первымъ чувствомъ любви, является въ видѣ пастушки, входящей въ свой шалашъ. Сія плѣнительная простота вымысла есть первое совершенство анакреонтическаго стихотворенія.

Вошедъ въ шалашъ мой шоропливо,
Я вижу: мальчикъ въ немъ сидишь,
И въ уголку кремнемъ въ огниво,
Мнѣ чудилось, звучишь.

Мягкость звуковъ, точность выражений, разположеніе картины и вѣрность описанія такъ совершенны, что самая суровая критика не найдетъ шупъ ни одной ошибки противъ искусства. Живописцу, по прочтеніи этой строфы, остается только взять кисть и положить стихи на полотно.

Рѣкою искры упали
Изъ рукъ его, во шмѣ горя,
И розы по лицу блиспали,
Какъ упренія заря.

Можно подумать, что стихотворец гошовиль свое произведеніе имянно для живописи. Его дѣйствуюція лица, какъ на карпинѣ, оспаюшя въ неподвижномъ положеніи, между тѣмъ дѣйствіе не оспанавливаея. Онъ помогаетъ художнику, изображая сіяющія искры и цвѣтущее лице мальчика. Мы находимъ полько, что упопрелецная здѣсь ипербола рѣкою искры упадали !пязела въ сравненіи съ другими часпями оды. Слово рѣка не сошвѣшсшвуешъ шому понятію, которе раждаешя въ воображеніи при сыплющихся изъ кремня искрахъ.

Одна тупъ искра ошдѣлилась

И на мою упала грудь;

Мнѣ въ сердце, въ душу заровилась:

Не смѣла ядохнушь.

Стихотворецъ начинаешъ разкрывашъ свою аллегорію. Величайшее дошпоиншво аллегорическихъ произведеній сошпоишъ въ шомъ, когда они не упомляющъ вниманія, въ чемъ можноупрекнущъ многихъ изъ новѣйшихъ писапелей, а особенно нѣмецкихъ. Древніе были ошпорож-

нѣ въ подобныхъ случаяхъ. Они не облакали своихъ отвлеченныхъ понятій въ непроницаемый покровъ, но накидывали на нихъ только прозрачную сѣнь. Державинъ чувствовалъ эту истину и посвѣщилъ изъяснить свою аллегорію. Каждый прочитавши стихи:

Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась
поймешь его настоящую мысль. Сколько
силы заключается въ этомъ безсоюзіи:
въ сердце, въ душу! Какое почтное выра-
женіе заронилась, заимствованное изъ про-
сшонароднаго языка! Вошь, какъ надобно
пользовался онымъ!

Стояла бездыханна, мѣла,

И съ мѣста не могла спушпшь;

Уйши хошь а, не умѣла:

Не по ль зовушь любилъ?

Если бы подобное состояніе души
изображалъ не истинный поэтъ; онъ на-
полнилъ бы эту сшрофу описаніемъ внуш-
реннихъ чувствованій, помленіемъ, непо-
нашнымъ желаніемъ и шому подобное. Но
поэтъ-живописецъ схватываетъ въ сво-
емъ предметѣ шолько тѣ чершы, кото-

рмя, такъ сказаць, осязательны. Онъ знаетъ, что художникъ долженъ давать опчетъ о внутреннемъ состояннн души посредствомъ наружныхъ дѣйствій. Въ этой строфѣ третій стихъ:

Уйти хотѣла, не умѣла
 есть самый музыкальный изъ всей оды;
 но, по крайней мѣрѣ намъ показалось, онъ
 не шочень. Мы думаемъ, что авторъ же-
 лалъ сказаць: *она хотѣла уйти, и не мо-
 гла.*

Люблю! Кого? Сама не знаю:
 Ичезъ, меня прелъ спившнн, сонъ;
 Но я съ шѣхъ поръ, съ шѣхъ поръ спра-
 даю,

Какъ искру бросилъ онъ.

Тоскуешь сердце. Дай мнѣ руку!
 Почувствуй пламень сей мечпы!
 Виновна ль я? Прерви мнѣ муку!
 Любезень, миль мнѣ пы.

Объ сіи строфы можно назваць опти-
 лоскомъ испинно лирической души Держа-
 вина. Не многіе осмѣлились бы прибавить
 ихъ къ предыдущимъ строфамъ. По край-
 ней мѣрѣ, мы предполагаемъ, что ни о-

динъ французской лирикѣ, или воспитанникъ французской школы, не рѣшился бы окончить повѣсповашельное начало стихотворенія такимъ драматическимъ монологомъ. Кришники, руководимыя въ сужденіяхъ своихъ о лирической поэзіи одними холодными соображеніями ума и не раздѣляющіе сердцемъ своимъ восторговъ поэта, осуждаютъ, тѣмъ же, въ кошорыхъ, по ихъ мнѣнію, пресѣкается естественный ходъ мыслей. Такимъ образомъ одинъ изъ Французскихъ переводчиковъ (*) вставлялъ свои мысли въ одѣ: *На смерть Менцера*, лучшемъ произведеніи Державина, что бы связать его строфы. Но въ сихъ-то смѣлыхъ переходахъ и заключается истинно лирическое достоинство. Последнія здѣсь строфы придаютъ необыкновенную живость всей одѣ. Онѣ доказываютъ, что стихотворецъ точно увлеченъ былъ сердцемъ, а не одною счастливою мыслию, когда писалъ свое сочиненіе. Въ первой изъ сихъ

(*) Anthologie russe, par P. J. Emile Dupré de Saint-Maure, pag. 116.

стирофъ, кажется, неудачно повтореніе: *сѣ тѣхъ поръ*, а во второй слово: *мечты*: Одно не усиливаетъ мысли, а другое не выражаетъ истиннаго чувства души, пылающей любовію, которое совѣзмъ не подходитъ на мечту.

Замѣченные нами недоспапки въ выраженіяхъ, впрочемъ слишкомъ маловажные и довольно обыкновенные у Державина, ни сколько не опнимають достоинства у сего прелестнаго произведенія. Оно всегда будетъ стоять наряду съ тѣми неподражаемыми одами, которыя содѣлали для насъ драгоценнымъ имѣніемъ Фелицы. Оно послужитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что важныя Музы не чуждаются веселыхъ Грацій. Истинный вкусъ не предписываетъ поэту, въ какомъ онъ родѣ писать долженъ, но требуетъ отъ него только совершеннаго.

Плѣтневъ.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

А. СТИХОТВОРЕНІЯ.

КОШКА И СОЛОВЕЙ.

Б а с н я (*).

Поймала кошка соловья,
Въ бѣдняжку кохли запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
Соловушка, душа моя!

(*) Вотъ одно изъ новыхъ произведеній Г. Почешаго Члена Общества Ивана Андреевича Крылова! Общество, раздѣляя съ почтенными чинашелями своего журнала чувство удовольствія при неожиданномъ появленіи новыхъ басенъ классическаго нашего баснописца, предварительно извѣщаетъ ихъ, что въ печеніе вышедшаго года оно часто будетъ украшать Соревновашель П. и Б. сими драгоценными произведеніями Рускаго Лафонтена. Прииди же извѣстить ошечественную публику, что И. А. Крыловъ написалъ еще до двадцати басенъ. Че езь нѣсколько времени онъ предполагаетъ сдѣлать но-

Я слышу, что тебя вездѣ за пѣсни славяшъ
И съ первыми пѣвцами рядомъ спавяшъ.

Мнѣ говоритъ лиса, моя кума,

Что голосъ у тебя шакъ звонокъ и чудесень,

Что опъ швоихъ прелесныхъ пѣсень

Всѣ паспухи, паспушки безъ ума.

Хошѣла бь очень я сама

Тебя послушать.

Не шрепещися шакъ — не будь, мой другъ,
упрямь!

Повѣрь, что не хочу совсѣмъ тебя я кушашъ.

Лишь спой мнѣ что нибудь — тебѣ я волю
дамъ

И опшущу гуляшъ по рощамъ и лѣсамъ.

Въ любви я къ музыкѣ тебѣ не уступаю,

И часшо, про себя мурлыча, засыпаю.

Межь пѣмъ мой бѣдный соловей

Едва, едва дышалъ въ кошпяхъ у ней.

Ну, что же — продолжаешъ кошка—

ное изданіе своихъ сочиненій. Кто не согласится, что подобный трудъ, съ его стороны, есть примѣрная, чистѣйшая благодарность за ту любовь, которую повсюду шоржесшвенно изъявляютъ ему соотечественники? Онъ сколько могъ бышъ увѣренъ въ своей неизмѣнной славѣ, что, вѣроятно, по одному благородному стремленію къ пользѣ согражданъ принялся вновь за литературные труды — и пѣмъ съ большимъ конечно воспоргомъ приняшо будашъ появленіе новаго его изданія.

•

Пропой, дружокъ, хотя немножко!
 Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только лишь пи-
 щаль.

Такъ эшимъ-шо лѣса ты восхищаль?

Съ насмѣшкою она спросила.

Гдѣ жь эта чистота и сила,

О коихъ всѣ безъ умолку швердять?

Мнѣ скученъ пискъ шакой и опъ моихъ ко-
 шипъ!

Нѣшъ: видно, что въ пѣнѣ ты вовсе неис-
 кусенъ;

Все безъ начала, безъ конца!

Посмотримъ: на зубахъ каковъ-шо будешь
 вкусенъ —

И съѣла бѣднаго пѣвца

До крошки.

Сказашъ ли на ушко яснѣе мысль мою:

Худыя пѣсни соловью

Въ кошняхъ у кошки.

И. Крыловъ.

ЗАМОКЪ СМАЛЬГОЛЬМЪ.

Шотландская Сказка.

До разсвѣта поднявшись, коня осѣдлалъ
Знаменимый Смальгольмскій Баронъ;
И безъ опдыха гналъ, межъ утесовъ и скалъ,
Онъ коня, торопясь въ Бродерспонъ.
Не съ могучимъ Боклю совокупно спѣшилъ
На военное дѣло Баронъ;
Не въ кровавомъ бою перевѣдаться мнилъ
За Шотландію съ Англіей онъ:
Но въ желѣзной бронѣ онъ сидитъ на конѣ;
Напочилъ онъ свой мечъ боевой;
И покрытъ онъ щитомъ; и попоръ за сѣдломъ
Укрѣпленъ двадцати-фунтовой.
Черезъ три дни домой возвратился Баронъ,
Ошуманенъ и блѣденъ лицомъ;
Черезъ силу и коня, опѣненъ, запылѣнъ,
Подъ тяжелымъ спуналъ сѣдокомъ.

Анкрамморскія битвы Баронъ не видалъ,
 Гдѣ попокама кровь и хв лилась,
 Гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ,
 Гдѣ за родину бился Дугласъ:
 Но желѣзный шоломъ былъ изсѣченъ на нѣмъ,
 Былъ изрубленъ и панцырь и щипъ,
 Былъ недавнею кровью шопоръ за сѣдломъ,
 Но не Англійской, кровью покрывъ.
 Соскочивъ у часовни съ коня, за спѣной,
 Пришався въ куспахъ, онъ споялъ;
 И три раза онъ свиснулъ — и пажъ молодой
 На условленный свистъ прибѣжалъ.
 — Подойди, мой малютка, мой пажъ молодой!
 И присядь на колѣна мои!
 Ты младенецъ, но ты опкровененъ душой,
 И слова непритворны твои.
 Я въ оплучкѣ былъ три дни, мой пажъ молодой!
 Миѣ теперь ты всю правду скажи:
 Чшо замѣшилъ? Чшо было съ швоей госпожой?
 И чшо было у швоей госпожи? —
 „Госпожа по ночамъ къ опдаленнымъ скаламъ,
 Гдѣ маякъ, приходила шайкомъ
 (Гдѣ огни по горамъ зажжены, чшобъ [врагамъ
 Не укрышья во мракѣ ночномъ).
 И на первую ночь непогода была,
 И безъ умолку филинъ кричалъ;
 И она въ непогуду ночную пошла
 На вершину пустынную скалъ.
 Тихомолкомъ подкрался я къ ней въ шемношъ;

И сидѣла одна — я узрѣлъ :
 Не стоялъ часовой на пустой высотѣ;
 Одиноко маякъ пламенѣлъ.
 На другую же ночь — я за ней по слѣдамъ
 На вершину опять побѣжалъ —
 О Творецъ! у огня одинокаго пѣмъ
 Мнѣ невѣдомый рыцарь стоялъ:
 Подпершия мечѣмъ, онъ стоялъ предъ огнѣмъ;
 И бесѣдовалъ долго онъ съ ней;
 Но подъ шумнымъ дождѣмъ, но при вѣтрѣ
 ночью,
 Я разслушашъ не могъ ихъ рѣчей.
 И послѣдняя ночь безнеласпна была,
 И порывиспый вѣперъ молчалъ;
 И къ маяку она на свиданье пошла;
 У маяка ужъ рыцаръ стоялъ.
 И сказала— я слышалъ: „ въ полуночный часъ,
 „Передъ свѣшлымъ Дункановымъ днѣмъ,
 „Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ;
 „Онъ пеперь на свиданьи иномъ;
 „Онъ съ могучимъ Боклю ополчился пеперь;
 „Онъ въ сраженьи забылъ про меня —
 „И шайкомъ опопру я для милаго дверь
 „Наканунѣ Дунканова дня.“
 —Я невласпенъ припши! я не долженъ припши!
 Я не смѣю припши (былъ ошвѣшъ)!
 Предъ Дункановымъ днѣмъ одинокимъ пушемъ
 Я пойду . . . мнѣ поварища вѣшъ! —
 „О, сомнѣнне прочь! безмятежная ночь !

„Предъ великимъ Дункановымъ днемъ
 „И шиха и шемна и свиданьямъ она

„Благосклонна въ молчаньи своемъ.

„Я собакъ привяжу, часовыхъ уложу,

„Я крыльце пересыплю правой,

„И въ приюстѣ моемъ, предъ Дункановымъ
 днемъ,

„Безопасенъ ты будешь со мной!“

— Пусть собака молчитъ, часовой не пробитъ,

И справа не слышна подъ ногой:

Но священникъ естъ шамъ; онъ не спитъ по
 ночамъ;

Онъ приходъ мой узнаетъ ночной. —

„Онъ уйдетъ къ шой поръ; въ монашырѣ на
 горѣ

„Панихиду онъ позванъ служить:

„Кто-то былъ умерщвлёнъ; по душѣ его онъ

Будетъ три дни поминки шворитъ.“

Онъ нахмурясь глэдъль, онъ какъ мершвыи
 блэднѣль,

Онъ ужасенъ стоимъ при огнѣ.

— Пусть о шомъ, кто убилъ, онъ поминки
 шворитъ:

То, бышь можетъ, поминки по мнѣ!

Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ:

Я приду подъ зашишою мглы. —

Онъ сказалъ . . . и она . . . я смотрю . . . ужь одна

У маяка пуспынной скалы!“

И Смальгольмскій Баронъ, пораженъ, раздра-
 женъ

И кипѣль и горѣль и сверкаль.

— Но скажи, наконецъ, кто ночной сей при-
шлецъ?

Онъ, клянусь небесами, пропаль! —

„Показалось мнѣ, при блестящемъ огнѣ:

Былъ шеломя съ соколичымъ перомъ,
И палашь боевой на цѣпи золотой,

Три звѣзды на щипѣ голубомъ.“

— Нѣшь, мой пажъ молодой, шы обманушь
мечшой!

Сей полуночный, мрачный пришлецъ

Былъ невластень припши; онъ убишь на пупи;

Онъ въ могилу зарышь; онъ мерпвецъ. —

„Нѣшь! не чудилось мнѣ! я споаль при огнѣ,

И увидѣль, услышалъ я самъ,

Какъ его обняла, какъ его назвала:

То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ!“

И Смальгольмскій Баронъ, изумлень, пораженъ,

И хладѣль и блѣднѣль и дрожалъ.

— Нѣшь! въ могилѣ покой! онъ лежишь подь
землѣй!

Ты неправду мнѣ, пажъ мой, сказала.

Гдѣ бѣжишь и шумишь межъ ушесами Твидъ,

Гдѣ подьемлепся мрачныи Эльдонъ,

Ужь при ночи, какъ шамъ швой Ричардъ Коль-
дингамъ

Пошаеннымъ врагомъ умерщвлѣнь.

Нѣшь! сверканье огня ослѣпило швой взглядъ!

Оглуше..ь былъ шы бурей ночной!

Ужь при ноци, при дня, какъ поминки пво-
ряпъ

Чернецы за его упокой. — —

Онъ идешъ въ ворота, онъ уже на крыльцѣ,

Онъ взошелъ по крупымъ ступенямъ

На площадку, и видишь: съ печалью въ лицѣ

Одино унылая шамъ

Молодая жена — и шиха и блѣдна,

И въ мечпаніи грустномъ глядишь

На поля, небеса, на Мершонски лѣса,

На прозрачно бѣгущую Твидъ.

— Я съ тобою опяшь, молодая жена! —

„Въ добрый часъ, благородный Баронъ!

„Что расскажешь ты мнѣ? Рѣшена ли война?

„Поразилъ ли Боклю, иль сражёнъ?“

— Англичанинъ разбишь; Англичанинъ бѣ-
жишь

Съ Анкрамморскихъ кровавыхъ полей —

И Боклю наблюдашь мнѣ маякъ мой велишь,

И беречься недобрыхъ гостей. —

При опѣшѣ шакомъ измѣнилась лицомъ,

И ни слова! . . . Ни слова и онъ!

И пошла въ свой покой съ наклоненной главой,

И за нею суровый Баронъ.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.

Онъ вздыхалъ, онъ съ собой говорилъ:

„Съ нимъ молчанье и сонъ! не подымется онъ!

„Мершвецы не вспаюшь изъ могилъ!“

Ужь заря занялась; былъ шайнспивенный часъ

Межь разсвѣпомъ и упренней пьмой —
И глубокимъ онъ сномъ предъ Дункановымъ
днёмъ

Вдругъ заснулъ близъ жены молодой.
Не спалось лишь ей, не смыкала очей . . .

И бродящимъ открытымъ очамъ,
При лампадномъ огнѣ, въ шишакъ и бронѣ,
Вдругъ явился Ричардъ Кольдинггамъ.
— Воропись, удалися! она говоритъ. —

„Я къ свиданью тобой приглашёнъ!
„Мнѣ извѣстно, кто здѣсь, неожиданный,
спитъ:

„Не спрашисъ, не пробудисъ онъ!
„Я во мракъ ночномъ пошасеннымъ врагомъ
„На дорогъ измѣной убисъ;
„Ужь при ночи, при дня, какъ монахи меня
„Поминаюшъ — и шрупъ мой зарышъ.
„Онъ съ побой, онъ съ побой, сей убійца но-
чной!

„И ужасный шеперь ему сонъ!
„И надолго во мглѣ на пуспынной скалѣ,
„Гдѣ маякъ, я бродисъ осуждёнъ;
„Гдѣ видалися мы подъ защишою тьмы,
„Тамъ скишаюсь одинъ мершвецемъ;
„И сюда съ высоты не сошелъ бы . . . но шы
„Заклинала Дункановымъ днёмъ!“

Содрогнулась она, и смяшенья полна,
Вопросила: но что же съ побой?

Дай одинъ мнѣ опвѣштъ — шы спасенъ, или
вѣштъ?

Онъ печально попрысь головой.
 „Выкупаешся кровью пролитая кровь:
 „То убійць скажи моему!
 „Беззаконную небо караетъ любовь —
 „Ты сама будь свидѣтельшюму!“
 Онъ тяжелою шуйцей коснулся спола;
 Ей десницею руку пожалъ —
 И десница какъ острое пламя была,
 И по членамъ огонь пробѣжалъ.
 И печать роковая въ сполѣ вожжена:]
 Оспразилися пальцы на нѣмъ;
 На рукъ жь — но шаинспвенно руку она
 Закрывала съ шѣхъ поръ подопномъ.

Есть монахиня въ древнихъ Драйбургскихъ
 спѣнахъ:

И грустна и на свѣшъ не глядишь:

Есть въ Мельрозской обители мрачный мо-
 нахъ:

И дичишся людей и молчишь.

Сей монахъ молчаливый и мрачный — кто онъ?

Та монахиня — кто же она?

То убійца, суровый Смальгольмскій Баронъ!

То его молодая жена!

Жуковскій.

О Т Р Ы В О К Ъ

И З Ъ

ВИЛАНДОВОЙ ПОЭМЫ ОБЕРОНЪ:

С он ъ Г ю о н а .

Румяный вечеръ попухаль
И мѣсяць плылъ по небосклону:
Успалый конь едва дышалъ —
Нешерпѣливому Гюону
Пришлось прервалъ для ошдыха свой пушь,
Оставя шарика съ конями,
Бродя въ окрестности очами,
Онъ мѣсто выбиралъ, гдѣбъ лечь и ошдохнуть:
Внезапно передъ нимъ, безъ просьбы и безъ
плашы,
Какъ маковъ цвѣтъ, шаперъ раскинулся бо-
гатый.

Весь полъ въ узорчашыхъ коврахъ;
Кругомъ — подушки пуховыя
Подъ мягкимъ бархатомъ дышали какъ живыя;
Посреди — при льва на золошыхъ хребтахъ

Съ трудомъ сполъ ящмоной держали;
 На немъ — шьмы разныхъ блюдохъ, въ блистательныхъ рядахъ,
 Манили взоръ и вкусъ обворожали.
 Смущенный рыцарь нашъ зовешъ
 Смошрѣшь на чудо Шеразмима.
 „Чему дивишься — былъ опивъшь —
 Здѣсь Оберонъ всему причина.
 Вошь такъ-то помнятъ о друзьяхъ:
 Чѣмъ намъ желудокъ свой голодной
 Покоишь на землѣ и жесткой, и холодной,
 Такъ лучше сышымъ спашъ на мягкихъ лебедяхъ.“

„Присядемте жъ къ сполу; пріятно съ перехода,
 Сложивъ шьжелу спашъ, свободнѣе вздохнушь;
 Къ шому же ешь на чпо взглянушь:
 Смошрише; право, для похода
 Прекрасный карликъ нашъ по царски угостилъ.“
 Гюонъ послушался. И оба на подушкахъ
 Съ усердьемъ, какъ всегда на рыцарскихъ пирушкахъ,
 Покушали во здравье силъ,
 Межъ шѣмъ, какъ кубокъ ароматной,
 При пѣснѣ круговой, пріятной,
 Изъ жадныхъ рукъ не выходилъ,
 И сколько ни пили — все съ краемъ ровень былъ.

Оконченъ пиръ, и сонъ благословенный
 Повѣалъ нѣгою да вѣжды ушомленны:

Ушихло все — и вдругъ, въ безмолвіи nocturno,
 Послышались флейшъ волшебны въздыханья,
 Какъ бы съ небесныхъ сферъ, или вездѣ бѣ
 кругомъ

Древесныхъ листьевъ препенанья
 Перелились въ шакие голоса,
 Какимъ, любовь очей и слуха, Капалани,
 Мученье зависти и цѣль рукоплесканій,
 Насъ переноситъ въ небеса.

Но шумный звукъ помалу ушихаетъ,
 Все тише — и сошелъ на шопощъ въ шерка,
 Когда онъ по листьямъ чухъ, чухъ перелетаешъ,
 И рѣзвая волна слегка
 Наяды гибкій спанъ лобзаешъ.
 Въ дремошъ сладостной Гюонъ
 Все слышитъ, гаснетъ самъ — и бла-
 готворный сонъ
 На упоменнаго сдешаетъ.

Уже давно зари пѣвецъ
 Провозгласилъ коней огнистыхъ приближенъе,
 А рыцарь спитъ, шерзаясь въ сновидѣннѣ.
 Мечшой смѣнявъ мечшу, онъ видитъ наконецъ,
 Что берегомъ рѣки, подъ сѣнію древесной,
 Идетъ дорогою пріятной, но безвѣстной;
 Внезапно передъ нимъ дитя спраны чудесъ
 Подъ видомъ женщины божешшвенной пред-
 сшало —

Взоръ крошокъ былъ, какъ чистый сводъ
 небесъ,
 И все любви въ ней прелесью ды-
 шало.

Но бѣдень нашъ языкъ земной,
 Чтобъ выразить вполнѣ любви чудотворенья
 Надъ дѣвственной его душой:
 Какъ онъ, вмѣшивъ во взоръ и жизнь и по-
 мышленья,
 Стоялъ безчувственный; прикованный къ
 землѣ,
 Глядѣлъ, и все глядѣлъ, тогда, какъ призракъ
 милый
 Давно пропалъ — и съ нимъ исчезло все во
 мглѣ.

Окованъ смертію, безъ памяти, безъ силы,
 Тюонъ лежалъ во снѣ на берегу рѣки,
 Какъ вдругъ — у сердца жаръ ласкающей руки,
 И будто жизнь пріавъ опяшъ съ прикосно-
 веньемъ;

Вспаешъ и видишъ съ восхищеньемъ
 Прелестную, какъ прежде, предъ собой
 Все шу же, но милѣй и съ новою красой.
 Безмолвно, съ робостью взирая, любовалась
 Взаимной прелесью цвѣщущая чеша;
 Вся тайна душъ въ сихъ взорахъ опли-
 валась;
 Но говоришь не смѣя ихъ успа.

Въ очахъ красавицы, какъ въ морѣ насла-
жденья;

Гюонъ счастливою душою утопалъ,

И вскорѣ—все забывъ—въ перзаніи смященья;

Въ объятія привѣшныя упалъ.

И слышенъ былъ любви ея отвѣтъ:

Счастливецъ! Сердце въ ней такъ быспро,
сильно! билось;

И вдругъ огнемъ грозы все поле озарилось,

Взвился крупящій вихрь, смѣшался мракъ и
свѣтъ;

И отъ груди его она безвѣспной силой

Отпоржена, лешиль и брошена въ рѣку.

Несчастный слышилъ вопль, внимаешь го-
лось милой

И рвется къ ней, но нѣтъ—къ холодному песку

Стоишь прикованный, какъ камень надъ мо-
гилой.

Онъ хочешь закричать, подашь на вопль оп-
вѣтъ;

Все тщетно: голоса въ груди горячей нѣтъ.

„Проснитесь, государь, разспаньтесь съ сно-
видѣньемъ:

Воскликнулъ Шеразминъ, испуганный дви-
женьемъ.

Отъ безпокойныхъ сновъ пора вамъ отдохнуть!
хнуть!»

„Прочь, духи злобные, разсѣйтесь, дайте
пусть»

Не вамъ лишись меня прелестной—»

Вскричалъ Гюонъ, вскочилъ и съ яростныхъ
очей

Страхнулъ сонъ тяжкой и чудесной.

Еще прелестень грудь и сердце бьется въ ней,

Онъ озирается шуманнымъ, дикимъ взглядомъ,

И потъ холодный каплетъ градомъ.

П. Колошинъ.

В. П Р О З А.

О БЛАГОДАРНОСТИ.

(Изъ Сегюра).

Если бы благодарность была только добродѣтелью; то я не удивлялся бы, что рѣдко ее встрѣчаю: но она есть также удовольствіе и, можешь быть, самое пріятнѣйшее, какое только душа способна чувствовать, и я не понимаю, какъ можно быть къ нему нечувствительнымъ.

Единственно къ этому удовольствію не примѣшиваются никогда ни стыдъ, ни сожалѣніе; ему можно безопасно предаваться; и, какъ говоритъ Ла Бруйеръ, нѣтъ въ свѣтѣ излишества прекраснѣе излишества благодарности.

Эта добродѣтель предполагаетъ многія другія: во первыхъ справедливость; отъ которой происходятъ все прочія добродѣтели, и все качества, заставляющія любить ее: доброта, скромность, нѣжность, чувствительность и постоянство. Если вы знаете какогонибудь человека, который осмался благодарнымъ къ своему добродѣтелю; то не требуйте отъ него другихъ доказательствъ нравственности.

На вмѣняйте комунибудь въ преступленіе излишество благодарности къ вашему врагу: такой человекъ заслуживаетъ ваше уваженіе, а не вашу ненависть; лучше старайтесь снискать его дружбу, и если въ томъ успѣете, то знайте, что нашли вѣрнаго себѣ защитника и что приобрѣли драгоцѣнное сокровище.

Люди, пристрастные къ одной какойнибудь стороне, не думаютъ подобнымъ образомъ. Будучи слѣпы, какъ и все, управляемое спрашками; они презираютъ въ своихъ противникахъ тѣ добродѣтели, которыми удивляются въ сво-

онъ кругу: неблагодарность, донесъ и самая измѣна кажутся имъ достойными уваженія и похвалы, когда бывають для нихъ полезны; — честь и справедливостя низкими, когда вредящъ имъ: одною польке своею выгодною взвѣщивають они добро и зло, порокъ и добродѣтель.

Себлюбіе есть самое низкое и самое мѣлочное свойство людей, пристрастныхъ къ одной какой нибудь сторонѣ. и пошому себлюбѣецъ никогда не бываетъ благодарнымъ; онъ записываетъ причиняемое ему зло чернилами, а добро карандашемъ.

Онъ иногда прищворяется благодарнымъ; пошому что эта добродѣтель, подобно другимъ, имѣетъ своихъ лицезѣровъ: но эшо уже благодарностя изъ выгоды, а не отъ чувства; она льститъ благодарщелю до шѣхъ поръ, пока надѣется получить отъ него новыя благодѣанія. Есть родъ ненасытной благодарности: кощорая умираетъ съ голоду, когда ей не безпрещанно благодарщельствуютъ.

Скупой и честолюбѣецъ всегда неблагодарны; пошому что они никогда не-

вступитъ получить столько, сколько жа-
лаюшь.

Непостоянныхъ можно назвать не-
благодарными въ любви: благодарность
ихъ продолжается, пока они надѣются;
а неблагодарность обнаруживается, ког-
да получили желаемое.

Благодѣяніе встрѣчается чаще бла-
годарности; гордость наша тому причи-
ною. Кто даетъ, тотъ наслаждается
мыслію, что онъ выше принимающаго;
одолженнаго шагонишь зависимость; онъ
часъ по еѣ свергаетъ съ себя, рветъ узы,
думая, что распоргнулъ оковы, и дѣла-
ясь неблагодарнымъ, почитаетъ себя
только гордымъ. Такимъ образомъ, чему
нѣрудно повѣрить, благодѣяніе нрѣдко ра-
ждаетъ враговъ: тщеславіе ищетъ пред-
лога избавишься отъ благодарности; оно
почти ненавидишь, чтобъ не быть при-
нужденнымъ любишь. Я зналъ челоѡька,
который былъ такъ счастливъ, что о-
казалъ многимъ благодѣянія, но немногіе
то ему просили; между тѣмъ, желая
лишишь его награды, лишишь своей при-
дѣлительности, они не въ состояніи были

отыялъ у него внутренняго наслажденія, которое соединено съ добрымъ дѣломъ, и которое столько пріятно, что онъ не откажется бы еще благодарствовать, если бы находился въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Величайшее удовольствіе, говоритъ Ла Брюйеръ, встрѣчашъ взоры шого, кому сдѣлалъ какое нибудь одолженіе. И такъ я думаю, что ежели, принимая, доставлю благодарю столько живое наслажденіе, то можно стѣснить за нѣкоторое великодушіе и самое пріяніе: одно признательное и благородное сердце можешь чувствовать всѣ обязанности, которыми оно подвергается, принимая благодареніе; но съ другой стороны оно имѣеть большое преимущество надъ неблагодарнымъ. Сенека справедливо замѣчаетъ, что непризнательный наслаждается только однажды тѣмъ благодареніемъ, которымъ благодарный наслаждается всегда.

Цицеронъ, напоминая намъ нравоученіе Гезіода, что за благодареніе отплачивать должно съ избыткомъ, сравниваетъ душу признательнаго съ плодородною зем-

дею, которая приноситъ больше, нежели принимается.

Я думаю, что нѣжность есть самая высшая цѣна, какою можно платишь за благодареніе: слѣдовательно принимаешь благодареніе отъ людей, которыхъ нельзя ни уважать, ни любить, есть вмѣстѣ и большая ошибка и большое несчастіе; это представляетъ насъ между неблагодарностію и припворствомъ. Цицеронъ справедливо говоритъ, что неблагодарность есть презрѣннѣйшій изъ всѣхъ пороковъ; утрачиваетъ великодушіе, оно вредитъ нраву; потому неблагодарные суть враги всѣхъ несчастныхъ.

Неблагоразумно ожидать благодарности отъ Двора, Сената, Народа; никакое собиращельное существо не можетъ быть благодарнымъ: эта добродѣтель принадлежитъ одному лицу. Глухо-нѣмой Масье очень хорошо опредѣлилъ благодарность, назвавъ ее памятью сердца. Собиращельное существо, имѣя много головъ, не имѣетъ одного сердца.

Нерѣдко говорятъ о непризнательности Государей; неблагодарность наро-

довъ можетъ служишь большимъ поводомъ къ упрекамъ и жалобамъ. Ариспидъ, Семистоклъ, Сократъ, Сципiонъ, множество героевъ и благодѣлелей народовъ, сдѣлались ихъ жертвами.

Толпа, подобно дѣтямъ, любитъ ломать свои игрушки: чуждаясь умѣренности, она прельщается однимъ излишествомъ, и поочередно переходитъ отъ восторга къ ненависти; предметы нынѣшняго ея боготворенiя содѣлываются завтра ея жертвами. Сохранить ея доброе къ себѣ разположенiе, также невозможно, какъ и утвердить непостоянство въшровъ. — Ни сшды, ни упреки до нея не могутъ касаться; она шѣмъ наглѣе бываетъ въ своей перемѣнчивости, что личность перяется въ толпѣ, которая ни отъ чего не краснѣетъ. Чѣмъ выше человекъ, изъясляющiй благодарность, шѣмъ сильнѣе она прогаетъ насъ. Государь возвышается въ глазахъ нашихъ, по мѣрѣ сближенiя своего съ человѣчествомъ, отъ котораго льстецы стараются, какъ можно, его удалить; нѣтъ прекраснѣе зрѣлища, какъ благодарный

Государь: пріятно видѣть могущество, подвергающееся обязанностямъ, и силу, покарляющуюся власти сердца.

Знаменитый Меншиковъ въ одномъ сраженіи жертвовалъ жизнью для спасенія Петра Великаго. Съ блистательными качествами сего любимца соединены были и большіе недоспашки; его корыстолюбіе и гордость были безпредѣльны: онъ ушамъ большія суммы, опредѣленныя на удовлетвореніе народныхъ нуждъ. Поѣхавъ изъ Петербурга съ Императоромъ, спѣшившимъ сдѣлать внезапное нападеніе на Астрахань, онъ узналъ дорогой, что Монархъ извѣщенъ о его лихоимствѣ. Молчаніе и мрачный видъ Государя, котораго онъ зналъ непреклонную строгость, предвѣщаютъ ему немилость: онъ уже видитъ себя низверженнымъ съ верху почестей, въ презрѣніи и рубищѣ; сипели Сибири, долгое заключеніе, шопоръ, грозящій главѣ его, предсказываются попеременно его воображенію; кровь его воспламеняется; опасная горячка обнаруживается; онъ принужденъ остановиться въ бѣдной хижинѣ, и прово-

дѣшь въ ней при недѣли въ ужасномъ безпамятствѣ. Наконецъ онъ приходитъ въ себя; осматриваешься: все, кажется, его оставило; одинъ только человекъ находишь при немъ; одинъ только человекъ печешься о немъ; одинъ только голосъ обращается къ нему съ утѣшительною рѣчью: голосъ эпомъ есть голосъ его Государя; человекъ эпомъ—Петръ Великій. Сіе нечаянное зрѣлище возвращаетъ ему жизнь и силы; горячія слезы капаются градомъ по лицу; онъ упадаетъ къ ногамъ удерживающаго его Монарха. Боже! восклицаетъ онъ, это ты, Государь! Да, при недѣли я не опходилъ ошь твоей постели. Какъ, ты еще меня любишь, ты просилъ преступника, ты не произнесъ его приговора? Несчастный, говоритъ Петръ, обнимая его: могъ ли ты подуматъ, что я забуду, что ты мнѣ спасъ жизнь? Черта, споль благородная, не заглаживаешь ли всѣхъ недостатковъ Государя, который добродѣтелями своими обязанъ быть самому себѣ, славою собственному гению; и котораго недостатки принадлежали только его вѣку? —

Въ душѣ истинно великой вѣрнѣ всякой добродѣтели найши можно благодарносшь. Чувство признашельности и дружбы всегда уважались въ нашемъ опечесствѣ (*). Рыцарство было не что иное, какъ взаимный обмѣнь преданности, услугъ и признашельности, прекращавшихся одною смертію.

Кто лучше Генриха и Сюлли исполнялъ обязанности рыцарей, не смотря на прешпснвовавшую тому разность ихъ званій? Одинъ продавалъ свои земли, чтобы помочь Королю, другой жертвовалъ для друга своего льспецами и любовницами, позволилъ ему разорвать акшь, подписанный по слабости, и послѣ ссоры бодлся еще, чтобы не подумали, что прещилъ ему.

Излишнее уваженіе къ женщинамъ, въ кошоромъ упрекають Французовъ, и рыцарская ихъ любезносшь есть слѣдствіе благодарности къ полу, кошорой печешся о нашемъ младенчешствѣ, очаровываетъ юношескій нашъ возрастъ и у-

---

(*) Во Франціи.

иѣшается въ старости. Галлы богопво-
рили нѣкопорымъ образомъ женщинъ.

Плутархъ говоритъ, что Галлія раз-
дираема была междоусобною войною; про-
тивники готовы были вступитъ въ бой:
во Гальскія женщины бросились между
нихъ, примирили воиновъ и рѣшили раз-
прю съ величайшею справедливостію. Ан-
нибаль, проходя чрезъ Галлію, назначалъ
тамошнихъ женщинъ бытъ судьями, ко-
гда Кароагеняне приносили жалобы на
Галловъ.

Мать вмѣстѣ съ молокомъ даетъ пер-
вый урокъ благодарности сыну своему.

Неблагодарность есть порокъ про-
тивоесущественный; и самыя животноя
признательны. Простодушный Лафон-
шенъ въ басняхъ своихъ: *Голубь и Мура-
вей*, *Крыса и Левъ*, описывалъ природу.
Кто не знаетъ исторіи Андрокла и Льва?
Слонъ и Собака представляющъ намъ та-
кія черты благодарности, которыя дол-
жны пристыдить и людей. Въ душахъ
нашихъ природою самою напечатлѣны
сладостныя добродѣтели: одна гордость
исшребляетъ ихъ.

Такъ какъ сія гордость едѣлаась къ несчастію всеобщимъ порокомъ; но всего чаще случается видѣть неблагодарныхъ. Виснописецъ говорилъ:

*S'il fallait condamner
Tous les ingrats qui sont au monde
A qui pourrait-on pardonner?*

Любезный Делиль произнесъ приговоръ, споль же спрогий: онъ воскликнулъ въ поэтическомъ негодованіи:

*Mais aux dieux, aux mortels vainement redevables,
Que d'âmes sans memoire, et de coeurs insolubles!*

Эпопъ счастливый пѣвецъ природы приписываетъ благодарности начало богопочитанія; онъ конечно почерпнулъ въ сердцѣ своемъ эту просшую и прогнательную мысль:

Oui, la reconnaissance a fait les premiers dieux.

И такъ благодарность можно, кажется, почестъ чувсвиемъ, споль же пріятнымъ, сколько и врожденнымъ; но часто его насильно истребляютъ: надобно признаться, что самъ благодѣшель обращаетъ благодареніе въ обиду, и благодарность въ

шлягосшь. Онъ унижаетъ, облызываетъ—и оскорбляетъ, прощай. Многіе даютъ; но мало такихъ, которые умѣютъ хорошо давать. Шаронъ говоритъ: добрая воля благодарителя шрогаешъ болѣе самаго благодарнаго.

Любятъ сердце, а не руку. Кто даетъ безъ участія, шоль шолько нѣкоторое имѣешь право на благодарность; но когда онъ пребуешъ ее, она исчезаетъ: надобно давать, не имѣя въ виду ничего, а платишь за благодареніе съ избыткомъ.

Нравоучители очень бы хорошо поступили, еслибы хоть нѣсколько опредѣлили обязанности одолжаемаго и благодарителя; мнѣ кажется, что первая обязанность дающаго состоитъ въ забвеніи благодаренія; принимающій же напротивъ того долженъ помнить и разглашать его.

Еслибъ я былъ живописцемъ, то изобразилъ бы Благодареніе, подобно Спыдли-вощи, подъ покрываломъ, и держащимъ палець на устахъ, какъ Молчаніе; а на противъ того Благодарность съ шрубою, подобно Славѣ.

Однако жь есть случаи, въ которыхъ тайна увеличиваетъ достоинство благодарности.

Принцъ Нассау оказалъ важныя услуги Поляку Забелю, который плашилъ ему за это нѣжнѣйшею преданностию. Въ одинъ день, за столомъ, въ присутствіи многочисленныхъ гостей, Принцъ, разгоряченный виномъ и споромъ, оскорбляетъ сего офицера, но онъ хранитъ глубокое молчаніе. Черезъ нѣсколько дней Нассау, пораженный печальнымъ его видомъ и вспомнивъ о нанесенной ему обидѣ, сказалъ: я виноватъ, признаюсь; загладишь проснупокъ мой слишкомъ уже поздно; я знаю, что дружба препятствуетъ тебѣ опмстити за себя, но честь требуетъ удовлетворенія. Теперь нѣшь свидѣтелей, при которыхъ я нанесъ тебѣ обиду: будемъ драться; такъ должно! Согласенъ, отвѣчаетъ хладнокровно Полякъ. Оба приходятъ въ назначенное мѣсто и приносятъ съ собою по два пистолета. Офицеръ славился въ Польшѣ: онъ вѣрно попалъ въ ефимокъ въ тридцати шагахъ.

Становятся въ 12 шагахъ другъ отъ друга; Забіела долженъ былъ первый сдѣлать шагъ: онъ долго прицѣливался въ своего противника, наконецъ выстрѣлилъ и не попалъ. Удивленный Принцъ бросилъ свой пистолетъ, бѣжитъ къ другу, беретъ другой его пистолетъ и, осмѣривъ, вскрикиваетъ: не получивъ раны, я предугадывалъ уже, что пистолеты твои заряжены холостнымъ зарядомъ! Ахъ, опивчаешь Забіела, могъ ли я зарядить ихъ пулей противъ моего благодѣтеля? Друзья поцѣловались и Нассау говорилъ всѣмъ объ этой чертѣ благодарности, которая умерла бы вмѣстѣ съ Забіелю, если бы сердце друга не открыло ее.

Благодарность есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ плодовъ дружбы; эти чувства соединяются и перемѣшиваются; всего труднѣе и необыкновеннѣе возбудить благодарность въ непріятель. Чтобы успѣть въ томъ, надобно побѣдить самого себя, противостоять спрашамъ, влекущимъ къ отмщенію, и руководствоваться великодушіемъ, предписывающимъ милосердіе.

Сократъ, мудрейшій изъ людей, говорилъ, что величайшее искусство царя не въ томъ состоятъ, чтобы дѣлать добро друзьямъ, а зло врагамъ, но чтобы принуждать самихъ непріятелей изъ благодарности дѣлаться вѣрными его друзьями.

Истинное милосердіе не состоитъ въ прощениі, но въ забвеніи; есть такое прощение, которое оскорбляетъ, умножаетъ обиду, вмѣсто того, чтобы изгладить ее, и истребляетъ благодарность, пребуя оной. Моншанъ, жившій въ бурныя времена, говорилъ съ своей собственною ему откровенностію:

„Большая часть нынѣшнихъ примиреній поспыдны и лицемерны. Мы печемся только о сохраненіи наружности, измѣняемъ истиннымъ своимъ намѣреніямъ и опровергаемъ опъ нихъ, прикрывая наслоящее дѣйствіе; я ненавижу то, что предписываетъ мнѣ нужда.“

Онъ говорилъ правду; благоразположеніе есть основаніе, сущность, достоинство благодѣянія; даръ или прощеніе есть поспороннее его украшеніе.

Равнымъ образомъ и признательность доказывается чувствами, а не дѣйствіями; можно давать, не будучи благодарнымъ, и оплачивать за благодаріе безъ признательности.

Благодарность способна къ принятію всѣхъ впечатлѣній, потому что она чувствительна; она поже, что уваженіе; благодаріе, оказываемое случайно и безъ выбора, никогда не пораждало эшаго чувства. Его можно уподобить распутнымъ женщинамъ; наслаждаясь ихъ ласками, всѣ презирають ихъ.

Чаще дѣлаются неблагодарными отъ добрыхъ совѣщевъ, которые, обнаруживая истину, раздражаютъ страсти; напрошивъ похвала пріобрѣтаетъ всеобщую благодарность. Самое тонкое самолюбіе всегда бываетъ обмануто эшою фальшивою монетою: она имѣетъ ложный видъ уваженія или дружбы, который невольно насъ увлекаетъ.

Одинъ умный человекъ, котораго упрекали въ снисходительности къ льстецу, ошвѣчалъ съ простосердечіемъ: „Я

знаю, что онъ меня обманываетъ, но это мнѣ нравится.“

Большая часть государственныхъ особъ несправедливо жалуется на благодарность обязанныхъ ими людей. Они доставляютъ имъ принадлежности государственныхъ: подарки, знаки отличія, чины, а не уделяютъ собственности своей: уваженія, довѣренности и дружбы. Деньги ихъ оплачиваются благодареніями, ленны лесью, дымъ еиміагомъ. Этимъ однимъ почитаютъ себя свободными еще всякаго съ ними обязательства, что и справедливо.

Много есть людей, которые благодѣніе свое, какъ и ефимки, цѣнятъ слишкомъ высоко; они часто дѣлаются банкротами.

Благодарительность не должна долго мѣшкашь благодѣніемъ; а благодарности, говоритъ Шаронъ, не надобно позволять ему стариться.

Хотите ли исполнять легко труднѣйшія обязанности благодѣтеля и признательнаго человека? Вы имѣете къ тому правило вѣрное, ясное и краткое; оно

написано въ самой нравственной книгѣ однимъ словомъ: *любите*.

Кто любитъ, тотъ добръ; кто добръ, тотъ заставляешь любить себя и бываешь любимъ. Благодареніемъ корыстнымъ найдешь только прислужника; добровольнымъ же друга. Благодаренія власши супъ тяжелыя цѣпи; благодаренія доброты наипрѣятнѣйшія узы.

Со времени продолжительныхъ раздоровъ люди выучили и испощили всѣ способы взаимно вредить себѣ; они, кажешся, забыли средства примираться, соединяться и обязываться другъ друга. Теперь память у одной только ненависти, у благодарности нѣтъ ея. Ахъ, намъ такъ мало времени жить на свѣтѣ; не спанемъ убивать его взаимною враждою!

Баронъ Истровъ.

НАУКИ.

О

ВОЕННЫХЪ РЕЛЯЦІЯХЪ.

Имѣвъ довольно случаевъ размышлять о существѣ военныхъ реляцій, я намѣренъ здѣсь сказать нѣчто о семъ родѣ сочиненій. Разсмотримъ сперва, что есть реляція; а потомъ, какія нужны для сочинишеля оной качества.

Реляція есть донесеніе, представляемое послѣ сраженія Государю или вышнему начальству о происшествіяхъ оного и о подвигахъ отличившихся. Обыкновенно въ слѣдъ за сраженіемъ посылается краткая реляція, заключающая въ себѣ одно извѣщеніе: когда и гдѣ было сраже-

віе; но послѣ уже пишешся подробная и
 проспранная; и она-шо великихъ пребу-
 ешь соображеній и обдуманности. Тутъ
 авторъ реляціи всшупаетъ на чреду совре-
 меннаго бышописателя и предаетъ по-
 помспву картину бшвы, долженствую-
 щей обезсмршшь славу опечѣсыва его,
 или показашь истинныя причины неуда-
 чи. Облеченный въ шоль высокое досто-
 инство, онъ обязанъ соблюсти всѣ прави-
 ла, для шчности и ясности донесенія ну-
 жныя. Чуждый всякаго присшрасшя, онъ
 не долженъ позволяшь ни ненависти, ни
 признашельности управлять перомъ сво-
 имъ. Поставивъ себя свыше страха и на-
 дежды, онъ ограждаетъ себя единою силою
 правды. Современные очевидцы его судія.
 Не долженъ онъ забывашь, что описы-
 ваемый имъ подвигъ нѣсколькихъ часовъ
 будешъ жишь въ опдаленнѣшихъ вѣкахъ.
 Я писалъ, говоришь Фукидидъ, не съ
 шѣмъ, чшобы нравиться современникамъ,
 но что бы оставишь памятникъ попом-
 спву.

Прежде, нежели онъ приступишь къ
 повѣствованію о самомъ сраженіи, надле-

жишь ему описать всѣ предварительныя распоряженія, сдѣланныя къ началу онаго, показать мѣстоположеніе и число сражавшихся, а потомъ представить всѣ дѣйствія своей и непріятельской арміи, и всѣхъ родовъ войскъ вообще, словомъ: изобразишь весь механизмъ маневровъ. Такимъ образомъ съ поля сраженія обращается онъ къ тѣмъ, копорые наиболѣе содѣйствовали успѣхамъ побѣды, или были остановлены обстоятельствомъ.

Изъ сего явствуетъ, что въ реляціи должно предшествовать описаніе всѣхъ предварительныхъ мѣръ, принятыхъ главнокомандующимъ, то есть, его диспозиціи или распоряженія. Она бываетъ или общая для дѣйствія наступательнаго или оборонительнаго всей арміи, или особенная для нѣкоторыхъ только частей оной. Наканунѣ каждаго сраженія или штурма раздается она обыкновенно всѣмъ генераламъ и частнымъ начальникамъ, въ копорой должно быть ясно написано все разположеніе войскъ, и когда какой части и какъ дѣйствовать. Въ ней верховный вождь долженъ показать всю

степень своей прозорливости, предугадывать замыслы непріятели и ничего не предоспаляшь случаю. Оплъ исполненія диспозиціи зависить вся участь арміи. Никто лучше Моншекукулія не преподаль правилъ и наспавленій для сего споль важнаго предмета; они доспойны особеннаго вниманія каждаго, любящаго военную науку.

И такъ начало или первая часть реляціи есть спрашегическая, по есть, описаніе дѣйствій и движеній, учиненныхъ еще не въ виду непріятели и виѣ его выспрѣловъ, что соспаляемъ нынѣ науку начинашь и веспи кампанію. Вторая часть реляціи шакшическая, или описаніе движеній и мнневровъ въ виду непріятели и подъ его выспрѣлами. Третья и послѣдняя заключаемъ въ себѣ пріятнѣйшую, но и запруднительнѣйшую обязанность, отдавашь взвѣшенную по достоинству каждаго подвига справедливость опличнымъ добродѣтелямъ воиновъ, пріобрѣтшихъ права на признательность отечества.

Въ разсужденіи первой части релл-
 діи, или спрашегіи, весьма полезно для
 сочинителя оной, если онъ вступаешь
 на поприще своего служенія при самомъ на-
 чалѣ вышпупленія въ походъ арміи. Тог-
 да имѣеть онъ случаи замѣчать все об-
 разованіе, всѣ движенія войскъ, знакомить-
 ся не только съ предметами, до состава ар-
 міи относящимися, но и съ лицами, шущь
 дѣйствующими, и вообще съ духомъ вои-
 новъ. Главнѣйшее его вниманіе должно
 обратиться на спрашегію. Она заклю-
 чаетъ въ себѣ всѣ великія военныя опе-
 раціи, копорыя пригошповляютъ рѣши-
 тельныя послѣдствія для механическаго
 исполненія тактики, помощію копорой
 обѣ сражающіяся спороны стараются
 превозмочь другъ друга и побѣдою рѣ-
 шить судьбу кампаніи или войны. Так-
 тика, по словамъ Лаверна, есть попол-
 неніе спрашегіи. Иногда она совер-
 шенно съ нею согласна, иногда же шеря-
 ешь плодъ искуснѣйшихъ маневровъ и
 движеній спрашегіи. Случаетъ также,
 что она исправляетъ ея погрѣшности.
 Спрашегіста называетъ шощъ же диса-

шелъ подчѣмъ воинскаго зданія, шакши-
ка же каменщикомъ.

Послѣ сего начинается въ реляціи о-
писаніе существенной вѣщорой ея шакши-
ческой части, именно сраженія. Здѣсь дол-
женъ пишущій показати число войскъ,
составляющихъ авангардъ, корпусъ арміи,
оба его крыла и арьергардъ, когда и какъ
началось сраженіе, съ какими эволюціями,
въ какомъ мѣстоположеніи, гдѣ дѣйство-
вали преимущественно пѣхота, конница
и артиллерія, съ какими измѣненіями
прошивъ диспозиціи, какія мѣры къ про-
тивоборщивованію принималъ непрія-
тель, съ какимъ числомъ, сколько часовъ
продолжалось сраженіе и чѣмъ кончилось,
совершеннымъ ли разбитіемъ всей арміи
на мѣстѣ, или обращеніемъ ея въ бѣгство.
Такъ какъ всѣ бывшія въ свѣтѣ сра-
женія весьма различны одно отъ другаго,
то наблюдательный умъ повѣщивающе-
го долженъ уловити отличительныя чер-
ты ему предшоящаго и изобразити ихъ
разительными красками. Иногда совсѣмъ
неожиданная нечаянность была, какъ на-
зывается Тацитъ, матерію важнаго про-

изшествія; иногда одинъ офицеръ, или проспой воинъ, или нѣсколько изъ рядовъ давали военному дѣлу совсѣмъ другой рѣшишельной оборотъ. Какъ не блиспашь именамъ ихъ въ реляціи?

При всѣхъ трудностяхъ въ достойномъ начертаніи бипвы, современный историкъ, говоритъ Лабомъ, имѣеть великіе способы для описанія новѣйшихъ произшествій. Дѣйствовавшія лица еще существуютъ. Ошнесясь къ нимъ, онъ можешъ получить всевозможныя свѣдѣнія о тѣхъ же самыхъ событіяхъ, и размышляя, онъ оцѣниваетъ ихъ по образу разказа каждаго. Во всякомъ дѣйстви естъ спорона поспоаянная и спорона измѣняющаяся. Спорона поспоаянная естъ основаніе дѣла, напримѣръ: по окончаніи баталіи всякой долженъ согласиться, кто побѣдитель. Но шупъ были разныя обстоятельства, имѣвшія вліяніе на одержаніе сей побѣды, какъ то: искусный маневръ, или нечаянное прибытіе на подкрѣпленіе арміи корпуса, или военная хитрость. Всѣ сіи случаи могутъ бышь доказаны. Вошь, почему успѣха сраженія

не приписываютъ одной и той же причинѣ, и эта часть есть измѣняющаяся. Въ семъ положеніи историкъ, если онъ хотя нѣсколько знаетъ сердце человѣческое, замѣтитъ изъ всѣхъ доставленныхъ ему свѣдѣній то, которое имѣетъ болѣе достоверности; а изъ сего должна непременно возникнуть истина.

Новѣйшіе наши историки въ томъ же положеніи, въ какомъ находился Тацитъ, когда занимался повѣствованіемъ Римскаго народа. Не только онъ видѣлъ часть того времени, кошорой оставилъ намъ исторію, но былъ въ связи со многими лицами, подвиги коихъ онъ описалъ. Слѣдовательно, какъ и онъ, не можемъ мы ничего выпускать, ничего забывать: намъ предоставлена подобная удобность спрашивать очевидцевъ; и между ними есть противорѣчущіе, копорые, исправивъ наши ошибки, вспомоцествуютъ намъ предать вѣрное описаніе достопамятныхъ нашихъ происшествій. Сямъ-то даетъ авторъ своему повѣствованію жизнь и краску; онъ переноситъ своего чинашеля на мѣсто, гдѣ на

Ходилъ самъ; онъ ведетъ его посреди волненія, тревоги и смятенія; слышишь онъ громъ оружія. Тогда описаніе его вдыхаетъ участіе по мѣрѣ предметовъ, имъ повѣснваемыхъ, и производитъ впечатлѣніе, какое ощущалъ самъ во время событія, его воображеніемъ возобновляемаго.

Пишущій реляцію долженъ въ начертаніи сраженія для точности всѣхъ произшествій руководствоваться: *первое*, журналомъ или поденною запискою, которая во время войны ведется во всѣхъ частяхъ арміи и въ кошорую вносятся всѣ дѣйствія каждаго дня, какъ и ежедневное разписаніе числа войскъ. *Второе*, чершежами или картами: генеральною, представляющею цѣлое государство или цѣлую провинцію, для общаго соображенія дѣйствій арміи, раздѣленной на разныя корпусы, имѣющіе направленія на разныя мѣста или пункты; спеціальною или подробною, показывающею малѣйшія селенія, дороги, проходы, возвышенія, ручьи и лѣса; и топографическою или мѣстоименовательною.

Теперь остается намъ рассмотретьъ
 прелесть часть реляціи, заключающую въ
 себѣ описаніе подвиговъ всей дѣйство-
 вавшей арміи. Писатель реляціи получа-
 етъ отъ всѣхъ частныхъ начальниковъ
 свидѣтельство объ опличившихся ихъ
 подчиненныхъ, изъ коихъ составляетъ
 общій списокъ съ показаніемъ ихъ дѣлъ.
 Сколько восхищенно видѣшь подвига-
 ющагося за славу и честь своего госуда-
 ря и опечесства вознагражденнымъ по до-
 стоинству; сколько прискорбно и горестно
 напрощивъ того видѣшь жертвовав-
 шаго жизнию своею забытымъ; пѣшь бо-
 лѣе, что сраженіе сіе было, можетъ быть,
 первою и послѣднею эпохою его жизни.
 Но это падаетъ на совѣсть начальника.
 Впрочемъ не возможно иногда избѣгнутьъ
 нареканія отъ шщеславія и самолюбія
 людей. Саме худшее въ войнѣ, говоритъ
 Тацитъ, есть то, что въ благопріят-
 ныхъ обстоятельствахъ оной всѣ хо-
 щашъ бытъ участниками; неудачу же
 относятъ всегда на одно только лице
 главноначальствовавшего.

Воздавъ каждому достойному достои-

ное, перо испорика оспанавливаецся: ему
 предспоитъ подвигъ — изобразитъ во-
 инспвенную доблестъ всей сражавшейся
 арміи. Кшо видѣль рускаго воина на бра-
 ни, пошь видѣль нѣчто чудесное; но ка-
 кое перо, какая кисть, какой рѣзецъ въ
 сосноянїи предспавитъ во всей разипель-
 ности его безпримѣрную храбросиь, неу-
 спрашимосиь, неушомимосиь, шерпѣли-
 восиь, спругую подчиненносиь, любовь
 къ Богу, Государю и Опечествиу! Среди
 величайшихъ опасноспей онъ весель и
 поеть; во всѣхъ климашахъ, какъ дома;
 кусокъ сухаря и вода, вопъ его пища.
 Со времени Петра онъ побѣдоносецъ.
 Ему принадлежитъ лучшее мѣсто въ ре-
 ляци. Впрочемъ какъ росіійской арміи
 не гремѣтъ въ лѣпописяхъ міра, когда
 воинское управление и организаціа оной
 улучшены во всѣхъ часдяхъ? Она соспав-
 лена изъ сильныхъ воиновъ, какихъ да-
 ешь шолько сѣверъ. Она образована по
 всѣмъ полишическимъ и воинскимъ рас-
 чешамъ. Пѣхоша шяжелая и легкая всегда
 въ гоповности дѣйствовашъ всякими эво-
 люціями. Конница шяжелая и легкая

Упоргається въ непріятельскіе ряды, раз-
сшриваєть и смѣшиваєть ихъ, и въ пре-
слѣдованіи превожить на флопахъ и вез-
дѣ. Артиллерія тяжелая и конная мѣп-
костію палбы и быспрошою своею за-
служиваєть удивленіе всѣхъ вѣковъ. Всѣ
сіи войска, совершенною соразмѣрностію
одного къ другому соспавляють въ дѣй-
ствіяхъ *единство*, сію душу военного дѣ-
ла. И вся сія совокупность изумляю-
щихъ движеній єсть послѣдствіе му-
дрыхъ воинскихъ узаконеній и поспансв-
леній во всѣхъ опрасляхъ сего управле-
нія, какъ шо: въ образѣ жизни и заня-
тіяхъ воиновъ, въ рекрутскѣмъ наборѣ,
въ укомплекшованіи, въ дисциплинѣ,
вооруженіи, обмундированіи и маневрахъ,
въ системахъ, генеральной тактической,
наступательной и оборонительной, въ
планахъ кампаній и въ генеральной си-
стемѣ спрашегіи. Сіє воинское зданіе до-
ведено въ нынѣшнее доспославное цар-
ствование до вышней степени совершен-
ства.

Также получаєть составляющій ре-
ляцію списки о числѣ убишыхъ, ране-

ныхъ, взятыхъ въ полонъ и безъ вѣсти пропавшихъ. Реляція увѣковѣчиваетъ память убитенныхъ за ошечество, кошорое окропляешь прахъ ихъ благодарною слезою. Но число ихъ, какъ съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны, со всѣми профеями, должно показано быть истинное. Обманъ скоро обнаруживаешся, и реляція теряетъ первое свое достоинство: достовѣрность. Ложь во французскихъ бюлешеняхъ родила пословицу: Il ment comme un bulletin. Будемъ въ реляціяхъ нашихъ справедливы и къ непріятелямъ нашимъ; будемъ отдавать должную хвалу тамъ, гдѣ они преимуществовали; будемъ говорить для возвышенія собственной нашей славы объ истинныхъ ихъ достоинствахъ; не послѣдуемъ древнимъ Римлянамъ, не признававшимъ никогда доблести во врагахъ своихъ и называвшимъ ихъ всѣхъ варварами. Не зирая на то, потомство удивляешся превыспренности ума Аннибала и величію Каррагена; и если бы каррагенское перо передало намъ описаніе пуническихъ войнъ, що исчесли бы, можешь быть, мно-

гія патріотическія гиперболы Римлянъ. Но если Римъ торжествуетъ, то торжество его возвеличивается именно оу борьбы и соспязанія съ вождемъ и народомъ знаменитѣйшими. Сей самый Аннибалъ, чудо военной хитрости и искусства, пошрясавшій шеснацать лѣтъ римскій колоссъ въ его основаніи, теперь предъ стѣнами Карфагена у ногъ Сципіона умоляетъ о мирѣ. Какой народъ можетъ выставить подобную блистательную картину своего величія? Только опечесство наше можетъ гордиться гораздо разительнѣйшею: и Россія боролась нѣсколько лѣтъ съ кровожаднымъ властелиномъ Франціи, приковавшимъ къ колесницѣ своей побѣду и вшоргшимся съ громами двадцати европейскихъ народовъ въ ея сердце: въ первопрестольную Москву. Но онъ прогнанъ и преслѣдуемъ до столицы его. Тамъ влагаетъ АЛЕКСАНДРЪ I мечъ свой въ ножны и перомъ милосердія даруетъ Европѣ миръ. Не поражаютъ слуха ужасныя слова безчеловѣчнаго Катона: *Delenda est Carthago*, но слова христіанскія великаго Феодосія,

миловавшаго неблагодарную за всё его благошворенія Антіохію и произнесшаго: *и я могу воскресить изъ мертвыхъ!* Такъ при гласъ прощенія выходитъ изъ могилы Парижъ ликуя. И стебель лиліи, преклоненный бурею долу, восплаеетъ съ новымъ блескомъ. Какая кисть начерпшитъ картину шакаго событія? Туть слогъ историка воскресяетъ и паритъ въ воспоргъ наравнѣ съ полетомъ героизма: проза безъ вымысловъ оспихошворяетъ.

Такъ какъ реляція назначается для всенароднаго извѣщенія, шо она потребуеъ ясности и простоты слога, чтобы каждаго соспоянія чипапелъ могъ ее понимать, а военный соображаеъ всё описываемыя спратегическія и шакпическія дѣйствія съ правилами своей науки. У всѣхъ народовъ и во всѣ времена былъ особенной языкъ военной шехнической. Но, ко вреду военной исторіи, многіе писатели возмечтали, будто изящество пера ихъ досташочно къ описанію военныхъ явленій, и будто блишпашельношю своихъ изображеній могутъ они за-

мѣнишь недосщатокъ въ точности. Въ семь обвиняють иногда и Тита-Ливія и Плутарха. Кшо изъ шведскихъ генераловъ, вопрошаешь Гюйшардъ въ глубокомысленномъ своемъ сочиненіи, узнаешь баталіи Карла XII въ замысловатой исторіи Вольпера о семь государь? Есть ли хотя одинъ французскій офицеръ, который бы понялъ баталію при Фонсеноа по описанію сего же автора?

Для лучшаго уразумѣнія сраженія прилагаешся обыкновенно къ реляціи чертежь плана, снятый съ карты, или съ напшурь, по окончаніи дѣла. Въ немъ поясняешся и оживляешся описаніе, сдѣланное въ реляціи, и предшавляешся со всѣми топографическими подробностями поле битвы, на которомъ рѣшается судьба и слава оружія. Тушь искусный военачальникъ, обнявъ вѣрнымъ своимъ взглядомъ все пространство поля, всѣ выгоды и невыгоды онаго, назначаетъ пѣхотѣ, конницѣ и артиллеріи сообразныя съ свойствомъ ихъ службы и мѣстнаго положенія для дѣйствій позиціи. Извлекая себѣ пользу изъ самой природы, онъ

нерѣдко преодолеваетъ ея проливоборство, и побѣдою даетъ полю безсмертіе. Такъ имена полей Фарсальскихъ, Куликовыхъ, Полтавскихъ переживаютъ вѣки: шакъ память и полей Кагульскихъ, Новскихъ, Бординскихъ, Лейцигскихъ будетъ жить въ роды родовъ.

Еще прилагается къ реляціи маршрутъ похода, взятый съ географической карты, въ которомъ означаются всѣ переходы, привалы, ночлеги, отдохны, во сколькоикихъ колоннахъ и отдѣленіяхъ должно ийти войску и по какимъ дорогамъ. Сіи нерѣдко по многоразличному своему свойству опмѣняютъ учрежденный военными регламентами порядокъ марша. Армія на пути своемъ вспрѣчаетъ дороги по широкія, по узкія, открытыя и закрытыя, прямыя и пресѣкаемыя горами, болотами, скалистымъ и удобныя для засады, а иногда непроходимыя, испощающія неутомимость воиновъ не менѣе самаго сраженія. Главное достоинство похода есть быстрота: и нерѣдко, по словамъ маршала де Сакса, выигрывались сраженія болѣе ногами, нежели оружіемъ.

Главнокомандующій исчисляешъ по разспоянію и времени шаги своего войска. Здѣсь говорю я шолько о составѣ реляціи, имѣющей въ предметѣ одно описаніе генеральнаго сраженія, а не осады крѣпосей. Тамъ дѣйствія гораздо медленнѣе; начальникъ осады ведешъ особенный подробный журналъ всѣхъ аршиллерійскихъ и инженерныхъ операцій, который, по сдачѣ крѣпости, издается въ свѣтъ.

Теперь обратимся къ пишущему реляціи: пишущій современныя воинскія событія долженъ непременно познакомить ся съ древнею и новѣйшею военною исторіею. Древніе изображали героевъ своихъ споль сильно, что попомощво въ недоумѣніи: герои ли больше обязаны своимъ испорикамъ, или историки своимъ героямъ. Опличительное достоянство ихъ то, что всѣ они участвововали на всѣхъ знаменитыхъ поприщахъ военныхъ, были сами дѣйствовавшими на театрахъ сихъ лицами, знали качества всѣхъ своихъ сподвижниковъ и обнимали всю сцену. Какіе образцы оставили намъ Ксено-

фонъ, Фукидидъ и Полибій, описывавшіе съ подвигами чуждыми и свои собственныя! Величайшій мужъ Рима, Цезарь, умѣлъ сполько же владѣть рѣзцомъ вспорика, какъ и мечемъ полководца. Поэтому-по вспрѣлаемъ мы въ сочиненіяхъ ихъ ея рѣдкое знаніе чаловѣческаго сердца, ея опытность, сей мѣпкій обзоръ вѣхъ явленій; вездѣ видимъ причину развязки; картины ихъ и донынѣ не перестаютъ своей свѣжести, словомъ: они поклялись писать для вѣчности.

Въ семъ отношеніи должно признаться, чню описывающій ужасы браннаго поля на бранномъ же полѣ не можеть сравниться въ положеніи своемъ ни съ какимъ другимъ писателемъ. Не въ пишинѣ кабинета, посреди своихъ книгъ, у комелька, сидитъ и углубляется онъ въ размышленія. Нерѣдко барабанъ, или опломбѣдоски, служатъ ему вмѣсто спола. Здѣсь содрагаеться онъ при возрѣніи на ея плачевное позорище битвы. Онъ видитъ, какъ огнедышущая Эшна Марса изрыгаеть свои пламенные допоки, и какъ рѣка крови покрываетъ поле. Не

дрерывающійся громъ оружіи, свистъ я-
 дерь, звукъ трубъ, барабанный бой и вой
 умирающихъ заглушаютъ его. слухъ и
 сердце. Какъ море, съ ревомъ разрушивъ
 площину, угрожаетъ полямъ вѣчнымъ по-
 шопомъ, какъ губительный градъ побив-
 аетъ все подъ солнцемъ, какъ язва на-
 сильственна все умерщвляетъ; такъ без-
 человѣчный воинъ въ буйствѣ своемъ все
 сожигаетъ, сокрушаетъ, опустошаетъ.
 Перо выпадаетъ изъ руки испорика: оно
 не нужно. Можешь ли оно изобразить
 огненное небо, густыя пороховыя пу-
 чи и груды шудовищъ человѣческихъ
 устланную землю? Но все ушихаетъ.
 Вдругъ поражаетъ слухъ всеоживляю-
 щее *ура! побѣда!* Все воинство съ колѣ-
 нопреклоненіемъ, съ разпростертыми къ
 нему руками и съ сердечнымъ благоговѣ-
 ніемъ возносиць къ небесамъ гласъ бла-
 годаренія. Такими-то кровавыми пу-
 тями ведетъ иногда неисповѣдимое Про-
 видѣніе народы къ благоденствію, ограж-
 денію ихъ правъ, законовъ и предѣловъ,
 къ распространенію ихъ славы и къ упи-
 верженію благословеннаго мира!

Но еще важнѣйшее преимущество имѣли древніе въ своемъ языкѣ. Чтобы писать исторію съ благородною простотою, достоинствомъ и чистотою слога, находили они всю силу, опредѣлительность и богатство словъ, всѣ эстетически-оптѣнки однородныхъ идей въ греческомъ и латинскомъ: каждое шехнитическое названіе въ ихъ тактикѣ было ихъ собственностію, незамѣнено ошъ инос ранныхъ, какъ-шо мы видимъ изъ греческихъ такшическихкихъ словарей Арріена и Эллиена. А у насъ давно ли наша проза начинаетъ возникать? Россія, чудесно преуспѣвшая въ военномъ искусствѣ, не имѣетъ для сего искусства ни своихъ словъ, ни своихъ названій. Когда послѣ Карла V Людовикъ XIV перевѣсомъ политическаго вліянія своего кабинета и могуществомъ своего оружія началъ владычествовать надъ судьбою Европы, тогда французской языкъ заступилъ мѣсто италіанскаго и испанскаго и содѣлался повсюду языкомъ и военнымъ и придворнымъ; съ нимъ водворились и у насъ всѣ французскія такшическія шех-

ническія названія. Но не удивился ли отдаленное потомство наше, когда будетъ читать въ русскихъ повѣствованіяхъ о событіяхъ русскихъ множеству иностранныхъ словъ? Правда, вся тактика древнихъ вмѣщалась въ нѣсколькихъ листахъ, а новѣйшая во столькохъ же томахъ. Изобрѣтеніе пороха въ XIV столѣтіи ослабило сердце и мышцу европейца: но за то покорило ему новыя части свѣта. Сила шѣлесная и личное мужество уступили мѣсто наукѣ утонченнѣйшей, въ соображеніяхъ многосложнѣйшей и безпредѣльной; и съ сей эпохи начинается преобразование всего воинскаго искусства. Вся древняя тактика и столько славившееся рыцарство погребается въ своихъ развалинахъ. Никакое физическое опкрытіе не имѣло столько великаго вліянія на нравственность, воинскій духъ и политику государствъ; оно возстановило равновѣсіе Европы. Принцы Нассавскіе, Фридрихъ и Морицъ явились первые на поприщѣ военномъ съ новымъ своимъ арсеналомъ, наполнили вселенную громомъ своихъ именъ и положили огнеспрѣльной

еистемъ основаніе незыблемое, на кождомъ она стоить и донинѣ. Артиллерія, саперное, инженерное искусство, фортификаціи Вобана и Когорна, топографія, маневры, всё опрасли военной науки развидись на корнѣ математикѣ.

Новая сія военная наука была усовершенствована Гуспавомъ Адольфомъ, Баньеромъ, Тилліемъ, Валленшпейномъ, Вейшаромъ, Торспенсономъ, Мерси, Конде, Тюрень и Моншекужули довершили ихъ подвигъ. Всѣ сіи великіе люди образовали себя уроками древнихъ: изъ Эукидида, Ксенофона, Полибія, Арріена, Саллюстія и Цезаря видѣли они постепенное развитіе древней тактики, извлекли ихъ теорію, и, приспособивъ ее къ тогдашнимъ своимъ обстоятельствомъ, создали новую науку вести войну. Они научили, какъ выгодно разположенными лагерями, хорошо избранными позиціями, быспрыми, опъ непріятелю сокрытыми, маршами одерживать успѣхи; и почемъ, какъ основывали военныя операціи на крепостяхъ, откуда, какъ изъ центра, охранялъ сообщеніе съ магазинами. Сія по

основа (basis) есть верховный предмет стратегіи.

На сей степени спяло военное искусство, и съ такими усовершенствованными пособіями внукъ Густава, Карль XII, съ наилучше успроенными и славою ихъ прежняго героя вдохновенными легионами нападаеть на Россію въ ея колыбели. Но побѣды Карла научають Петра быть побѣдипелемъ его подъ Полшавою. Возпользовавшись опытами, вводипть онъ въ Россійское войско новую Европейскую тактику; и ошюда начинаеться рядъ побѣдъ. По слѣдамъ сего исполина шествуетъ великая Екашерина, опверзаеть панпеонъ знаменишыхъ полководцевъ и предначершываетъ своему наслѣдію путь къ будущему возвеличенію славы Россіи, до кошорой она и доспигла и даже превзошла. Здѣсь военный дѣписатель, воспламененный памятниками воинскихъ доблесней, съ перомъ сердца своего восклицаетъ: *и мои современники будутъ жить въ реляціи — въ потомствѣ!*

Можно также сказать, что реляція есть зеркало, въ кошоромъ отражающся

всѣ дѣянiя главнокомандующаго. Все войско повинуетъ повелительному его жезлу. На полѣ сраженiя онъ всемогущъ. Едва провозгласить: *впередъ* — и тысячи бросающа на смерть. *Стой* — и неподвижная спи́на. Не рукою, а головою дѣйствуетъ онъ. Описывая въ реляціи дѣла свои онъ себя живописуетъ. Спротѣй разборъ подвиговъ его докажетъ: имѣлъ ли онъ воинственныи геній, довѣренность войска, предприимчивость, присутствіе духа, опытность, смѣлливость, неустранимость? Имѣлъ ли въ день сраженiя расположить армию въ боевой порядокъ и занять самъ шоссѣ пунктъ, откуда могъ обозрѣвать всѣ дѣйствiя и движенiя, и съ орлиною быстротою подкрѣплять ослабѣвающихъ? Зналъ ли силу и недостатки своего непріятельскаго войска, проникалъ ли во всѣ замыслы непріятеля, и наконецъ, зналъ ли великую науку пользоваться побѣдою? Когда спраши и воспоргъ современниковъ пошухнуть, тогда немщеприятельствующее судилище пошомства произнесетъ ему приговоръ свой.

Краткое сіе обозрѣніе доказываетъ, что инопѣ, которому ввѣрится описаніе военныхъ подвиговъ опечества, долженъ имѣть точныя свѣдѣнія не только о всѣхъ подробностяхъ внутренняго устройства арміи, но и о всѣхъ предметахъ, которые опѣ нея въ зависимости. Для сего надобно, чтобы предъ нимъ раскрыта была вся переписка главнокомандующаго съ Высочайшимъ Дворомъ, съ военными начальниками, и вся дипломатическая. Ибо система политическая связана шѣсными узами съ военною. Сія подчинена ея тайнымъ предположеніямъ и зависитъ опѣ ея дипломатическихъ шонкошпей въ негоціаціяхъ по политическимъ интересамъ, шорговымъ опношеніямъ, заключеніямъ шюзовъ и финансамъ. Безъ шаковаго довѣрія будетъ онъ шеряться въ лабиринтъ своихъ соображеній, и историческое изложеніе его не будетъ имѣть ни надлежащей связи, ни сей, для реляціи шолько нужной, полношы. Чтобы судить съ достоверностію о подвижности сей споль огромной массы, какова армія, надобно знать всѣ сокровеннѣйшія

пружины, приводящія въ движеніе и малѣйшія ея часши.

Наконецъ быспрый взглядъ сей показываесть намъ, что подробная военная реалція есть памятникъ, увѣковѣчивающій славу сражавшихся; гораздо прочнѣйшій всѣхъ пирамидъ и обелисковъ; источникъ, изъ котораго почерпаетъ испоконикъ матеріалы для своихъ лѣтописей, а возмъ свой воспоргъ и вдохновеніе. Не было бы Омера, если бы не было Трои.

N. N.

С М Ъ С Ъ.

ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА.

I.

На основаніи §§ 90 и 100 первой части **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденного Устава своего, Общество имѣло въ 29 день Декабря испекшаго 1823 года годовичное свое собраніе.

По прибытіи Гг. Членовъ, Г. Предсѣдатель Ѳ. Н. Глинка открылъ собраніе объявленіемъ причины онаго крашкою рѣчью.

За симъ Г. Секретарь Общества А. А. Никитинъ прочелъ исторію сего Сословія и представилъ подробный отчетъ о всѣхъ дѣйствіяхъ Общества по ученой и распорядительной части, объ оборотахъ денежнаго капитала, пожертвованіяхъ и объ оказанныхъ Обществу пособіяхъ въ теченіе 1823 года.

Часъ XXV. Кн. II.

13

II.

Во исполненіе §§ 44 и 45 той же части Устава и по существу журнала чрезвычайнаго собранія 18 Декабря 1822 года, избраны по балопиrowанію на 1824 годъ:

Предсѣдашелемъ **Ф. Н. Глинка.**

Помощникомъ Предсѣдателя **Графъ С. П. Салтыковъ.**

Цензоромъ Прозы **Д. М. Княжевичъ.**

Цензоромъ Поззій **К. Ф. Рылѣвъ.**

Цензоромъ Библиографіи **А. О. Корниловичъ.**

Секретаремъ Общества **А. А. Никишинъ.**

Секретаремъ Цензуры и Комиссара **П. А. Плешневъ.**

Библиошкаремъ **И. К. Аничковъ.**

Казначеемъ **И. Д. Боровковъ.**

Членами Цензурнаго Комитета:

А. А. Веспужевъ.

Н. И. Кушувовъ.

И. В. Чеславскій.

III.

За представленныя сочиненія и переводы, на основаніи § 35 Устава, избраны въ Члены Сопрудники:

Подполковникъ Пешръ Ивановичъ Колошинъ.

Гвардейской Артиллеріи Капитанъ Андрей Никифоровичъ Пушкинъ.

Гвардіи Казачьяго Полка Поручикъ Василій Дмиѣтріевичъ Сухоруковъ.

Типулярный Совѣтникъ Василій Никифоровичъ Григорьевъ.

Слѣдуя законоположеніямъ Общества, вновь избранные Гг. Члены, прибывъ въ собраніе 7 Генваря, высл. шали Уставъ и, по установленной формѣ, скрѣпили подписью желаніе свое присоединиться къ Обществу и подтвердили шѣмъ согласіе не опступанъ опъ **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденныхъ законовъ, которыми сіе Сословіе руководшвуется.

Сообразно съ § 38 Устава, поступилъ въ.

Члены Корреспонденшы:

Войска Донскаго Пропоіерей Илья Назарьевичъ Палушинъ.

IV.

Въ теченіе 1823 года Общество, къ сердечному прискорбію своему, лишилось двухъ членовъ, смертію похищенныхъ: Почешнаго—Князя И. М. Долгорукаго, и Корреспондента—С. А. Исакова.

Музы справедливо оплакивають кончину перваго. Князь Долгорукій, конечно, принадлежишь къ малому числу знаменитыхъ нашихъ стихотворцевъ. Ежели произведенія

его съ одной стороны должны уступить произведеніямъ многихъ другихъ въ опдѣлкѣ, выборѣ выраженій, вкусу и поэтическомъ вдохновеніи; но съ другой не многіе спануть съ нимъ наряду по мыслямъ, здоровой философіи и глубокому знанію человѣческаго сердца.

V.

Въ Декабрѣ испекшаго года послупило въ благошворную сумму 25 руб., высыпанные изъ находящейся въ Общеспвѣ *кружки для бѣдныхъ*.

VI,

Выдано изъ суммы по Благошворенію.

Пансіонерамъ Общества:

За Май, Іюня, Іюля, Августѣ, Сентябрѣ, Октябрѣ, Ноябрьѣ и Декабрѣ.

Г-жѣ Власовой - - - - 200 р.

За Сентябрѣ, Октябрѣ, Ноябрьѣ и Декабрѣ.

Г-ну Ф . . . . ву - - - - 100 р.

За Ноябрьѣ и Декабрѣ.

Г-жѣ Ненашевой - - - - 30 р.

Г-ну Новоселову - - - - 50 р.

Г-ну Захарову - - - - 30 р.

За Декабре.

Г. Ск. . . . му	-	-	-	-	25 р.
Г. Аникину -	-	-	-	-	25 р.
Г. Ад. . . . чу	-	-	-	-	15 р.
Всего - - -					475 р.

VII-

На основаніи § 23 второй части Устава, Общество представляет отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ по благошворенію за 1823 годъ.

О Т Ч Е Т Ъ.

Къ 1823 году въ остаткѣ ничего не было, ибо недоспававшіе въ 1822 году для выдачи пансіоновъ и единовременныхъ пособій 100 руб: 15 коп. заимствованы были въ печеніе того 1822 года изъ суммы по предмету *Просвѣщенія*.

Поступило въ 1823 году.

Отъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ	-	-	-	-	100 р.
— Членовъ Общества	-	-	-	-	1436 —
— Разныхъ мѣспъ и Особъ	-	-	-	-	611 —
— Незвѣснаго	-	-	-	-	10 —
Изъ находящейся въ Обществѣ кружки для бѣдныхъ	высыпано	-	-	-	23 —
И того - - -					2180 р.

Изъ сей суммы употреблено въ печеніе
1823 года.

На постоянныя благотворенія.

- 1). Внесено въ Горный Кадешскій Корпусъ за пищикомъ Общества Шарпова, на 1823 годъ - - - - 700 р.

Выдано Пенсіонерамъ Общества.

- 2). Живописцу, опсавному Прапорщику Г. Новоселову, удрученному лѣшами и обремененному семействомъ - 300 —
- 3). Бывшему училемъ въ Горномъ Кадешскомъ Корпусѣ, Коллежскому Совѣшнику Г. Ск . . . . му, лишенному зрѣнія и обремененному семействомъ 300 —
- 4). Граверу, Типулярному Совѣшнику М. Фед . . . . ву, обремененному многочисленнымъ семействомъ, состоящимъ изъ жены и осмерыхъ дѣтей - - 300 —
- 5). Вдовѣ покойнаго Дѣйсвишельнаго Члена Общества, Г-жѣ Власовой, обремененной семействомъ - - - 300 —
- 6). Бывшему училемъ въ Пажескомъ Корпусѣ, опсавному Типулярному Совѣшнику Г. Аникину, лишенному зрѣнія и обремененному семействомъ 300 —
- 7). Вдовѣ бывшаго училемъ въ Иркутской и Нижегородской Гимназіяхъ, Г-жѣ Ненашевой - - - 180 —

- 8). Вышнему учителю въ школѣ при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ фарфоровомъ
Заводѣ, Г. Захарову, удрученному лѣ-
шами - - - - - 180 р.
- 9). Опсавному чиновнику Г. А. . . чу,
занимающемуся переводами полез-
ныхъ книгъ, удрученному бѣдностію 180 —
-
- Итого - - 2740 р.

На временныя благотворенія.

- 10). Вдовѣ Г-жѣ Власовой, по назначе-
нію благошворитель - - - - 140 р.
- 11). Чиновнику Г. Вац . . . нѣ, обремененному семействомъ и удрученному бѣдностію - - - - - 100 —
- 12). Художнику П . . . ну - - - - 200 —
- 13). Опсавному чиновнику К. Бр . . . ру,
удрученному болѣзненною старостію
и обремененному семействомъ - - 100 —
- 14). Одному изъ Членовъ Общества, обремененному многочисленнымъ семействомъ - - - - - 100 —
- 15). Чиновнику Л . . . ву, - - - - 15 —
-
- Итого - - 655 р.

Всего - - - 3.395 р.

За шѣмъ заимствовано изъ суммы по предмету *Провѣщанія* въ теченіе 1823 года 1815 р.

VIII.

Во исполненіе § 22 вшорой часпн Успа-
ва Общество долгомъ считаешъ извѣспншъ
почтенныхъ чпшателей Соревнователя о пе-
ешупившихъ вновь суммахъ на благошвореніе
въ 1824 году:

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА Е-
ЛИСАВЕТА АЛЕКСѢВНА пожало-
вашь удостоила Обществу - - 300 р.

Поступило отъ Гг. Почетныхъ Членовъ.

Ихъ Высокопревосходительствъ:

Николая Семеновича Мордвинова - - 200 р.
Михайла Михайловича Сперанскаго - - 50 —

Ихъ Превосходительствъ:

Николая Михайловича Лонгинова - - 60 —
Викеншія Ивановича Голынскаго - - 200 —
Анпона Анпоновича Прокоповича-Ан-
шовскаго - - - - - 40 —

Отъ Г. Дѣйствительнаго Члена.

Его Сіашельства Графа Дмитрія Ива-
новича Хвостова - - - - 400 —

Отъ Члена Корреспондента.

Т. И. Селиванова - - - - 5 —
Опъ неизвѣспнаго - - - - 20 —

Всего - - 1,275 р.

О ВЪ И З Д А Н І И
ЖУРНАЛА ИМПЕРАТОРСКАГО ЧЕЛОВѢ-
КОЛЮБИВАГО ОБЩЕСТВА.

Вѣдомства Совѣща ИМПЕРАТОРСКАГО
Человѣколюбиваго Общества Комиссѣя по
ученой части съ 1817 года занимается безо-
спановочно изданіемъ журнала, подъ названі-
емъ: Журналь ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣко-
любиваго Общества.

Изданіе сіе, принятое уже, по благошвор-
ной и общеполезной цѣли своей, благосклонно
публикою, будетъ продолжаемо и въ наслущи-
вшемъ 1824 году.

Цѣль онаго состоитъ въ томъ, чпобы,
сообщая, какъ опечесивенной, такъ и ино-
спранной публикѣ, историческія свѣдѣнія о
всѣхъ вообще издавна существующихъ и въ
новѣйшее время открываемыхъ и усовершен-
ныхъ разнаго рода благошворительныхъ за-
веденіяхъ, показавъ такимъ образомъ приемле-
мыя правительствомъ въ семъ отношеніи

дѣяшьяныя мѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранишь оныя забвенія подвиги прежнихъ и современныхъ благошворителей.

А пошому планъ журнала предполагается нижеслѣдующій:

І. Нравственныя и литературныя предметы Благотворительности.

Въ семь отдѣленій будутъ помѣщаемы:
 а, Жизнеописанія благошворителей человѣчества. б, Душеполезныя наставленія, почерпнутыя изъ разныхъ христіанскихъ писателей. с, Разсужденія, имѣющія благошворную цѣль и клонящіяся къ искорененію въ народѣ предразсудковъ, вредныхъ для здоровья и нравственности. д, Извѣстія о древнихъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ по части благошворенія, извлеченія изъ оныхъ, разборъ и сужденія. е, Описанія человѣколюбивыхъ заведеній какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ государствахъ всѣхъ частей свѣта, существующихъ и впредь открывающихся имѣющихъ, о чемъ Комитетъ получаетъ свѣдѣнія оныя своихъ корреспондентовъ. ф, Объявленія о новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ къ пользѣ и благоденствію человѣчества предприемлемыхъ. г, Наконецъ стихотворенія, предмету изданія соотвѣтствующія.

II. Врагбная гастъ:

Отдѣленіе сіе будещъ имѣть предметомъ:
 а, Мѣры къ сохраненію жизни человѣческой и здоровья вообще, и въ особенности въ благопшворительныхъ заведеніяхъ, изыскиваемыя.
 б, Средства прудупреждашь болѣзни и врачевашъ оныя простыми и для всѣхъ удобными способами.
 с, Діагностическія наспавленія, касательно физическаго воспитанія дѣшей.
 д, Наспавленія возвращашъ жизнь мнимо-умершимъ, какъ шо: упоишимъ, замерзшимъ, въ обморокъ находящимся и проч.
 е, Описанія учрежденныхъ для сего заведеній и новоизобрѣшенныхъ снарядовъ.

Содѣйствіе по сей часпи Гг. Членовъ Медикофилантропическаго Комитета и другихъ Медицинскихъ корреспонденшовъ, доставишь занимательныя и существенно полезныя спашы.

III. Разныя офиціальныя извѣстія.

Въ семъ отдѣленіи будущъ помѣщаемы:
 а, Уставы подвѣдомственныхъ Совѣшу ИМПЕРАТОСКАГО Человѣколюбиваго Общешва Комитешповъ и заведеній и другія постановленія по часпи благопшворительности.
 б, Отчеты упомянутыхъ учреждений о суммахъ и дѣйствіяхъ оныхъ.
 с, Увѣдомленія о благопшворительныхъ приношеніяхъ въ вѣдѣніе Об-

щесства поступающихъ, о которыхъ, по у-
спановленію, доводимо будетъ до Высочайша-
го свѣдѣнія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, АВ-
ГУСТЪЙШАГО покровителя сего Общесства.
d; Извѣщенія о семействахъ и лицахъ, впад-
шихъ по разнымъ несчастнымъ приключені-
ямъ въ крайнее бѣдствіе и, кромѣ доставлен-
наго имъ опъ Общесства самонужнѣйшаго
вспоможенія, заслуживающихъ чрезвычайной
помощи.

Доброхотныя пожертвованія въ подкрѣ-
пленіе дѣйствій ИМПЕРАТОРСКАГО Чело-
вѣколюбиваго Общесства и на вспоможеніе
пѣмъ бѣднымъ, о коихъ объявился въ журна-
лѣ, могутъ бытъ адресованы на имя Совѣща
сего Общесства, или Г. Главнаго попечителя
оного Его Сіятельства Князя Александра Ни-
колаевича Голицына, и будутъ приняты съ
досподолжною признашельностію. Во всякомъ
случаѣ законная воля благотворителей имѣ-
етъ бытъ свято исполняема. Пособія, оказы-
ваемыя Общесствомъ всякаго возраста и зва-
нія обоего пола несчастнымъ, въ положеніи
коихъ оно удостовѣрено, успроенныя заведе-
нія для воспитанія сиротъ, для призрѣнія
вдовъ, престарѣлыхъ и вообще убогихъ, боль-
ныхъ и собсвенно неизлѣчимыхъ, суть вѣр-
ныя свидѣтельсства шого поснорянсства и рев-

ности, съ коими Общество имѣешь священною обязанностію своею исполнять Высочайше предоставленное ему дѣло Христіанскаго милосердія. И пошому каждый соболѣзнующій о бѣдспвующихъ братель и сестрѣ, и желающій что либо удѣлишь имъ изъ достоянія своего, хотя бы то была одна изъ оныхъ лептъ Евангельской притчи, найдетъ всегда въ семъ сословіи надежнаго посредника между нимъ и спраждающимъ его ближнимъ.

Комитетъ приглашаетъ какъ Гг. Членовъ своихъ корреспондентовъ; такъ врачей и начальствующихъ надъ благошворительными заведеніями и всѣхъ просвѣщенныхъ друзей человѣчества, участвовавшъ въ его трудахъ доставленіемъ своихъ сочиненій и переводовъ. За всѣ таковыя спашья Комитетъ останется благодарнымъ и, по мѣрѣ соотвѣстствія предположенной цѣли, помѣститъ оныя въ своемъ изданіи.

Каждый мѣсяць будетъ выходить одна книжка, при таковыя книжки сославяшъ часпъ.

Цѣна сему Журналу за годовое изданіе здѣсь въ Санктпетербургѣ 25 руб., а съ доставленіемъ онаго во всѣ мѣста Россіи 30 руб.; за полугодное же какъ здѣсь, такъ и съ доставленіемъ во всѣ Россійскіе города 15. руб. Но какъ доходъ ошъ Журнала назначается въ

пользу бѣдныхъ, по благотворительнымъ особамъ предоспавляешся вносить и болѣе означенной суммы.

Подписка здѣсь въ Санктпетербургѣ принимается въ помянутомъ Комитетѣ, соспоющемъ въ домѣ вѣдомства Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества на Липейной; также у книгопродавцевъ Сень Флорана, Сленина, Свѣшникова и Глазунова. Иногородныя особы благоволятъ ошноситься съ требованіями прямо въ помянутый Комитетъ, который, предполагая разсылать Журналь отъ себя, а не чрезъ Газетную экспедицію, какъ сіе донынѣ производилось, надѣется, что оный доспавляется будетъ съ совершеннѣйшею точностію.

Въ томъ же Комитетѣ можно получать журналъ сей за прошлые годы, начиная съ 1818, за означенную цѣну.

Комитетъ надѣется, что трудъ его заслужитъ новое одобреніе и принесетъ равномерную пользу какъ частнымъ лицамъ, такъ и общественымъ благотворительнымъ заведеніямъ. Опцы семействъ, попечительныя помѣщики, начальники богоугодныхъ заведений и всякъ, имѣющій склонное къ благошворенію сердце, найдутъ въ журналѣ семь изложеніе дѣяній милосердія въ ошечествѣ на-

шемъ и другихъ частяхъ свѣта, и увидишь легко, что Святой Промыслъ не преслабъ послать помощь спраждущимъ чрезъ посредства и орудія тайныя и явныя. Лица, коимъ ввѣрено попеченіе о богоугодныхъ заведеніяхъ, почерпнутъ въ журналъ семь правилъ добраго управленія и способы къ отвращенію или исправленію недоспашковъ, коимъ нерѣдко бывають подвержены лучшія учрежденія найдуть средства къ улучшенію оныхъ и воспользуются общею опытностію, надежнѣйшею руководительницею въ дѣлѣ, имѣющемъ дѣлю благо человѣчества.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О КНИГѢ.

Славный Пюзійскій Пракшикъ І. Тоунсендъ, пользовавшисъ наставленіями почтеннаго Профессора въ Единбургскомъ университетѣ Лейбъ-Медика и разныхъ учебныхъ Обществъ Члена В. Куллена, къ опмѣнной пользѣ прудящихся во врачебной наукѣ, издалъ въ свѣтъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Краткое руководство къ познанію Носологии и Терапіи*, придерживаясь во всей точности системы сего ученаго мужа. Содержаніе книги сей слѣдующее: 1) Предисловіе. 2) Раздѣленіе болѣзней по системѣ знаменитаго Куллена на классы, разряды, роды и виды съ изложениемъ характериспическихъ знаковъ оныхъ. 3) Общее показаніе и изьясненіе терминологіи болѣзней алфавишнымъ порядкомъ. 4) Врачебныя средства, раздѣленныя на классы и разряды съ означеніемъ обыкновенныхъ приемовъ оныхъ. 5) Употребительнѣйшія и пользою испытанныя врачебныя предписанія (рецепізы) по свойствамъ и дѣйствію оныхъ, также раздѣленныя на классы. 6) Объ употребленіи цѣ-

лѣбныхъ гасовъ. 7) Изъясненіе сокращенныхъ медицинскихъ знаковъ и терминологіи лѣкарственныхъ веществъ по алфавитному порядку. 8) Общая Носологическая таблица. 9) Старыя и новыя названія лѣкарствъ. Въ Типографіи С. Пешербургскаго Воспитательнаго Дома продается по два руб. пятьдесятъ коп. за экземпляръ; съ пересылкою по три р.

ЛЕКЦІИ

Физико-Химическаго Курса Г.
Академика Шерера.

(Продолженіе).

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ.

9. О явленіяхъ Электричества въ осе-
бенности.

~~~~~

1. Мы имѣемъ способы къ узнаванію при-
сутствія Э. въ тѣлахъ, опредѣляя припомъ
и родъ его. Орудія, для того служащія, называ-
ются вообще *Электрометрами*, коихъ глав-
ныя частн соспоютъ изъ легчайшихъ ве-
ществъ, удобно покаряющихся дѣйствию Э.
Главнѣйшія изъ такихъ орудій суть: а) *Элек-
трометръ Канта*новъ, составленный изъ двухъ
повѣшенныхъ на тонкихъ ниткахъ бузин-
ныхъ шариковъ*; б) *Электрометръ Генлей*
(Henley), состоящій изъ раздѣленнаго на гра-
дусы полукружія, на коемъ движется въ видѣ

спрѣлки бузиной пружикъ на концѣ съ шарикомъ *: с) Электрометръ *Беннета*, составленный изъ листковъ сусальнаго золота *; сей послѣдній есть наиболѣе чувствительнѣйшій.

2. Явленія, усматриваемыя при Электрометрахъ, зависятъ отъ притягиванія разноименныхъ и отталкиванія одноименныхъ Э., что ясно подтверждается разными и занимательными и вмѣстѣ забавными опытами*, напр. шарообразное разширеніе волосяной кишки, сфероидальное распространеніе связанныхъ нитокъ, необыкновенно быстрое печеніе воды изъ сосуда сквозь малѣйшее отверстіе, круговращеніе металлическихъ стрѣлокъ положенныхъ на шпигцы, самодвиженіе легкихъ шѣлъ по наклоненной плоскости, обращеніе легкаго зубчатаго колеса, Электрической звонъ и ш. п.

3. Главное орудіе для удобнѣйшаго возбужденія Э. составляетъ такъ называемая *Электрическая машина*, которой первоначальное изобрѣшеніе сдѣлано въ 1672 году Г-мъ Ошпифонъ Герике въ Магдебургѣ. Онъ употреблялъ для того *стрной шаръ*, подвергаемый пренію. Потомъ старались улучшить сіе изобрѣшеніе, совокупля многія *стекл. трубы*, такъ же напираемыя; далѣе Г. *Гаузенъ* употреблялъ къ тому *стекл. шары*; потомъ начали употреблять (*Вильсонъ*) *стекл. цилиндры* въ

опивѣсномъ и горизонтальномъ положеніяхъ. Наконецъ послѣ всѣхъ неудобствъ изобрѣшенны обыкновенныя Электр. машины съ *стекл. кругами* въ 1760 году (въ Швейцаріи) Г-мъ *Планта*; таковыя машины уже сколь возможно усовершенствованы въ Англіи. Нынѣ Г. Профессоръ *Вольфрамъ* предложилъ для устройства Электр. машинъ *стекл. колокола*, Мы по сіе время имѣемъ во всеобщемъ употребленіи обыкновенныя Электр. машины слѣдующаго устройства (Construction): главныя части сей машины составляютъ:

а) Набираемое шѣло, принадлежащее къ худымъ проводникамъ Э. Оно есть *кружбъ стекляннвій*.

б) Трущее шѣло, или шѣрка, состоящая изъ двухъ кожаныхъ *подушекъ*, покрытыхъ особенною *амалегамію* (1), которая умножаетъ преніе.

с) *Кондукторъ*, или опводъ, состоящій изъ пуспаго мепаллическаго цилиндра, коего діаметръ и длина увеличивають поверхность, слѣдовательно и распространеніе Э.

Въ Россіи усовершенствованіемъ Э. машинъ въ особеннсти занимался Г. *Ковалескій*. Самая же большая изъ подобныхъ машинъ на-

(1) Смѣшеніе ртути съ цинкомъ и оловомъ по совѣту Климейера (Klimeyer).

ходится въ *Гарлемъ* (въ Тейлерскомъ музеѣ). Она соспоятъ изъ двухъ стекл. круговъ, изъ коихъ каждый въ діаметрѣ 65 дюйм. Кондукторъ имѣетъ $25\frac{1}{2}$ квадр. футовъ поверхности; подушекъ находится 8. Искръ опъ сей машины въ каждую минушу получается до 300 разъ, и всякая изъ нихъ длиною 24 дюйма, а полщиною въ обыкновенное гусиное перо. Дѣйствіе и сила такой огромной Э. машины чрезвычайны.

4. Прежде, нежели приступимъ къ исполванію дѣйствія Э. машины, должно предварительно замѣнить такъ называемую *Электрическую атмосферу*, разпространяющуюся опъ всякаго наэлектризованнаго шѣла*. Явленіе сіе мы изъяснить можемъ не иначе, какъ посредствомъ упомянутаго выше *разобщенія* (Distribution), которое служить главнѣйшимъ основаніемъ весьма важныхъ дѣйствій природы. И такъ, принявъ сіе разобщеніе, мы видимъ, что въ положительно электризованномъ шѣлѣ дѣйствуетъ \dagger Е такъ, что оказываетъ оппоргательную силу свою на естественное \dagger Е воздуха, а притягательную на естественное — Е онаго. Оно дѣйствуетъ на послѣднее, не соединяясь съ онымъ, чему препятствуетъ воздухъ (сухой), какъ непроводникъ Э., то есть: оно ослабляетъ только притяженіе — Е воздуха къ \dagger Е, опъ чего сіе послѣд-

нее дѣлается свободнымъ. Естественное $\pm E$ воздуха, сдѣлавшееся уже примѣтнымъ, дѣйствуетъ далѣе, по еспь: оказываетъ силу опталкиванія въ своихъ собспвенныхъ частицахъ, а припяженіе на $-E$ другихъ шѣль. Когда же шѣло наэлектризовано отрицатель-но, по дѣйствіе производить на оборотъ. Слѣдовательно Электрическая атмосфера есть ничто иное, какъ освобожденное (черезъ разоб-щеніе) $\pm E$, или $-E$ воздуха, о кружающаго наэлектризованное шѣло.

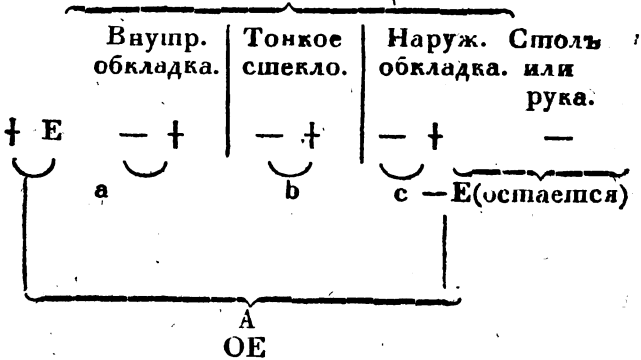
Равнымъ образомъ, основываясь на ра-зобщеніи, мы удобно изъяснить можемъ всѣ прочія дѣйствія Э, напр. обыкновенной Электр. машины, гдѣ во время шренія (подушкѣ со стекломъ) разлагаются еспественное Э. какъ въ стеклѣ, такъ и въ подушкѣ, или шеркѣ, при чемъ $\pm E$ отдѣльно скопляется на сте-клѣ, а $-E$ на подушкѣ, которое шотчасъ насыщается $\pm E$ изъ земли (Reservoir E), со-общаемой съ изолированной машиною посред-ствомъ мешаллической цѣпочки, отъ чего производить въ шеркѣ о E, которое снова при шренія разлагается, и шакимъ образомъ стекл. кругъ машины всегда избыточесиву-етъ $\pm E$, а сіе, будучи защищено шафипою (на кругъ) и, всасываясь оспроконечіями кон-дукшора, разпроспраняется по оному.

5. Для скопленія усиленаго Э. служишь

особенный приборъ (apparate), называемый несправедливо *Лейденскою банкою*; бо первоначальное изобрѣненіе онаго сдѣлано было Каноникомъ *Клейстолъ* (Kleist) въ Помераніи 1745 года, а потому приборъ сей названъ должно *Клейстовою банкою*. Клейспъ употребляетъ для того просіяную склянку съ водою, куда сквозь обыкновенную пробку проходитъ желѣзной гвоздь *. Приборъ сей потомъ усовершенствованъ физиками и состоитъ нынѣ изъ широко-горлой стекляннѣй банки, снаружи и внутри обложенной листовымъ оловомъ (Stanniol) и сверху имѣющей деревянную крышку съ мешаллич. цѣпочкою и шакимъ же спержнемъ, оканчивающимся вверху шарикомъ. Заряженіе сей банки дѣлается посредствомъ Э. машины, а разряженіе особымъ изолированнымъ инструментомъ, которой именуется *разрядникомъ* *. Здѣсь, кромѣ большой искры или огня, чувствуется и ударъ, или потрясеніе напр. въ тѣлѣ нашемъ *, что даже на значительное разстояніе провести можно. Э. скопляется въ Клейстовой банкѣ не въ мешаллическихъ оболочкахъ ея, а въ стеклѣ *. Изъясненіе теоріи дѣйствія сей банки шакже основывается на разобщеніи.

Отводъ
машины

Клейстова
банка

A есть проводникъ, или разрядникъ. Здѣсь обѣ обкладки всегда заряжаются вмѣстѣ и при томъ бывають въ противномъ Электр. состояніи. Внутренняя обкладка можетъ принять только такое количество $+ E$, какаго количества Э. лишается наружная обкладка, которое $(+ E)$ переходитъ въ споль, гдѣ находишья банка, или въ руку, ее держащую; по сей причинѣ она не должна быть изолирована *. И такъ — E будетъ въ такой же степени въ наружной обкладкѣ, въ какой внутренняя получаешь $+ E$ изъ отвода машины. Оба Э., прилягиваясь взаимно чрезъ тонкой непроводникъ (стекло), связываютъ другъ друга; разряженіе банки есть ничто иное, какъ внезапное возстановленіе равновѣсія и весьма скорое соединеніе обихъ

противныхъ Э., что происходитъ посредствомъ проводника, соединяющаго обѣ обкладки. Если проводникъ сей будетъ человекъ, то онъ чувствуетъ сопряженіе въ сосудахъ своего шѣла.

На семь основаны разныя забавы, прѣбующія также объясненія на пр. * Электрической напикокъ въ стаканѣ, опкупориваніе бушылки (заряженной), кружка для собирапія денегъ, Электрическая коробка для путешественника и проч.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТАЯ.

6. Въмѣсто обыкновенныхъ Клейсовыхыхъ банокъ употребляя можно по способу Франклина такъ называемыя *Усиливающія плитки*, кои состояющія изъ оконныхъ стеколъ смоляныхъ, или сургучныхъ плитокъ и проч., съ обѣихъ сторонъ покрытыхъ листовымъ оловомъ и п. п. * Чѣмъ менѣе шѣло проводитъ Э., шѣмъ оно должно бытъ тонѣе, и слѣдовательно шѣмъ пригоднѣе для сего опыта.

7. Дабы произвести наибольшее дѣйствіе усиленнаго Э., то нѣсколько Клейсовыхыхъ банокъ ставяшся одна подлѣ другой на мешалѣ

въ ящичкѣ, такъ что наружныя ихъ обкладки находятся въ проводящемъ соединеніи, а шароки ихъ соединяются также вмѣстѣ посредствомъ проволоки. Такое соединеніе многихъ Клейштовыхъ банокъ называется *Электрическою батареею* *, заряденіе и разряденіе коей совершаются такимъ же образомъ, какъ при банкахъ, только надлежитъ употреблять при семъ большую осторожность.

Достопримѣчательныя опыты, производимыя Элекирическою батареею, суть: а) небольшія худо-проводящія шѣла, какъ на пр. стекло, разбиваются на мѣлкія части *. б) Усиленная искра батареи пробиваетъ нѣсколько вмѣстѣ сложенныхъ каршъ, или толстую каршузную бумагу и лица *. в) Хлопчатая бумага, осыпанная плауннымъ сѣменемъ и привязанная къ шароку разрядника, загараешся при разряденіи *. д) Подобнымъ образомъ зажечь можно фосфоръ даже слабымъ Э. * е) Мешаллы въ тонкихъ листкахъ, или въ проволокахъ накаливаются, плавятся и окисляются (oxyder).

8. Для продолжительнаго сохраненія возбужденнаго въ шѣлахъ Э. служатъ особенныя приборы, именуемые *Электрофорами*, кои изобрѣшены Г. Волтою въ 1773 году. Существенныя части Электрофора суть тонкое не проводящее шѣло на пр. смола, и два прово-

дѣющихъ шѣла, соединяющихъ первое, какъ *шарелка* и *тарелка*, изъ коихъ первая дѣлается изъ тонкаго желѣзнаго листа, или изъ желтой мѣди, или изъ дерева и карпузной бумаги, оклеенныхъ листовымъ оловомъ, или золоченою бумагою; а вторая состоитъ изъ плоскаго оловяннаго, мѣднаго, или деревяннаго кружка, обложеннаго подобно формѣ. Кружокъ сей посредствомъ шелковыхъ снурковъ, или стеклянной рукоятки можно поднимать и опускать. При употребленіи Электрофора служитъ для напирания смолы пенная фланель, или еще лучше кошечья шкура, лисій хвостъ и ш. п. *. Отъ величины самаго Электрофора и отъ снѣпени его напирания (набиванія) зависитъ его большее, или меньшее дѣйствіе. Огромный Электрофоръ Г. *Лихтенберга* имѣлъ 7 фузовъ въ діаметрѣ, а шарелка 6 фузовъ. Всѣ явленія Электрофора объясняются разобщеніемъ: здѣсь примѣчаются разные случаи Э. Когда мы напредъ смолу, положимъ на нее шарелку, которую поднимаемъ попомъ вверхъ, причемъ если не прикасаемся къ шарелкѣ, лежащей на смолѣ; если прикасаемся къ одной только шарелкѣ, и наконецъ если прикасаемся къ основанію Электрофора и къ шарелкѣ *. И такъ здѣсь происходитъ одно только разобщеніе, ибо смола Электрофора

ничего въ семь случаевъ не перяеть, изъ сего также ясно видно, что шарелка (поднятая) занимаетъ мѣсто опвода, такъ что посредствомъ оной зарядить можно клейстову банку, если поставишь ее на смолу онаго и взявши за верхній шарикъ банки, водишь по смолѣ наружною обкладкою: то усиливается — Е въ смолѣ, когда же хопимъ усилишь въ Электрофорѣ \dagger Е, тогда надлежитъ водишь по смолѣ шарикомъ банки *. Это есть способъ, показанный Г. *Лихтенбергомъ* для самоусиленія Электрофора.

9. На дѣйствии Электрической атмосферы основывается теорія нѣкоторыхъ орудій, кои служатъ частію къ собиранію весьма малыхъ сипепей Э. и содѣланію ихъ способными дѣйствовать на Электрометръ, частію же посредствомъ многократнаго удвоенія усилишь ихъ до того, что бы онѣ могли произвешти разхожденіе въ нитяхъ Электрометра, или даже издавашъ искры. Къ первому роду принадлежатъ: 1) *Вольтовъ Конденсаторъ*, имющій великое сходство съ Электрофоромъ \dagger . По *Лихтенбергу* для сего употребить можно обыкновенной Электрофоръ, поставивъ шарелку онаго на три маленькія кусочка сипекла, такъ чтобы она не могла прикасаться къ самому Электрофу *, и такой Конденсаторъ есть наилучшій; 2) *Кавалловъ*

Коллекторъ, совершенно сходствующій съ предыдущимъ Конденсаторомъ Г. Лихтенберга *, и отличный только тѣмъ, что сползъ вертикально, имѣя двойной слой воздуха. Ко второму роду принадлежатъ: 1) *Кавалловъ Мультипликаторъ* и 2) *Беннетовъ Дубликаторъ*. Вообще посредствомъ сихъ орудій открываея присушество Э. при различномъ состояніи тѣлъ, при которомъ его прежде не усматривали и гдѣ никакого шренія предполагать не можно. Почти всѣ тѣла, кромѣ угля мешалловъ, оказываютъ Э., когда придушь съ ними орудіями въ соприкосновеніе: а пошому и справедливо называютъ таковыя орудія *Микро-Электрометрами*.

10. Разныя Э. посредствомъ прищягиванія измѣльченныхъ легчайшихъ тѣлъ производятъ различныя изображенія, кои называютъ *Лихтенберговыми фигурами*, ибо Лихтенбергъ первый замѣшилъ сіе явленіе, и такъ если на мешалическую тарелку, покрывшую сургучемъ, или смолою, положимъ какія либо на пр. изъ жести сдѣланныя фигуры и сообщимъ онымъ въ одномъ мѣспѣ \dagger Е, а въ другомъ — Е, и пошомъ посылдемъ оба сіи мѣспа плавающимъ сѣменемъ; то шамъ, гдѣ сообщено \dagger Е произойдетъ *лугистое*, или *древовобразное*, а гдѣ — Е *облаковидное*, или

волнистое изображеніе *. Сіе опмѣнно важное замѣчаніе довольно убѣждаетъ насъ также въ существованіи двухъ разнородныхъ Электричествъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

К Р И Т И К А.

	<i>Стран.</i>
1. Разборъ анакреонической оды: <i>Ме-</i> <i>ста</i> - - - - -	III.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

2. Кошка и Соловей. Васня - - -	128.
3. Замокъ Смальгомъ - - -	131.
4. Сомъ Гюона - - -	139.

П Р О З А.

5. О Благодарности - - -	145.
--------------------------	------

Н А У К И.

6. О Военныхъ Реляціяхъ - - -	164.
-------------------------------	------

С М Ъ С Б.

7. Лѣтописи Общества	-	-	-	191.
8. О Журналѣ Комитета И. Ч. О. по ученой части	-	-	-	199.
9. Объявленіе о книгѣ	-	-	-	216.
10. Лекціи Физико-Химическаго Курса Г. Академика Шерера	-	-	-	208.

~~~~~

ЛИТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

РАЗГОВОРЪ

О ЖЕНСКОЙ КРАСОТѢ.

Въ Афинахъ мащери семейства жили съ дочерьми своими весьма уединенно. Въ мѣстахъ публичныхъ показывались онѣ очень рѣдко, въ обществѣ мужчинъ — никогда. Въ сей столицѣ греческаго остроумія и утонченной образованности не бывало совсѣмъ тѣхъ смѣшанныхъ бесѣдъ, какія у насъ въ обычаѣ. Причиною тому вѣроятно демократическая свобода и равенство, которыми главнѣйшіе Лазарони въ Афинахъ не умѣли пользоваться ограниченно, а вмѣстѣ и своевольство

республиканскихъ нравовъ. Не мудрено, что афинскія женщины въ общественныхъ кругахъ того времени могли подвергаться такому же замѣшательству, каково было бы участью нашихъ дамъ, если бь онѣ посѣщали публичные кофейные дома, гдѣ собирается своевольная молодежь. Слѣдствиемъ такой ошлученной ошъ общесва жизни было еспественно то, что онѣ должны были оставаться безъ упонченія своихъ женскихъ качествъ, своей любезности. Въ цвѣтущее время греческаго богатства и роскоши нѣкоторыя героини преступали однако законъ сего древняго обычая, и изъ нихъ многія передали имена свои потомству, ошличась или красошю своею, любезностию и талантами, или славою своихъ почиташелей. Ихъ называли гетерами, то есть подругами, собесѣдницами, прислащивая, такъ сказать, настоящее выраженіе, подобно тому, какъ въ Римѣ любовницу иногда называютъ *amica*. Красошю, талантами и привлекательностию обращенія долженствововали онѣ помрачать все, ихъ окружающее, а рос-

кошъ ихъ пребовала издержекъ, соразмѣрныхъ богатству шолько весьма немногихъ счастливицевъ, почему ихъ не могло бытъ вдругъ много въ одномъ мѣстѣ. Таже причина и тому, что онѣ часто переселялись изъ города въ городъ. Коринѣи, Сарды, Милешъ, Аѳины наиболѣе служили имъ пристанищемъ: тамъ жили набобы, демагоги, софисты, сашрапы, или персидскіе молодые князья, копорыхъ сокровища были довольно неисшощимы для безконечныхъ причудъ ихъ распочительности. Оспроумная Аспазія, увѣчанная Фартелія (*), обѣ изъ Милеша, прелѣсная Лаиса, миловидная Фрина, мечшательница Діоптима довольно, думаю, извѣсны большей части моихъ читательницъ; но не сполько, можешъ бытъ, знакома имъ привлекательная Феодоша, копорой разговоръ съ Сократомъ о красотѣ, извлеченный изъ одной, недавно найденной, древней рукописи, осмѣливаюсь я предложить имъ въ самомъ

(*) Она была возведена на Фессалійскій престіоль.

вѣрною переложеніи. Мудрецъ аѳинскій посѣдилъ ее въ первый разъ съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ въ самое то время, когда живописецъ снималъ съ нея поршреть (*), заказанный ему однимъ изъ коринескихъ жипелей. При второмъ посѣщеніи — испорія не упоминаетъ ни объ одномъ, которе бы сдѣлаю имъ было между сими двумя — при второмъ посѣщеніи заспалъ онъ ее за туалешомъ и тогда-то начался между ними слѣдующій разговоръ.

Сократъ (входя). Извини, прекрасная *Теодота*! Я не думалъ заспать себя еще за туалешомъ въ такую пору. Твои невольницы не оспановили меня при входѣ.

Теодота. Правда, что уже немного поздно. Вчерашнюю ночь я всю прогуляла; и потому недавно еще сонъ освободилъ меня изъ оковъ своихъ. Ты вѣрно слышалъ о великолѣпномъ пирѣ, который давалъ вчера богатый *Агашонъ* друзьямъ

(*) Ксенофонсовы воспоминашя о Сократѣ. Кн. 3, гл. 6.

своимъ и кошорый былъ такъ! непростительно разспроенъ швоимъ любезнымъ повѣсой Альцибиадомъ (*). Пьяный самъ и со своей пьяной и буйной брашьей ворвался онъ въ споловую, опрокинулъ всѣ шшолы и перебилъ стоявщіе на нихъ драгоценнѣйшіе сосуды, бакалы и вазы. Прошло довольно времени, пока все опять привели въ порядокъ и сѣтали продолжать пиръ, потому что еще не пито было самыхъ лучшихъ заздравій, и любимѣйшія школи, пеаны и круговыя пѣсни ославались непѣшыми. Вошь, почему и шы заспалъ меня шеперь въ шшомъ безпорядкѣ!

Сократъ. Такъ я уйду.

Феодота. Нѣшь — клянусь великою Аѣиною — эшаго я не позволю. Ты, добрый шшаричекъ, можешь заспавашъ меня за шуалешомъ и послѣ проведенной въ пиршешствѣ ночи. Другое дѣло молодые люди. . . .

Сократъ. Эшо значишь, что шы считаешь себя обязанною являться имъ въ

(*) Плущархъ въ жизнеописаніи Альцибиада.

накомъ только видѣ, какъ рисуешь тебѣ живописецъ, а я и за то благодарить долженъ, когда ты примешь меня за шуалешомъ.

Теодота. Безъ шутокъ и безъ комплиментовъ, Сократъ! Ты пришелъ очень кстати. Я давно желала воспользоваться при своемъ шуалешѣ твоими совѣтами.

Сократъ. Посмотри на меня хорошенько, и ты вѣрно не будешь болѣе желать того.

Теодота. Напрошивъ. Самые искусные башмашники, какъ сказываютъ, носятъ обыкновенно самые дурные башмаки. Ты безпрестанно въ кругу красивѣйшихъ юношей, всегда съ ними обращаешься — ты долженъ быть большой знатокъ на счетъ красоты.

Сократъ. Это ни мало изъ того не слѣдуетъ. Иначе прекрасная Теодота, которую все только прекрасное окружаетъ, должна быть еще болѣе въ томъ свѣдуща.

Теодота. Такъ ты не хочешь мнѣ совѣтовать?

Сократъ. Для чего не хочешь? Сожешь благонамѣренный есть единственная приманка, кошорю обыкновенно я привлекаю къ себѣ друзей, одно изъ величайшихъ благъ земныхъ. Но я подаю сожшы только мужчинамъ; опъ швоего же полу я привыкъ самъ научаться. И своему искусству нянчить нравственно выучился я опъ своей мащери. Всего же меньше могу тебѣ сожшовать на счетъ швоей красомы.

Теодота. Какъ, Сократъ? Будто бы ты не знаешь въ красомѣ? Развѣ не ты сдѣлалъ прелестныхъ Грацій, кошорыхъ нашли споль превсходными, что поставили даже на спѣны вашего Акрополиса.

Сократъ. Можно ли назвашь то сдѣланнымъ, Теодота, къ чему невидимый демонъ настраивалъ руку. Я водилъ рѣзцомъ, но до сихъ поръ не понимаю, какъ сдѣлались эти Граціи шѣмъ, что онѣ есть.

Теодота. Нѣшь — ты никогда меня не увѣришь, чтобы самъ не зналъ, въ чемъ состояло швое дѣло при отработкѣ швоего прекраснаго произведенія. Только

эпо скажи мнѣ, любезный Сократъ, а шамъ я ужь сама доберусь, въ чемъ бы долженъ былъ заключаться совѣтъ швой.

Сократъ. Если тебѣ этого довольно, шо я готовъ служишь. Ты можешь сама принаровишь изъ шного, что покажется тебѣ годнымъ къ возвеличенію швоей красоты.

Феодота. И такъ?

Сократъ. И такъ я взялъ свой рѣзецъ и молошокъ, снать прошивъ своего мраморнаго чурбана и началъ смѣло его обкалѣчивашъ. Чѣмъ больше валилось кусковъ изъ-подъ рѣзца моего, тѣмъ больше выказывались мои Граціи, пока наконецъ ничего не оставалось мнѣ дѣлать, какъ сгладить неровности. Не уже ли ты думаешь, прекрасная Феодота, что я могъ бы выдѣлать Грацію изъ мрамора, если бы ея въ немъ не было? Нѣтъ — мое дѣло состояло въ томъ только, чтобы очистить ее отъ коры, кошорою была она покрыта.

Феодота. Ты хочешь сказать, что красота состоитъ только въ очищеніи?

Сократъ. Да: въ очищеніи опть всего того, что ее покрываетъ, что препятствуетъ ей показаться во всемъ ея блескъ.

Теодота. И больше ни въ чемъ?

Сократъ. Развѣ эшаго мало? Не думаешь ли ты, что шуалепное искусство можеть изъ отвращительнаго лица сдѣлать прекрасное? Въ шакомъ случаѣ нельзя довольно надивисься шворческому искусству вашихъ невольницъ. Но ты, прекрасная Теодота, не имѣешь въ немъ нужды; тебѣ надобно только спереть пыль, иней, навѣянный дуновеніемъ воздуха на прелестное лице швое, и оно явшися во всей красотѣ, какою озарялась Венера-Анадіомена, когда она вышла изъ моря.

Теодота. Такъ, по швоему, очищая красоту, всего лучше будеть ее выказывать: и нашъ Иллисъ, наша Каллирое могли бы снабдишь насъ самыми лучшими косметическими средствами?

Сократъ. Я такъ думаю, Теодота!

Теодота. И въ опрятности состоишь, по швоему, первый и единствен-

ный уборъ? — *Первый* — въ эпомъ я съ тобою согласна, но чпобъ и *единственный*! Я вижу, добрый сшаричекъ, ты не знаешь всѣхъ тонкосшей шуалешнаго искусства.

Сократъ. Вѣдь я тебѣ говорилъ, что въ эпомъ и во многихъ другихъ вещахъ, копорья какая нибудь плѣнишельная гешера, или мудрый софистъ, перечшешъ по пальцамъ, я совершенный идиопъ. Вошь, на примѣрь, я совсѣмъ не понимаю, что шакое въ баночкахъ, копорья тебѣ подающъ шеперь швой невольницы, и какое употребленіе шы хочешъ изъ нихъ сдѣлать?

Ееодота. Это благовонныя мази, любезный Сократъ!

Сократъ. Навѣрно онъ будущъ служить не для украшенія.

Ееодота. Для чего же иначе, сшарый другъ мой?

Сократъ. Ты хочешъ, спало, подкупить глаза носомъ, шончайшее чувствво грубѣйшимъ, эфирное совершенно шѣлеснымъ. Развѣ глазъ швой будешъ бли-

спашь живѣйшимъ огнемъ, уста развѣ
будуть улыбаются сладостнѣе, щеки о-
кругляются съ большею, плѣнительнѣй-
шею соразмѣрностію, если ты будешь
плавать въ египетскихъ благовоніяхъ?

Теодота. Совсѣмъ не то, добрый Со-
кратъ! Надобно только, чѣмъ эти при-
ятныя впечатлѣнія приготовили глазъ
къ тому очарованію, какое должны про-
извести на него наши прелести.

Сократъ. Въ такомъ случаѣ, можешь
быть, лучше, если бъ вовсе никакого за-
паху не было. Но ежели ты уже ни-
какъ не хочешь обойтись безъ благово-
ній, то за чѣмъ выбираешь именно та-
кіе, сильно дѣйствующіе на чувства, ду-
хи, копорые искусство извлекаешь изъ
драгоценныхъ произрашеній знойной Аф-
рики? За чѣмъ не пользуешься ты ими
лучше изъ нашей обильной цвѣтами Ап-
тики? Букетъ фіалокъ на швоей прелест-
ной груди и цвѣточная діадема въ золо-
тыхъ волосахъ твоихъ нравились бы и
глазамъ въ тоже время. Украшалъ ли ког-
да нибудь нашъ Фидій богинь своихъ ду-

шисшими мазями? Но мы украшаемъ ихъ
вѣнками изъ цвѣтвъ.

Теодота. Ты говоришь мнѣ о такой
красотѣ, копорюю, можешь бышь, прель-
щаеть какая нибудь паспушка на злч-
ныхъ равнинахъ Аркадіи своего невинна-
го паспушка, или копорюю молодья жри-
цы въ священныхъ дельфійскихъ рощахъ
привлекають къ себѣ неопытныхъ ме-
чшашелей своего предрѣкашеля-бога; но
прельсшишь какаго нибудь коринеска-
го купца, аѣинскаго демагага абдерит-
скаго или сицилійскаго софисша, сар-
дійскаго князя!

Сократъ. Правда швоя, объ эпомъ я
не подумаль.

Теодота. И такъ?

Сократъ. Больше я ничего не знаю;
совѣшь мой кончень.

Теодота. Но шы подаваль совѣшны
счасшливой Діюшимъ; она вѣрно у шебя
училась: я никакъ не повѣрю, чшобъ ея
благосклонносшь къ Сократу, ея съ нимъ
искренносшь была совершенно беско-
рышною.

Сократъ. Совсѣмъ на оборотъ, *Теодота!* Я учусь у нея. Ужь я сказала, что опъ подобныхъ тебѣ я могу шолько самъ поучаться.

Теодота. Чему жъ ты опъ нея научился? Конечно и я могу воспользоваться эшимъ. Не скрывай опъ меня, добрый *Сократъ мой!*

Сократъ. Эшо тайны, самыя сокровенныя, превышающія чловѣчество тайны.

Теодота. Ты возбуждаешь шолько любопытство мое, *Сократъ!* Именно пошому, что тайна, я хочу знашь, я должна знашь эшо.

Сократъ. Но какъ я сдѣлаю эшо понятнымъ тебѣ, любезная *Теодота?* Я самъ едва понялъ.

Теодота. Эшо пустыя увершки. Я непременно хочу слышать опъ тебя тайны швоей *Діошима.* Понимаешь — будешь мое дѣло.

Сократъ. Ты хочешь — да будешь. Не забудь однако, *Теодота,* что я буду говорить все о вещахъ сверхъестественныхъ. Мечшашельница *Діошима* живешь

въ непрерывной и самой искренней связи съ благими демонами, и слышались часто божескіе голоса, кошорые, обыкновеннымъ умамъ недоступны. Въ одну изъ такихъ счастливыхъ минутъ, когда она безъ сомнѣнія только что возвратилась изъ небесной сферы, пришелъ я къ ней однажды. При самомъ входѣ въ домъ встрѣтился мнѣ молодой другъ мой Плашонъ, кошорый выходилъ опъ нея. Ты, можешь быть, уже знаешь его, и если такъ, то знаешь конечно, какой онъ великій созерцатель невидимаго. Казалось, что Діюшима просыпалась опъ самаго сладкаго сна, когда я уже нѣсколько времени стоялъ передъ нею. Прекрасная голова ея покоилась на лилейной рукѣ; исполненные души глаза обращены были съ выраженіемъ восшорга къ небу, какъ будто бы смотрѣла она въ слѣдъ божеству, исчезающему въ воздухъ. „Я видѣла“ — начала она, когда оправилась и меня узнала — „я видѣла.“ — Что же ты видѣла, прелестная Діюшима? — спросилъ я. „Наконецъ я видѣла, Сокрапъ, истинное начало красоты, къ кошорому такъ давно

спремилось мое желаніе.“ — О несравненная, воскликнулъ я въ восхищеніи, сообщивъ тебѣ что нибудь изъ своихъ небесныхъ видѣній. „Охотно, отвѣчала она; я чувствую теперь необходимость освободить себя отъ бремени мыслей, овладѣвшихъ мною.“ — Помолчавъ немного, начала она такъ:

„Ты никогда не опарачивалъ, Со-красть, того, чтобы женщины заботились о красотѣ своей. И мнѣ, какъ ты можешь предсказать, не чужда была такая забота. Я спрашивала у самой себя, что могу я сдѣлать для сбереженія и возвышенія своей красоты. Вскорѣ замѣтила я, что обыкновеннаго туалетнаго искусства недостаточно. Одни обмыванья и приширанья, думала я, приличны только женамъ варваровъ, а ты гречанка. Ихъ дѣло — въ рабствѣ своемъ возбуждать только чувственность сластолюбивыхъ и бездушныхъ властелиновъ; ты алчешь добровольнаго поклоненія образованныхъ и музлюбивыхъ грековъ. Я спросила себя: какую власть могу я имѣть надъ своимъ шѣломъ? Почти ни-

какой. И такъ я должна была обратишь-ся къ разуму и душѣ, чтобы черезъ нихъ дѣйствовать на красоту своего состава. Его бранный, но твердый составъ прошивился всѣмъ усилямъ; воля не въ состояніи разрушить соразмѣрности, когда она есть, но и не въ состояніи создать, когда ея нѣтъ. Къ счастью составъ сей не есть мертвая машина; онъ оживляется какимъ то духомъ, который, скрываясь подъ прекрасною оболочкою, чрезъ нее сообщаетъ ему свои движенія. Что сіи движенія невидимаго согласуются совершенно съ движеніями видимаго, каждый легко замѣтитъ можешь. Кшо спыдишься, шопль краснѣешь; и когда видишь покраснѣвшаго, то думаешь, что онъ спыдился. Но есть еще другая, менѣе замѣтная гармонія между видимымъ и невидимымъ: гармонія формы, для нихъ обоихъ общая. У видимаго эша форма состоитъ въ матеріи шѣла. Образующая природа не отказала и сей части нашего состава въ дарахъ своихъ. Она снабдила матерію прекраснаго шѣла пріятностями, которые

для грубѣйшихъ чувствъ оцущишельныхъ. Онѣ-шо и соспавляютъ красоту для звѣрскихъ варваровъ; но для грековъ, въ которыхъ болѣе челоувчества, красота соспавляетъ въ иной формѣ. Та можетъ бытъ возвышена спараніемъ невольницъ, купаньемъ и пришираньемъ; эша должна произходишь изнутри. Въ прекрасной формѣ видимаго должна являться прекрасная форма невидимаго. Впрочемъ хотѣя сія форма, заключающа въ матеріи прекраснаго, однако въ нее, какъ и въ красоту душевной формы, нельзя иначе видѣть, какъ посредствомъ разума.

„Но какая это, спросишь ты, прекрасная форма? Таже самая у тѣла, что и у души; таже самая у души, что и у тѣла; пошому что вѣчная и неизмѣняющаяся идея красоты должна бытъ только одна, какой бы ни придава была матеріи: бревну ли соспаву грубаго тѣла, или неразрушаемому шапкой искры божества, какова душа. Въ душѣ есть она равновѣсіе приличнѣйшихъ челоувчеству склонностей, въ тѣлѣ чистѣйшій оппечашокъ эшаго равновѣсія.

вѣсн. И для сего равновѣсія необходима дѣятельность силъ; ибо безъ движенія было бы оно безжизненностию и усыпленіемъ, также точно, какъ и движеніе безъ равновѣсія увлекается спремимъ льно и кончится паденіемъ и разрушеніемъ. Не ошъ сего ли всегдашняго равновѣсія въ непрерывномъ движеніи имѣетъ шамнственное колебаніе небесныхъ сферъ красоту, которая восхищаетъ мыслящій разумъ? Тоже самое и во всей природѣ; ошъ того же самаго происходитъ красота и въ человѣкѣ. Тусклый, умирающій глазъ не говоритъ ничего сердцу, а дикій свирѣпствующій взглядъ пугаетъ; только шаккой взоръ, въ которомъ душевный огонь смягченъ крошностию, говоря въ прямо чувствую.

,Если бы захотѣла Теодота (могла ли она, не желая назвать себя, придумать кого другаго въ этомъ случаѣ, кромѣ прекрасной Теодоты?) если бы она захотѣла какую нибудь часть своего прелестнаго лица передвинуть впередъ, или назадъ, вверхъ, или внизъ; то вся красота ея исчезла бы, потому что снмъ раз-

рушилось бы равновѣсіе въ цѣломъ. Если бы, ея милый васильковый глазъ со всею прелестною чернью длинныхъ шелковыхъ рѣсницъ, если бы одна изъ розовыхъ щекъ ея были подвинушы впередъ, или назадъ, вверхъ, или внизъ, далѣе, или ближе ось центра своей тяжести, если бы манящія къ наслажденію усія ея вдругъ съ одной стороны пропаянулись совершенно въ прямую линію, между шѣвъ, какъ съ другой оканчивались бы прежнимъ восхитительнымъ изгибомъ: что сдѣлалось бы тогда съ формою цѣлаго милаго лица ея, не смотря на то, что каждая часнь его отдѣльно не потеряла бы полной красоты своей?

„И такъ не все ли то, что возвышаешь и укрѣпляешь образъ сего равновѣсія должно увеличивать и красоту шѣла? Не должна ли форма видимаго, когда она есть ни что другое, какъ и форма невидимаго, выигрывать, когда будешь подкрѣпляема отраженіемъ сей послѣдней? Когда въ обѣихъ будешь первенствовать крошеснь силы, то она непременно будешь видна въ наружной формѣ,

если только никакой перевѣсъ, вѣлость ли по съ одной стороны, или свирѣпость спрашши съ другой, не разрушитъ равновѣсія. Всякое выраженіе вѣлости въ членахъ шѣла и въ чертахъ лица вредитъ красотѣ, пошому что обнаруживаешь слабостъ какой нибудь человѣческой склонности, пакже пошно, какъ и всякая сильная спраштъ обезображиваетъ самое прелестное лице, пошому что уничтожаетъ въ немъ равновѣсіе и даетъ замѣнить безсиліе, или недоспашокъ перевѣса. Несправедливо было бѣ думать, что лихорадочное напряженіе спрашши есть сила; напросивъ оно происходитъ опъ слабости, по есть опъ недоспашика перевѣса, опъ кошораго одного только спраштъ въ прекраснѣйшей массѣ можешъ имѣть видъ гармонической склонности. Посему-по силенъ одинъ только разумъ: онъ одинъ только можешъ наблюдать за удержаніемъ сего равновѣсія, усиливая слабѣйшую сторону и ослабляя сильнѣйшую. Спраштъ имѣешъ движимостъ и непостоянство приходи; только разумъ даетъ швердостъ, удерживая равновѣсіе

склонностей. Справствъ возвышается и упадаетъ; разумъ всегда одинаковъ.“ Здѣсь Діюшима оспановилась въ размышленіи.

„Не правда ли, Сократъ — продолжала она пошомъ — что даже самъ прекрасный Ахиллъ былъ менѣе прекрасенъ, когда онъ, раздраженный прошивъ Агамемнона, наложилъ на мечъ свою руку? Но божественный Омеръ не даетъ у-пассть своему любамцу. Мудрая Аѣина удерживаетъ его руку, преклоняетъ къ крошоспи, и я вижу снова весь блескъ красосы его.

„Но я должна говорить о своемъ собственномъ полѣ; пошому что конечно женская красота мнѣ болѣе извѣсна. Не даетъ ли милovidность, грація, безъ которой сама красота не имѣетъ прелестни, та грація, кошорою облачаешся прелестная Афродиша, когда она хочетъ бышь увѣрена въ своей побѣдѣ, не даетъ ли она лицу красосы, кошорая совершенно изнуспи появляешся? Ея могущественное очарованіе, не соспоитъ ли въ той милой спыдливоспи, кошораю сладоспное желаніе удерживаетъ

въ равновѣіи? Посмотри на картинѣ Полигнота Медузину голову въ рукѣ побѣдоноснаго Персея! Не есть ли это совершеннѣйшая красота? И при всемъ томъ ты отступаешь въ ужасѣ. Ты видишь змѣй, извивающихся на ней вмѣсто волосъ; онѣ разрушаютъ сію красоту, которая сдѣлала бы на тебя пріятнѣйшее впечатлѣніе, если бѣ была облечена въ крошкующую грацію.

„Такъ смѣшиваются, усиливая одна другую, красота внутренняя съ красотою наружною, и обѣ выходятъ ошъ одной начальной красотѣ.“

Тутъ прелестная Діопима умолкла и погрузилась въ прежній восторгъ, который препяшествовалъ ей замѣтишь, что я сижу пропивъ нея въ молчаніи и безъ движенія; ибо я самъ терялся въ размышленіяхъ, соображалъ все высокое, что я слышалъ, и что я изъ той зауптанности, въ какой оно блуждало въ душѣ моей, старался привести въ ясность.

И такъ, прервала его здѣсь Феодопа, и такъ, по мнѣнію твоей Діопимы, раз-

судокъ и нравственность, живыя чувства и кроткая добродѣтель должны быть для насъ гречанокъ вѣрнѣйшими и лучшими средствами красоты? Какъ можешь ты....

Въ это мгновеніе опперлась дверь и съ шумомъ вбѣжала богатый Агашонъ. Сокрашъ прокрался тихонько вонъ изъ комнаты; его не схватились, и исторія не говоришь намъ, что сдѣлалось послѣ того съ прекрасной Θεодотой.

Съ Нѣмец. Вл.

П О Э З І Я.

Д А М О Н Ъ.

И д и л л і я.

Вечернее солнце кашилось по жаркому небу,
И западь, сліянный съ краями далекими моря,
Гоповый блестящаго бога принявъ, загарался;
Въ долинахъ, на холмахъ звучали пасушьи
свирѣли;
По холмамъ, долинамъ бѣжали спада и шу-
мѣли;
Въ прохладѣ и блескѣ кашилися воды Алфея.

Дамонъ, вдохновенный пѣвецъ, добродѣтель-
ный спарець,
Изъ хижины вышелъ и сѣлъ у дверей на по-
рогѣ.

Ужь семдесять разъ онъ первыми розами лицу
 И длинныя кудри свои украшалъ, воспѣвая
 На праздникъ пышномъ весны и веселье и
 младость:
 А въ юности зрѣдой камены его полюбили.
 Но старость, лишивъ его силъ, убѣливъ ему
 кудри,
 Ошнѣвъ у него не могла вдохновеннаго дара
 И свѣтлой веселости: ихъ добродѣшель хра-
 нила.
 И старецъ улыбкой и взоромъ привѣтливымъ
 встрѣпилъ
 Ошвсюду бѣгущихъ къ нему пасуховъ и па-
 спушекъ.

Любезный Дамонъ, нашъ пѣвецъ, добродѣшель-
 ный старецъ!
 Намъ пѣсню ты спой, веселую пѣсню: кричали.
 Мы любимъ, послѣ шрудовъ и полдневнаго
 жара,
 Въ пѣни близъ себя ошдыхать подъ веселыя
 пѣсни.
 Не самъ ли ты пѣлъ, что внушенныя музами
 пѣсни
 На сердце больное, успалое вѣющъ прохладой,
 Которая слаще прохлады, изъ урны Алфея
 Съ разсвѣтомъ люющейся, слаще прохлады,
 лилеямъ
 Свѣжестъ дающей росы, и вина вѣковаго,

Въ амфорахъ хранимаго дѣдами звукамъ на
радость?

Что, добрый? Не такъ ли ты пѣлъ намъ?

Демонъ улыбнулся.

Онъ съ юности ранней до поздняго вечера
жизни

Ни въ чемъ не отказывалъ дѣвамъ и юно-
шамъ милымъ.

И какъ отказать? Убѣдительно, сладки ихъ
просьбы:

Въ прекрасныхъ устахъ и улыбка и рѣчи пре-
красны!

Вздаянулъ онъ на Клою, перстомъ погрозилъ
ей и молвилъ:

Смотри, чтобъ не плакашь! И ты попадешь
въ мою пѣсню.

Взялъ лиру, задумался, къ солнцу лицомъ об-
ратился,

Ударилъ по струнамъ и началъ хвалюю без-
смертнымъ:

„Прекрасенъ твой даръ, Аполлонъ, вдохновен-
ныя мысли!

Кого ты полюбишь, къ тому и рано и поздно

Въ смиренную хижину любить слепашься ка-
мены.

О Эрмій, возвышенъ твой даръ: убѣдитель-
ность рѣчи!

Ты двигаешь силою слова и разумъ и душу.

Какъ вашихъ даровъ не хвалятъ, о Гимежъ, о
Паллада!

Что бѣдную жизнь услаждаетъ? Подруга и
мудрость.

Но выше, безцѣнный всего, Эропъ и Киприда,
Даліе ваше: красою цвѣтущая младость!

Красивы шюльпанъ и гвоздика и макъ пур-
пуровый,

Ясминъ и лилея красивы: но краше ихъ роза;

Пріятны крылашыхъ пѣвцовъ сладкозвучныя
пѣсни:

Пріятный полночное пѣнье пивое, филомела!

Всѣ ваши прекрасны дары, о безсмертныя
боги!

Прекраснѣ всѣхъ красою цвѣтущая мла-
дость:

Прекраснѣй, проходчивѣй всѣхъ. Паспухи и
паспушки!

Любовь съ красою не жили: гости зем-
ные,

Блескаютъ какъ роса, какъ роса и взлещаютъ
на небо.

А щещны безъ нихъ намъ и мудрость и даръ
убѣжденья!

Крылашыхъ гостей не прикличешь и лирой
Орфея.

Всѣ, други, вы скажете скоро, какъ дѣдъ го-
воритъ вашъ:

Была о, любилъ меня, а нынче не любятъ!

Да вошь и вчера. . . . Что краснѣешь ты,
Хлоя? Взглянише,
Взглянише на щеки ея: какъ шиповникъ, а-
лѣють!

Глядише: по нимъ двѣ росинки, блестя, пока-
шились!

Не вправду ль тебѣ говорилъ я: смопри, чѣобъ
не плакашь!

И ты попадешь въ мою пѣсню: сказала, и ис-
полню.“

И всѣ оглянулись на Хлою прекрасную. Хлоя
Щеками горячими робко прижалась къ подругѣ
И шопоть веселый и шумъ въ паспухахъ про-
будила.

Дамонъ, улыбаясь на шумъ ихъ и шопоть ве-
селый,

Громчей заигралъ и запѣлъ веселѣй и бысп-
рѣ:

„Вчера, о друзья, у прохладной пещеры, гдѣ
нимфы,

Игривыя дщери Алфея и ближнихъ пошоекъ,
Расчесывашь кудри зеленые любяшь схо-
дишься

И вшоришь со смѣхомъ и пѣснямъ и кляп-
вамъ любовнымъ,

Тамъ встрѣщилъ я Хлою. Спаринушка доб-
рый, спой пѣсню:

Она мнѣ сказала. Съ охотой, паспушка, съ о-
хотой!

Но даромъ я пѣсень не пѣлъ никогда! для па-
спушекъ;

Сперва подари что нибудь: я спою. Что могу я
Тебѣ подарить? Вотъ вѣнокъ я сплелъ! О, пре-
красень,

Красиво сплешень швой вѣнокъ: но вѣнка мнѣ
не надо.

Свирѣлку возми! Мнѣ свирѣлку, красавица?
Самъ я

Искусно клею ихъ воскомъ душистымъ. Такъ
что же

Тебѣ подарю я? Возмешь ли корзинку? Мнѣ
нынче

Ве подарилъ мой отецъ: а, ты знаешь, кор-
зинки

Плешень онъ прекрасно. Но, дѣдушка, что же
молчишь ты?

Зачѣмъ головой ты качаешь? Иль эшаго мало?

Возми же въ придачу ты овцу люблюю! Ша-
лунья,

Шалунья! Не знашь въ швой годы, чѣмъ пла-
шяшь за пѣсни!

Чего же тебѣ? Поцѣлуй. Чего? Поцѣлуй.

Какъ, эшой бездѣлицы? Ахъ, за нее бы я
ошдалъ

Не только вѣнокъ я свирѣлку, корзинку и овцу:

Себя самаго! Поцѣлуй же! Ахъ, дѣдушка добрый!

Всѣ овцы мои разбѣжались; чшобъ волкъ ихъ
не встрѣшилъ;
Прощай: побѣгу я за ними. Сказала, и мигомъ,
Какъ легкая серна, какъ нимфа дубравная
скрылась.

Взглянулъ я на кудри сѣдые, вздохнулъ и про-
молвилъ:

Цвѣтъ бѣлый паспушкамъ пріятенъ въ нар-
циссахъ, въ лилеяхъ;

А бѣлые кудри паспушкамъ не милы. Вошь,
други,

Вамъ пѣсня моя: весела ли, судите вы сами!"

Умолкъ. Всѣ хвалили веселую пѣсню Дамона;
А Хлоя дала поцѣлуй (такъ хотѣли паспушки)
Сѣдому слагашелю пѣсней игривыхъ и слад-
кихъ:

И радость блеснула во взорахъ пѣвца. Воз-
вращаясь

Къ своимъ шалашамъ, паспухи и паспушки:
о боги,

Молились, пошлите вы намъ добродѣшель и
мудрость!

Пусть весело встрѣшимъ мы старость, по-
добно Дамону!

Пусть также безъ грусти, но съ тихой улыб-
кою скажемъ:

Бывало любили меня, а нынче не любяшь!

Баронъ Дельсидъ.

ЖАЛОБЫ ИЗРАИЛЬТЯНЪ.

(Изъ Байрона).

Веселая серна, не зная цѣпей,
Въ горахъ Іудей вишаешь;
И свѣшлую влагой священныхъ ключей
Томленіе жажды смягчаешь.
Въ ней легкая посупь, въ ней радостный
взглядъ,
Въ ней дышишь веселье свободы:
Лишь скалы круныя незримо скользятъ
Подъ рѣвою госьей природы.

Ахъ, легкую посупь и радостный взоръ
Неразь Іудей видала!
Гдѣ нынѣ заразой разлился раздоръ,
Въ шумы шамъ краса разцвѣшала.

О кедры, обруштесь, разсипшесь въ поляхъ,
 Прикройте оковы Сіона!
 Ужь дѣвы не придуть, съ мечшою въ очахъ,
 Млѣшь сердцемъ въ щѣняхъ Ливанона.

И пальма счастливей Іакова чады:
 Она не бѣжитъ отъ отчизны;
 Раскиданный корень попоки кропящъ,
 Вливая пипашельность жизни.
 А мы? . . . Насъ накроетъ чужая земля,
 Вдали отъ опцовской могилы.
 Гдѣ храмъ нашъ? Самрапа семья
 Гнѣздишся въ священныхъ оспылой! . . .

В. Григорьевъ.

СМЕРТЬ ВОЙНАРОВСКАГО.

(Отрывокъ изъ поэмы).

Спрадальца спранникъ просвѣщенной
Въ пуспынѣ часпо навѣщаль,
Тоску и грусть съ нимъ раздѣлялъ,
И объ Украинѣ незабвенной
Какъ сынъ Украины онъ мечшаль.

Однажды онъ въ уединенье
Съ опрадной вѣсью о-прощеньѣ
Къ спрадальцу-другу поспѣшаль.
Морозъ прещаль. Глухой пропою
Олень пернашою спрѣлою
Его на санкахъ быспрыхъ мчаль.
Уже онъ ловишь жаднымъ взоромъ
Сквозь вѣшви дровъ въ глуши лѣсной
Кровь одинокой и просшой
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

Часть XXV. Кн. III.

17

„Съ какимъ воспоргомъ сладкимъ
 Скажу: окончены спраданья!
 Мой другъ, покинь спрану изгнанья!
 Леши въ родимые края!
 Тамъ ждущъ тебя, въ спранѣ прекрасной,
 Благословенья земляковъ,
 И кругъ друзей съ душою ясной,
 И мирный домъ швоихъ опцовъ!“
 Такъ добрый Миллеръ предавался
 Дорогой сладостнымъ мечтамъ.
 Но вопъ онъ къ низкимъ воропамъ
 Пуспынной хижины примчался.
 Никшо вспрѣчать его нейдетъ.
 Онъ входитъ въ двери. Лучъ привѣшной
 Сквозъ занесенный снѣгомъ ледъ
 Угрюмый свѣтъ украдкой лаетъ:
 Все пусто въ юршѣ безошвѣшной;
 Лишь мракъ и холодъ въ ней живешъ.
 „Куда сокрылся шы, изгнанникъ?“
 Въ недоумѣнны мыслишь спранникъ:
 И думой мрачной опягчѣнъ,
 Тревожимъ шайною шоскою,
 Идетъ на холмъ могильный онъ —
 И чшо же видишь предъ собою?

Подъ наклонившимся крестомъ,
 Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
 Какъ грустный памятникъ могилы,
 Изгнанникъ, мрачный и унылый,

Сѣдѣшь на холмѣ гробовомъ
Въ оцѣпенѣнны роковомъ:
Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины,
Какъ мраморъ лоснился чело,
И опъ сосѣдственной долины
Ужь мершвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

Рылѣевъ.

МИНУТА СЧАСТІЯ.

Въ груди, спрасями раскаленной,
Я сердце грустное носилъ,
И, въ бипствѣ жизни утомленный,
Конца спраданіямъ просилъ.
Но вдругъ повѣяло прохладой,
Какъ сердцу вѣдомой мечтой;
Мнѣ кто-то далъ сосудъ злагой
И напоилъ меня опрадой:
И мракъ съ очей моихъ исчезъ;
И я, ужь больше не несчастной,
Увидѣлъ новый день прекрасной
И сводъ таинственныхъ небесъ:
Тамъ было все любовь и радость;
Земля свѣпилась, какъ криспаль,
И не спарѣлась жизни младоспъ
И ясный день не догараль.
О, какъ ихъ области прекрасны!
И какъ привѣшливы *они!*

И ушѣшипельны и ясны,
 Какъ юности счастливой дни.
 И всё такъ дружны, будто звуки
 Въ струнахъ, подъ опытной рукой;
 И взоръ ихъ, изцѣляя муки,
 Ложился въ душу какъ покой;
 И ясно мысли ихъ свѣплѣли:
 Я въ каждой гимнѣ Творцу чиналъ;
 Они мнѣ пѣсни неба пѣли,
 И я въ воспорахъ исчезалъ;
 И, какъ младенецъ въ колыбели,
 Мой духъ перевода едва,
 Я шалъ въ радости сердечной.
 И пилъ *млеко* я жизни *свѣтлой*;
 Ихъ *благровонныя* слова
 Изъ устъ рудновыхъ струились,
 И чувства въ сердцѣ ихъ свѣпились,
 Какъ изъ-за тонкихъ облаковъ
 Сіяютъ звѣзды золотыя;
 И всё ихъ помыслы свяшые
 Въ одну сливались *любви*.
 Гдѣ жъ ты, моя *минута счастья*?
 Гонюсь за сладкой пишиной:
 Но я ужъ въ области *челнашья*,
 И буря воешь надо мной.

Федоръ Глинка.

СПОКОЙСТВІЕ.

Э л е г і я .

Вы любите покой, о дщери Мнемозины!
И я, пишомецъ вашъ, бѣгущій опъ прудовъ,
Люблю спраны моей спокойныя долины,
Гдѣ углубленъ въ горахъ спойшъ мой низкій
кровь,
Полуразрушенный и мной полузабвенный.
Тамъ свѣшлый шокъ ручья, дубравой осѣнен-
ный;
Тамъ пишина въ поляхъ цвѣшешъ,
И шамъ спокойствіе меня опнынѣ ждешъ,
Гдѣ опрокомъ вкушалъ покой я драгоцѣнный!
О жребій сладоспный! Кшо возвращалъ вполнѣ
Весеннихъ дней своихъ крылашья явленья?
Но вы, весны моей живыя наслажденья,
Вы возвращаешесь прекраснѣе ко мнѣ!
Я съ нею пробѣгалъ, какъ бранъ, рука съ рукою

Въ играхъ младенчества по мирнымъ симъ
полямъ,

И съ нею вновь я тамъ,

Съ разцвѣтшей для любви супругою молодою!

Живѣй спалъ взоръ ея; и нѣжная мечта

На милое лице свой пламень разливаешь;

Какъ солнце вешнее природу украшаешь,

Она украсила знакомыя мѣста:

Прохлада сладостнѣй; листовъ невнятный
ропотъ

Привѣтливой любви какъ будто впоритъ шо-
потъ;

Источника однообразный шумъ

Наводитъ въ сумракъ задумчивости радость,

И беззаботливостъ, простаго сердца радость,

Склоняешь къ размысленью умъ.

Не здѣсь явился мнѣ мой геній вдохновенья:

Онъ посѣпиль меня средь шума и суеты;

Но здѣсь мечта моя познала наслажденья;

Сюда, въ сей уголокъ земли, лепалъ поэтъ

Искашь души отдохновенья,

И мысли свѣтлыя раждали пѣснопѣнья!

Мих. Дмитриевъ.

1822.

МОНАСТЫРЬ.

ЭЛЕГИЯ.

Обишель древняя забывшихъ суешу!

Всегда къ себѣ влеклось воображенье;

Всегда пишала ты унылую мечпу

И пайное поэша вдохновенье;

Всегда въ своихъ спѣнахъ вдыхалъ я сла-
досць мира;

Но чувствамъ шѣмъ не опѣчала лира!

*

Лишь нынѣ, вѣривши землѣ любви залогъ,

Я швой нерѣдкій госць и неслучайный:

Исчезло все, чѣмъ свѣпъ досель манишь мнѣ
могъ,

И у судьбы нѣпъ для меня ужъ пайны!

Она разверзлася внезапно предо мною:

Ужасный свѣпъ за мирной шемношою!

*

Счастливецъ, для тебя ль земля жилище благъ?

Нѣшь: ты уже препенещь ихъ лишенья!
Рѣшился и вступи за сей священный прагъ:

Здѣсь въ плѣны жизнь; не въ жизни об-
разъ плѣнья!

Я поже счастливъ былъ и препеналь предъ
рокомъ;

Но сблизился съ нимъ въ опышѣ жесто-
комъ!

*

И чѣмъ я счастливъ былъ! Чѣмъ счастливъ?
Небеса!

Не почесъми, не златомъ; но любовью!
Мнѣ мѣръ былъ, какъ мѣша, весь радостъ и
краса!

И счастье милой я купилъ бы кровью!
Теперь покоришься она подъ сей могилой:

Но я люблю ее все съ той же силой!

*

Люблю воображать ее не въ цвѣшѣ лѣшѣ]

Моей на жизнь подругою веселой;

Но шерпѣливою послушницею бѣдъ,

Средь лучшя надежды несозрѣлой,

Когда прощалася съ младенцемъ и со мною:

И полдуши моей брала съ собою!

*

Въ томъ мѣрѣ естъ пеперь, кпо мыслишь обо
мнѣ:

Опрадная надежда и свяшая!

И самая любовь корыстна въ сей странѣ;
 Я чувствую: тамъ естъ любовь другая!
 Ея конецъ меня съ шѣмъ міромъ соединяетъ:
 Дивишься ли, что грусть меня пинаетъ?*

Сей камень для меня свидѣтель лучшихъ
 дней;
 Свидѣтель онъ же, сколь тѣ дни невѣрны:
 На немъ напечатлѣнъ весь жизни путь моей
 И будущей обѣщъ нелицемѣрный.
 Я вспомню радости; сравню поски волненья:
 И на ухахъ улыбка утѣшенья!

Шумите же, древа, уныло надо мной!
 Вашъ шумъ мнѣ сладостнѣй, чѣмъ шумъ
 веселій!
 Коль по моимъ слѣдамъ придетъ сюда другой
 Бродить въ поскѣ между могилъ и келій,
 Подобнымъ шумомъ вы его мечту влекише
 И шрепетной душѣ его скажише:

„Межъ колыбелю и гробомъ въ жизни сей
 Премудраго возрѣнія достойны —
 Одно младенчество съ невинностью своей,
 Когда души движенія спокойны,
 И тѣ лѣша, когда преспанешь жданъ блажен-
 ства,
 Предчувствуя иной міръ совершенства!“...

Мих. Дмитріевъ.

1823.

К Р И Т И К А.

РАЗБОРЪ ОДЫ ПЕТРОВА:

*Его Высокопревосходительству Николаю
Семеновичу Мордвинову,*
писанной 1796 года.

Въ русской словесности есть много прекрасныхъ произведеній, копорыя извѣстны однимъ только литераторамъ, а большая часть даже просвѣщенной публики едва ли ихъ когда нибудь читала. Это происходитъ отъ двухъ особенно причинъ: во первыхъ, критика не успѣла еще остановить вниманія любящихъ чтеніе на всѣхъ лучшихъ сочиненіяхъ нашихъ; во вторыхъ, слогъ нашъ вѣкъ переѣнился, что многіе съ трудомъ понимаютъ давнихъ писателей. Сверхъ того есть въ исторіи нашей словесности

шакія имена, кошорыя, по особенному спеченію обсполтельспвъ, остаюцца какъ бы въ шѣни, хотя достоинства озаряють ихъ полнымъ свѣтомъ.

Послѣднее изъ сихъ замѣчаній можно примѣнить къ лирическому нашему поэту Пшрову. Не говоря о Ломоносовѣ и Державинѣ, спросимъ: кому не знакомы имена А. Сумарокова и Хераскова? Опъ послѣдняго ученика въ училищѣ до самой знашной госпожи, не смѣемъ сказать всѣ ихъ читали, но всѣ о нихъ слышали. Между шѣмъ, гораздо менѣе кругъ извѣстности Пешрова, хотя онъ несравненно выше въ лирической поэзіи, нежели Сумароковъ въ трагедіяхъ и Херасковъ въ эпопеи.

Такое хладнокровіе къ его дарованію вѣроятно произошло опъ того, что наша словесность болѣе богата произведеніями лирическими, нежели другихъ родовъ поэзіи. Но Пешровъ, споя между Ломоносовымъ и Державинымъ, сими превосходными лириками, кажешся, не исчезаетъ въ ихъ славѣ. У него еспъ свои недосшашки, кошорыхъ не чужды

и его совмѣстники: но, подобно имъ, онъ имѣеть свои совершенства. Не спѣша съ нашимъ мнѣніемъ, которое, въ такомъ важномъ случаѣ показалось бы для многихъ чашапелей неумѣстнымъ, приведемъ замѣчанія о Пешровѣ лучшихъ кришниковъ.

Намъ кажется, приличнѣе всего начать словами Муравьева, пѣмъ болѣе, что онъ, какъ его современникъ, знакомитъ насъ не только съ дарованіями поэта, но съ его сердцемъ, съ его привычками и занимапельными подробностями его жизни (*). „Василій Пешровичъ Пешровъ, сколько я знаю, не говоритъ никогда о спихахъ. Но можно ль, дѣлая ихъ такое множество выразительныхъ и мастерскихъ, объ нихъ не мыслишь? Труднѣе гораздо имѣшь къ нему доступъ, нежели къ двумъ первымъ (Хераскову и Майкову). Онъ учшивъ по благоприспойности. Но сердце его хошѣло бы имѣшь свободу сказать: я не хочу съ вами знашься. Раз-

---

(*) Полн. Собран. Сочиненій М. Н. Муравьева. Ч. III, стран. 317.

говоръ его свободенъ безъ разборчивости. Кажется, что онъ жертвуетъ разцѣпительностію. Лѣтъ двѣнадцать назадъ полковаль онъ капихизисъ; нынѣ, кажется, онъ способенѣ полковать Лукреція. Это поэтъ изъ нашихъ стихотворцевъ, которій знаетъ наибольшее число языковъ. Ибо онъ читаетъ въ подлинникахъ Омера, Виргилія, Мильшона, Вольпера, безъ сомнѣнія, Тасса, и, помнишь ли, Клопшпока. Во время пребыванія его въ московской академіи училъ онъ еврейскому языку. Замѣтно по его образу мыслишь и чувствовалъ, что онъ жилъ въ Англии. "Если сей опзываетъ неполнѣ удовлетворяетъ нашему желанію, ш. е., не раскрываетъ подробно совершенствъ и недоспашковъ Петрова; то, по крайней мѣрѣ, показываетъ, что его большія достоинства признаваемы были даже современниками, которые рѣдко судятъ такъ безпристрастно, какъ попомство.

Мерзляковъ, оказавшій важныя услуги нашей словесности своею кришикою,

рѣшишельно говоришь о Пешровѣ (*): „Оды его прекрасны. Онѣ опличающа опъ всѣхъ другихъ какою-шо полнопою мыслей сильныхъ и крапкихъ: Пешровѣ стихошворецъ-философъ. Можешь бышь, онѣ спояль бы наравнѣ съ Ломоносовымъ, если бѣ слогъ его не былъ грубѣе и жеспче. Впрочемъ онѣ исполненъ картинъ превосходныхъ, написанныхъ пламенною киепшо. Ломоносовѣ хвалишь очень опкрышо и просто: Пешровѣ имѣль особенное искусство хвалишь. Еще замѣшимъ, что и языкъ его не вездѣ шероховать: ешь цѣлыя оды, написанныя гладкими, гармоническими спихами.“

Наконецъ Князь Вяземскій, опличающійся въ своихъ крипикахъ понкими замѣчаніями самыхъ нѣжныхъ, самыхъ легкихъ красопъ поэзіи, замѣчаніями, которыя показывающъ необыкновенно разборчивый вкусъ, вопъ, что говоритъ о Пешровѣ, разсмапривая Державина (**):

(*) Учебн. Кн. Россійс. Словесности Н. Греча. Ч. IV, стран. 461.

(**) Учебн. Кн. Россійс. Словесности Н. Греча. Ч. I, стран. 298.

„Первыми его учителями въ стихотворствѣ были, кажется, Ломоносовъ и Пепровъ. У перваго онъ научился звучности языка піишическаго и живописи поэзіи; у другаго похитилъ онъ тайну заключать живую, или глубокую мысль въ живомъ и рѣзкомъ стихѣ, тайну, совершенно неизвѣстную Ломоносову.“

Изъ сихъ замѣчаній видно, что Пепровъ былъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ. Живое воображеніе, быспроша мыслей, сила чувствованій, разнообразіе картинъ и свободный переходъ отъ одного изображенія къ другому, безпрерывная дѣятельность спрогого ума, спрость къ точному изложенію своихъ понятій составляютъ рѣзкую отличительность его поэзіи. Но сіи счастливыя дарованія были отчасти причиною его недостатковъ, какъ писателя. Легко созидавая воображеніемъ своимъ различныя положенія какаго нибудь предмета, онъ обременяетъ наше вниманіе и часпо не умѣетъ ограничиваться только испинно-прекраснымъ. Неумѣренныя его чувствованія принимаютъ иногда какой-то неестествен-

ный видъ. Умъ его, преобладая надъ всѣмъ, охлаждаетъ чувствительность, и сообщаетъ лирической поэзіи дидактическую сухость. Страсъ къ равносильнымъ выраженіямъ заставляетъ его употреблять слова по грубыя, по низкія, по малоизвѣстные. О немъ можно сказать, что онъ ошъ многихъ своихъ совершенствъ спановишся часто несовершеннымъ.

Удивительнѣе всего, что Петровъ, будучи двадцатью пятью годами моложе Ломоносова и только семью старше Державина, не хотѣлъ обработывать слога своего по ихъ образцамъ. Кто не согласился, что у Ломоносова ошдѣлка стиховъ часшо бываетъ удивительна? И у Державина, который впрочемъ не шоль ровенъ въ языкѣ, какъ Ломоносовъ, много цѣлыхъ стихошвореній, написанныхъ прекраснымъ языкомъ. Правда, что Петровъ оригинальностію своего слога вышелъ изъ шолпы подрашательныхъ поэшовъ, что онъ черезъ это нѣсколько потерялъ къ себѣ уваженія шолько у насъ, а не во всеобщей исторіи литературы (пошому что въ пере-

Часть XXV. Кн. III. 18

водахъ на другіе языки онъ будетъ выше многихъ любимыхъ нами писателей): но главнѣйшія условія стихотворнаго искусства требовали отъ него прелести въ ордѣлкѣ. Чѣмъ выше сила дарованія, тѣмъ болѣе пишатель желаетъ видѣть оное въ прекрасной наружности. Въ излщныхъ искусствахъ надобно достигать по всѣмъ частямъ шакаго совершенства, что бы ничего не оставалось пожелать произведенію.

Впрочемъ кришика, довольствуясь общими своими замѣчаніями, не смѣетъ превращать ихъ въ укоризны, когда находить въ произведеніи много прекраснаго. Всѣмъ извѣстна истина, что легче осуждать, нежели производить. У великихъ писателей есть свои истины въ разсужденіи искусства, на копорья надобно смотрѣть болѣе съ уваженіемъ, нежели съ учительскою гордостью. И не одинъ Пешровъ поступалъ такимъ образомъ. Подобно ему, одинъ изъ лучшихъ лириковъ нашего времени, Воспоковъ, будучи двадцатью годами моложе Дмипріева и только двумя старше Жуковскаго,

не имѣеть ничего общаго съ ними въ слогѣ своемъ. Но кто бы опказалъ ему въ уваженіи, только по тому, что у него нѣтъ ихъ легкости и опдѣлки?

Что бы оправдать наши замѣчанія о Пешровѣ, мы беремъ такую оду, которую можно назвать оппечаткомъ его генія, ш. е., его созданія, хода мыслей, слога и поэтической формы. Она не можетъ быть причислена къ совершеннѣйшимъ его произведеніямъ: слѣдственно не возродитъ ложнаго пристрастія ко всѣмъ его стихотвореніямъ. Но мы будемъ довольны, если читатели наши полюбостыспвуютъ познакомиться съ такимъ человекомъ, который достоинъ и уваженія и славы.

Сія ода принадлежитъ къ числу, такъ называемыхъ, *пидарическихъ*. Подвиги героя, предводителя Черноморскаго флота, составляютъ главный предметъ оды, Пешровъ написалъ ее, будучи уже шестидесяти лѣтъ, ш. е., за три года до своей смерти. Конечно въ это время лирическіе воспорги его не были столько живы, какъ въ цвѣтущемъ возрастѣ: но (если смѣемъ замѣтить) онъ болѣе ра-

*

вень былъ самому себѣ и въ старости; нежели Державинъ. Философическія истины, изложенныя карпиннымъ языкомъ поэзіи, соснавляютъ начало оды. Спихотворецъ говоритъ, что человекъ, будучи браннымъ существомъ по шѣлу своему, не спрашивается опасностей, когда слава и честь вызываютъ его на подвиги. Но жажда почестей, прибавляетъ онъ, тогда похвальна, когда приносишь пользу другимъ. Послѣ сего слѣдуетъ прекрасное обращеніе къ герою:

Что я вѣщаю, по поемлешь ты, Мордвиновъ!

То голосъ мой, а мысль швоя.

Духъ дѣлаешь, не плоть огромна, исполиновъ:

Доводъ шы истинны сея.

Кшо вступишь въ споръ со мною,

Какъ солнцемъ я шобою

Снищу побѣды честь:

Мнѣ споншъ перстъ возвестъ:

Въ этой строфѣ, кромѣ четвертаго стиха, который показался намъ нѣсколько прозаическимъ, все исполнено поэтической силы и выразительности. Второй стихъ можетъ служить образцемъ краткости и прекраснаго оборота мыслей, а

послѣдній заключаешь необыкновенно живописное движеніе.

Ты, крила разпростря усердія широко,
 Чтобъ кинушь на мнѣжайшихъ тѣнь,
 Паришь, куда шѣхъ душъ на досягаешь око,
 Одебелила кой лѣнь.
 Твой подвигъ безоддышенъ;
 Лишь шумъ полета слышенъ:
 И гений межъ спремнинъ
 Сопутникъ швой единъ.

Пешровъ удивительно отличаетъ себя отъ другихъ нашихъ поэтовъ ясностію картинъ, создаваемыхъ воображеніемъ. Въ этомъ отношеніи онъ равняется съ древними стихотворцами, которые ни въ чемъ не смѣли отступать отъ природы, совершенно постигнутой ими съ поэтической стороны. Въ приведенной строфѣ нѣтъ ни одного слова, которое бы вспавлено было въ стихъ безъ особеннаго намѣренія: они всѣ равно поддерживаютъ, объясняютъ и украшаютъ цѣлое. Можно ли пропустить безъ вниманія четвертый, или шестый стихъ? *Лѣнь одебелила души*: выраженіе оригинальное и самое точное. *Лишь шумъ полета слы-*

шенб: какое звукоподражаніе дѣйствію природы!

Любители добротъ тебѣ подь облаками
 Соплещуть съ дола шьмами рукъ;
 Лишь завись, люпыми перзаема шосками,
 Грызомъ цѣлымъ адомъ мукъ,
 Бросаетъ оспры спрьлы
 Въ подоблачны предѣлы,
 И сыплеть клевету —
 Сразиши на лешу.

Сразишь тебя, и въ прахъ твои рассыпашь
 коспи,

Достоинствъ вѣчная судьба
 Проливу черныя и ядовитой злоспи,
 Проливу клеветы борьба.
 Но любо, какъ съ змією,
 Обвишь безвредно ею,
 Летишь орель когшестъ,
 Глуша крыль шумомъ свистъ!

Если бы сіи двѣ строфы не были такъ превосходно окончены; то можно бы упрекнуть автора, что онъ слишкомъ долго отшанавливается на той мысли, которая уже раскрыта въ предыдущей строфѣ. Впрочемъ онъ хотѣлъ здѣсь заключить горестную и, къ несчастію,

слишкомъ вѣрную истину, что зависти
слѣдуешь за славою, какъ тѣнь за чело-
вѣкомъ. Третій стихъ первой строфы
примѣрно уступаетъ прочимъ въ опдѣл-
кѣ: слово *тоска* у насъ не употребляешся
во множественномъ числѣ. Но послѣдніе
четыре стиха вѣроятной строфы изумля-
ющъ нечаянною мысли, прелестною
сравненіемъ и быспрошою дѣйствіемъ.

Гнѣшма пальма въ низъ, сквозь тяжешъ
крѣпня, сѣя,

Сильнѣе къ верху восшаешъ;
И благородный конь, препоной свирѣпѣя,
Порывнѣй поски даешъ.

Чѣмъ вѣшеръ списнуишь уже,
Тѣмъ дуешъ, злѣсь, упруже;
Біенъ изъ кремня
Рождаетъ блескъ огня.

Такъ бодршвенный пшвой духъ, препяп-
швомъ раздражаясь,

Всшаешъ превыше самъ себя;
И зависти къ тебѣ злой стрѣлы приражаясь,
Родяишь лишъ искры вкругъ тебѣя.

Какъ злапо по горнилѣ
Сіаешъ въ вящей силѣ:
Твоей доброшы цвѣишь
Ярчаешъ опъ клеветъ.

Мы особенно желаемъ обратитьъ внима-
 ніе читателей на сіи строфы. Чѣмъ под-
 робнѣе разсмащриваемъ ихъ, тѣмъ бо-
 лѣе оспаемъ при своемъ мнѣніи, про-
 изнесенномъ выше на счетъ общаго ха-
 рактера поэзіи Пешрова. Для объясненія
 одной мысли онъ употребилъ здѣсь пять
 сравненій. Всѣ они шочны и прекрасны.
 Но, ограничась однимъ, или двумя изъ
 нихъ, сочинитель достигнулъ бы своей
 цѣли. Это доказываетъ, что онъ здѣсь
 пренебрегъ краткостію, которая при-
 даетъ силу сочиненію. Мы встрѣчаемъ
 выраженія: *енѣтола, крѣпця, вѣтерѣ сти-*
снутѣ уже, злясь, цпруже. Нѣтъ изъ нихъ
 ни одного нешочнаго; напропивъ, они
 слишкомъ вѣрно соощвѣществуютъ сво-
 имъ понятіямъ. Но грубость ихъ зву-
 ковъ, малоупотребительность и видимая
 изысканность лищають слогъ шой пре-
 лессти, которая въ поэзіи никогда не дол-
 жна бытъ жертвою шочности. Чѣмъ не-
 раздѣльнѣе сіи два качества слога, тѣмъ
 онъ совершеннѣе. Несправедливо было
 бы не замѣтить, какъ иногда сіа спросъ
 къ шочности случайно наводитъ на но-

рыя и между шѣмъ прекрасныя выраженія, каковы здѣсь: *приражаясь и лрѣаетб.* Для пользы языка можно пожелать, что бы оба сіи слова сдѣлались у насъ употребительнѣе; первое изъ нихъ выражаетъ понятіе, прошивное слову: *отражаться*, для котораго нѣтъ у насъ столь удачнаго слова, какое составилъ Пешровъ, а второе одно замѣняетъ два слова: *становится лрге.* Между всѣми стихами сихъ спрофъ мы находимъ совершеннѣйшими два:

И благородный конь, препоной свирѣцѣя,
Порывнѣй поскоки даетъ.

Сколько истины, сколько живости заключается въ нихъ! Можешь быть, любовно покажется для чашапелей, если мы сообщимъ при этомъ случаѣ особеннаго рода замѣчаніе, сдѣланное нами въ продолженіе чтенія всѣхъ стихопвореній Пешрова. Вездѣ, гдѣ только ему случалось изображать движеніе коня, онъ неизяснимо хорошъ. Всѣ стихи его, относящіеся къ этому предмету, гладки, благозвучны, сильны и живы (*).

(*) Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Пропустимъ нѣсколько спрѳъ. Двѣ
изъ нихъ совершенно дидактическія. По-
эшь доказываешь, что великій человекъ

„Драгимъ уборомъ покровенны,
Лепящъ быспрѣ спрѣль кони;
Бразды ихъ пѣной умовенны,
Сверкающъ изъ ноздрей огни:
Крупящся, шопаящъ бурливы,
По вѣпру долги вѣющъ гривы;
Копыша мещущъ вихремъ персь.“

*Сотиненія В. Петрова. Изданіе
второе. Ч. I, стран. 5.*

„У обоихъ кони послушны,
Какъ вихри движущся воздушны,
Неся ихъ быстро къ мѣшъ хваль.“

Ч. I, стран. 11.

„Такъ шашъ, да пупника ограбашъ,
Возсѣдъ на рѣзваго коня,
Бодешъ его, и поводъ слабишъ,
Ко бѣгу силой всей гоня,
И буйный скопъ, не зная кова,
Орудіе грѣха чужаго,
Привыкшій по полямъ респашъ,
Уздѣ послушенъ власпелина,
Не зря, что холмъ, или долина,
Течешъ невиннаго спопшашъ.“

Ч. I, стран. 35.

долженъ презиратьъ зависть, и шѣмъ болѣе, что она неизбежное зло въ мирѣ. Онъ, продолжая изображать своего героя, переходить къ описанію живописнаго дѣйствія кораблей, летающихъ по морямъ. За симъ слѣдуетъ олицетвореніе Буга и Днѣпра, которое показалось намъ слишкомъ изыскано. Наконецъ, довершая изображение знаменишаго мужа, котораго онъ воспѣваетъ, снхотворецъ предвидитъ его славу и въ мирное время, когда

„Такъ часто яръ и бурень конь,
Въ бѣгъ равными зовомъ мѣспами,
Сшоипъ, воспягнумый браздами,
И паромъ кажеть внупръ огонь.“

Ч. I, стран. 95.

„Такъ ржущій, благородный конь,
Когда на бѣгъ разгорячился,
Со развѣваньемъ гривы мчился
На враги, воду и огонь.“

Ч. II, стран. 80.

„Взгляните: конь подъ нимъ шопочеть,
И къ облакамъ взлетѣши хочеть,
Пуская пѣну изо рта.“

Ч. II, стран. 136.

Во напряженьи мысль, на спражъ блящи очи,
 Съ сирѣлой напянуть лукъ въ рукъ,
 Онъ будешь назирашь дракона дни и ночи,
 Какъ Фебъ, спящій вдалекъ.

Картина превосходная! Слѣдующее че-
 резъ спрофу обращеніе опличаешь осо-
 бенной простотою, крашкостію и силою:

Природный разумъ швой, швой нравъ, швой
 науки,

Твоя къ опечеспву любовь,
 Мордвиновъ, по тебѣ сурь върныя науки,
 Чшо вся швоя намъ жершва — кровь!

Обнявши предмешъ свой со всѣхъ поэ-
 тическихъ споронъ, спихопворецъ могъ
 бы здѣсь окончишь свою оду. Но у него
 для заключенія ошалося еще лучшее чув-
 ство. И какъ не воспользошьясь имъ?
 Воспѣшый имъ герой ешъ другъ его. Пре-
 красный, прогашельный союзъ, соединя-
 ющій блишпательнаго вельможу съ на-
 персникомъ Аполлона! Похвалы, внуша-
 емья великими дѣлами и громкою сла-
 вою, восхищають насъ: но языкъ сердца,
 плѣнишельная дань безкорыстной друж-
 бы, приводяшь насъ въ умиленіе, извле-

кають сладкія слезы. Передъ нами исче-
зають всѣ отношенія свѣта; нѣтъ ни
героя; ни поэма его: все сливается въ
одно понятіе человѣка.

Такъ въ добродѣтели души швоей прекрасной
Есть часъ, почтенный другъ, и мнѣ?
И мнѣ не запертъ ты, какъ образъ шверди
ясной

И нѣги сродныя веснѣ.

Твоя, о другъ, еще во цвѣтѣ раннемъ мла-
доснѣ,

Обильный обѣщая плодъ,

Лила во мысли мнѣ живу, предвѣстну радость:

Ты будешь опчѣснѣва оплодъ.

Свершеніе надежды

Мои зря днесъ вѣжды;

И славу сбытія,

Не возыграю ль я?

Какаясь бесѣдна рѣчь лишь важному коснешся,

Въ немъ жарка закипнѣтъ душа,

И просвѣщенна въ мигъ чувствительность
проснешся,

Наружу изнеснѣсь спѣша.

Въ мигъ мысли благородны,
 Черезъ уша свободны,
 Сердечну жару въ слѣдъ,
 Польюшся яко медъ —

И слухи усладяшь, поспавяшь духъ въ покоѣ,
 Не ищеть испина прикрасъ,
 Но слышишся сильнѣй въ уснахъ вишии вдвое,
 Чей былъ не предусроенъ гласъ!
 Онъ вдругъ ее опрыгнулъ
 И слушающихъ двигнулъ
 Единой проспошой
 И сердца теплошой.

Почишаемъ излишнимъ оспанавли-
 ваться на подробномъ разборѣ всего эпа-
 го мѣста. Замѣчанія наши сдѣлались бы
 повпореніемъ преждедказаннаго. Неоп-
 дѣлка и другіе недоспашки слога вездѣ
 одинаковы. Но какими замѣнены они со-
 вершенспвами чувспвъ и мыслей! Каж-
 дый спихъ еспъ вдохновеніе сердца.

Плетневъ.

Н А У К И.

И С Т О Р І Я.

СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ ГОЛЛАНДІЕЮ

съ 1650 по 1660 годъ (*).

(Отрывокъ изъ *Опыта Историі путешествій по Россіи*).

Война Нидерландовъ съ Кромвелемъ въ половинѣ XVII вѣка ошпановила на время ихъ шорговлю. Купеческія суда Голландцевъ, опасаясь попастъ въ руки Англійскихъ корсаровъ, копорые развѣзжали вдоль Нидерландскихъ береговъ, не смѣли

(*) Извлечено изъ разныхъ писателей. Scheltema Rusland en Nederlanden I. 232—244. Aitzema, Zaken van Staat en Oorlog III. p. 1217—1232; van Woensel, Rusland 263. Storch IV. 285—287 и проч.

вышли изъ своихъ гаваней; обширное мореплаваніе ихъ прекратилось. Между тѣмъ купцы Ганзеапическихъ городовъ Гамбурга, Любека и Бремена пользовались эшимъ, чѣшобъ мало по малу привлечь на свою сторону выгоды *Московского торгоа*, получаемыя до того времени одними почти Голландцами. Остпъ-Зейцы были повѣренными Англичанъ: закупаали ихъ произведенія и сбывали оныя выгоднымъ образомъ въ Россійскихъ владѣніяхъ: Сіе разсшроенное положеніе Нидерландовъ имѣло пагубное вліяніе и на судьбу Голландцевъ, жившихъ въ Россіи. Церковь ихъ въ Москвѣ была закрыта, и богослуженіе позволено имъ было отправлять не иначе, какъ за городомъ. Имъ даже запрешили жить внутри столицы и всѣмъ велѣли переселиться въ предмѣстье Москвы, еще теперъ извѣстное подъ именемъ Нѣмецкой слободы. Архангельскъ пересталъ быть главнымъ мѣстомъ для европейской пурговли съ Россією; весь шоргъ перешелъ въ лежащіе по берегамъ Балтійскаго моря Шведскіе города: Ніэншанць, Нарву и Ригу, куда привози-

лись шовары, назначенные для впуска, или выпуска изъ Россіи. Новгородъ, лишенный красоты и величія во время междоусобій, началъ-было приходишь опять въ цвѣтущее состояніе: въ немъ находились уже многія коншоры иноспранныхъ купцевъ и обширныя магазейны для складки ихъ шоваровъ. Но вскорѣ новое обстоятельство, умноживъ затрудненія, въ коихъ находились Голландцы, остановило быспрые усилъки шорговли въ семь городѣ. Въ первые годы царшвованія Алексѣя имѣлъ большое вліяніе на дѣла государшва любимецъ его, Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, женатый на Милославской, сеспрѣ Царицы Марьи Ильинишны. Посшупки сего надменнаго вельможи возбудили прошивъ него всеобщее неудовольшвіе. Въ Москвѣ вспыхнуло возмущеніе; въ областныхъ городахъ слышенъ былъ громкой ропотъ. Новгородскій купецъ Волкъ воспользовался шакочнымъ разположеніемъ умовъ, чшобъ выгналъ изъ своего опечесства Нѣмцевъ. Онъ увѣрилъ иноземныхъ купцевъ, чшо народъ, стипая ихъ друзьями-соумышлен-

никами Морозова, намѣренъ нечаянно на-
 насъ на нихъ, и совѣповаль имъ ис-
 кашъ спасенія въ бѣгствѣ. Легковѣрные
 послушались его словъ: тогда Волкъ, со-
 бравъ на площади Новагорода народъ,
 представилъ оному, чію Нѣицы, полу-
 чивъ за измѣну свою богатые подарки
 ошъ Морозова, возвращающся въ опече-
 ство, опягощенныя золопомъ, у нихъ же
 награвленныя. Разъяренная чернь бро-
 силась за бѣгущими, догнала ихъ, обо-
 брала, и, можешъ бытъ, несчастныя ли-
 шились бы жизни, если бы нѣсколко
 благородныхъ Россіянъ, пользовавшихся
 въ Новѣгородѣ всеобщимъ уваженіемъ,
 не спасло ихъ ошъ сего неистовства (*).
 Съ сего времени, шо естъ съ 1650 го-
 да иноземцы не смѣли болѣе селиться въ
 Новѣгородѣ.

Однако стѣсненное положеніе Гол-
 ландцевъ въ Россіи не было продолжи-
 шельнымъ: вскорѣ обстоятельствва близ-
 кой войны съ Польскимъ Королемъ Яномъ
 Казимиромъ принудили Россійское пра-

(*) Müller. Sammlung. Rus. Gesch. V. 546.

вишельство сблизилъсь съ правительствомъ Нидерландскихъ Шпашовъ. Въ 1653 прибылъ въ Гагу царскій гонецъ Андрей Виніусъ въ сопровожденіи Дьяка Ивана Мерцова. Виніусъ былъ родомъ Немецъ, или, можетъ быть, Голландецъ. Отецъ его переселился въ Россію при Михаилѣ и принялъ тушъ Греческое исповѣданіе. Сынъ (*) былъ человекъ большаго ума, служилъ въ иноземномъ приказѣ и постоянно употребляемъ былъ Алексѣемъ въ сношеніяхъ съ чужестранными державами. Онъ подалъ въ собраніи Генеральныхъ Шпашовъ письмо, коимъ Государь просилъ позволенія закупить въ Голландіи для вывоза огнеспрѣльнаго въ Россію оружія, значительное количество свинцу и пороху. Шпашы назначили шестерыхъ изъ своихъ членовъ, между которыми находился Гюйгенсъ, для переговоровъ съ Россійскимъ комиссаромъ: такъ называли они его въ дѣловыхъ бумагахъ. Позволено было Виніусу вывезти 12.000

(*) Korb. Diarium itineris in Moscoviam Viennae, Austriae 1698.

железныхъ кирасъ, 6.000 паръ пистолешовъ, сколько же карабиновъ и 10.000 пудъ свинцовыхъ пуль; касательно же пороху послѣдовалъ отказъ, подъ предлогомъ войны, которую вели тогда Нидерланды.

Виніусъ, обласканный и обдаренный по обыкновенію въ Гагъ, поѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ закупилъ еще для Государя много разныхъ вещей: сверхъ того онъ шупъ набиралъ разнаго рода людей для царской службы, но ему въ помѣдѣлали со стороны правительсва Нидерландскаго нѣконарья затрудненія.

Онъ еще не успѣлъ увѣхать изъ Голландіи, а уже въ слѣдующемъ году прибыли туда еще при Московскіе гонца или комиссара: Машвѣй Ивановичъ Полянаковъ (?), Герасимъ Сергѣевичъ Головинъ и Констаншинъ Герасимовичъ Нащокинъ (*) съ многочисленною свитшою.

(*) Въ Голландскомъ подлинникѣ сказано: Matwe Iwanowits Polinahoff, Garansin Sergeief Gollowin и Constantyn Ierasmoiski Madsiockin.

Они явились въ Гагѣ совсѣмъ неожиданно и поселились по назначенію Гофмейстера въ пракпирѣ подѣ вывѣской лебедя. Гордое обращеніе ихъ не нравилось Голландскому правительству, и, для избѣжанія всякихъ споровъ между ними и приспавленными къ нимъ чиновниками, положено было вызвать въ Гагу обратно изъ Амстердама Виніуса, который уже готовился къ отъѣзду въ Россію.

Посланники Россійскіе, предешавляя, что имѣютъ каждый особенное порученіе, требовали для каждаго изъ себя особенной аудіэнціи: они явились въ собраніе, держа въ рукахъ данные имъ указы, переведенные на Голландской языкъ Виніусомъ.

Полинаксовъ подалъ царскую грамоту, въ которой Государь, упоминая о подаренной родителемъ его Нидерландскому правительству селищрѣ и о выгодахъ, какими пользуются Голландскіе купцы въ Россіи, просилъ у Генеральныхъ Шпатовъ позволенія о свободномъ вывозѣ изъ Нидерландовъ двадцати

тысячь ружей и 15 тысячъ пудъ свинцовыхъ пуль и пороху.

Головинъ объявилъ, что Король Польскій нанесъ Царю обиду и безчестье, напечатавъ въ нѣкоторыхъ книгахъ на польскомъ языкѣ выраженія, оскорбительныя для его Величества и что сіе побудило Россійскаго монарха объявить Королю войну. Посланникъ представилъ сіи книги собранію Генеральныхъ Шшаповъ, прося приказать перевести изъ оныхъ означенныя имъ мѣста, дабы члены могли удостовѣриться въ истинѣ его словъ и оправдать справедливый гнѣвъ Царя.

Нащокинъ сказалъ, что ему поручено отправиться во Францію, а пошому и просилъ у Шшаповъ вспоможенія для совершенія сего дѣла.

Коммиссія шести членовъ, ведшихъ переговоры съ Виніусомъ и оныя назначенныхъ для выслушанія вновь прибывшихъ гонцевъ, постановила: 1 позволить вывозъ требуемыхъ ими воинскихъ снарядовъ; 2 приказать перевести изъ представленныхъ книгъ выраженія, оскорбительныя для чести его царскаго Вели-

чества и 3 дасть посланнику Рускому Нащокину военный корабль для отправления его во Францію.

Посланники не хотѣли приниматьъ никакихъ жалобъ отъ Голландскихъ купцевъ на притѣсненія, дѣлаемая въ Россіи, ни даже говорить о дѣлахъ, которыя не касались до ихъ порученія; не смотря на то, обходились съ ними весьма учтиво, и, обдаривъ по обыкновенію, отъезжали ихъ въ Амстердамъ. Во время ихъ пребыванія въ Гагъ получено было извѣстіе о заключеніи мира съ Англією. Правительство отпустило къ нимъ депутацію для извѣщенія о семъ происшествіи; но изъ предосторожности, дабы въ празднествахъ, какія готовились по сему случаю, Россіяне не потребовали первенства передъ послами другихъ державъ, Шпаны назвали ихъ въ извѣстительной грамотѣ своей комиссарами его царскаго Величества. Даже содержаніе ихъ было гораздо менѣе пропитанія лицъ, которыя прежде отправлялись Царемъ въ Голландію: комиссарамъ отпускалось на день по 3½ гульдена, Дьякамъ ихъ по 3 гульдена,

а прочимъ особамъ ихъ свипы по 25 шшиверовъ.

Въ слѣдующемъ году явилось въ Гагъ новое Россійское посольство. Спольшникъ Иванъ Демьяновичъ Амировъ (?) привезъ отъ Царя грамману о позволеніи вывезти изъ Голландіи еще 20 тысячъ ружей и 15 тысячъ пудъ свинцовыхъ пуль и пороху. Шпашы изъявили свое согласіе и на сіе новое требованіе.

Приспавленные къ сему комиссару чиновники не могли довольно нахвалишь-ся его вѣжливостію, ласковымъ обращеніемъ и оказываемою во всѣхъ случаяхъ услужливостію, а особенно въ сравненіи съ грубостію предшествовавшихъ ему Россійскихъ гонцевъ. Посему и старались обходиться съ нимъ самымъ дружескимъ образомъ: Гофмейсперъ возилъ его по окрестностямъ Гаги; богатые купцы давали ему небольшіе праздники въ загородныхъ домахъ своихъ. При опшускной аудіэнціи подарили ему золотую медаль на цѣпи и шолмачу деньгу изъ погоже мешалла. Амировъ увѣрялъ, что онъ явился въ ней передъ свѣтлыми очи сво-

его Государя; однакоже, при всей своей вѣжливости, онъ былъ весьма почтенъ и даже насмѣялся во всемъ, что, по его мнѣнію, могло какимъ нибудь образомъ оскорбить честь его Государя. Услышавъ, что привезенная имъ царская граммаша напечатана, онъ сильно жаловался на нескромность Нидерландскаго правительсва въ одномъ изъ представлений своихъ въ собраніе Генеральныхъ Штаповъ. На пути въ Амстердамъ, примѣтивъ, что въ каретѣ, въ кофрой его везли, были обыкновенныя подушки, онъ принудилъ сопровождавшихъ его особъ ворочиться въ Гагу и просіяныя подушки переѣли на другія съ вышитыми гербами Генеральныхъ Штаповъ. Въ Амстердамѣ старались ему дѣлать всѣ возможныя удовольствія. Онъ отправился изъ Голландіи въ сентябрѣ 1655 года моремъ въ Ригу.

Черезъ три года въ 1658 году прибылъ еще въ Голландію богатый Вологодскій купецъ англичанинъ Джонъ Гебдонъ съ письмомъ къ Штапамъ и съ опасною граммашою отъ Царя для закупки и

вывоза въ Россію 20 тысячъ шпагъ, 30 тысячъ аршинъ сукна, 8 ящиковъ парчевыхъ и шелковыхъ издѣлій, десяти ящиковъ съ венеціянскими зеркалами и еще множества бездѣлицъ. Правительствово поручило Амстердамскому Бургомистру заботиться о приличномъ содержаніи сего царскаго посланнаго и одославленіи ему средствъ къ удобнѣйшему исполненію его порученія. Рихтеръ (*) нашель въ московскомъ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ подлинный наказъ Гебдона, въ копоромъ предписывалось ему сверхъ закупки оружія пригласить въ царскую службу искусныхъ: доктора, аптекаря, военныхъ людей и разнаго рода художниковъ и ремесленниковъ. Неизвѣстно, во всемъ ли исполниль Гебдонъ возложенное на него порученіе, а знаемъ только, что онъ привезъ съ собою знаменитаго врача Самуила Коллинса.

Миръ съ Англіею оживиль торговлю Голландцевъ, а частыя сношенія Россіи съ Нидерландами сблизили опять сіи двѣ

(*) Исторія медицины въ Россіи ч. II стр. 224.

державы. Генеральные Шпашы упопреляли всѣ усилія, чшобъ возшпановишь на прежнемъ основаніи шорговья связи съ Рускими, охотно исполняли шребованія Царя, посылали ему и его приближеннымъ богатые подарки (*) и успѣли наконецъ испросишь у Московскаго двора позволеніе содержашь при ономъ послояннаго Резидента для шорговыхъ дѣлъ, на помъ же основаніи, на какомъ былъ Исаакъ Масса въ царствование Михаила. Такимъ образомъ прибылъ въ Москву въ 1657 году агентъ Голландскій Александръ Гольспъ, и шорговля Нидерландцевъ съ шого времени часъ опъ часу болъе разшпрстранялась въ Россіи.

А. Корниловигъ.

~~~~~

(*) Въ сіе-шо время присланъ между прочимъ ц. Алексѣю Михайловичу большой мѣдной глобусъ, сдѣланнй извѣспнымъ географомъ Блауомъ. Онъ былъ сперва посшавленъ на колокольнѣ Ивана Великаго въ Москвѣ, пошомъ при Пепрѣ і перенесенъ на Сухареву башню, а нынѣ съ 1752 года хранишь въ Музеумѣ С. Пешербургской Академіи Наукъ.

Ф И Л О С О Ф И Я.

П И С Ъ М О П О П А

КЪ ЕПИСКОПУ РОЧЕСТЕСКОМУ,

ПЕРЕДЪ ЕГО ИЗГНАНІЕМЪ.

Я обѣщала — и еще однажды пишу къ вамъ, но спрошусь, чтобы это однажды не было послѣднимъ. Завѣса падаетъ между мною и другомъ моимъ, и мнѣ лишь остается пожелать вамъ долгой, спокойной ночи. Да насладитесь вы покоемъ въ жизни, не шѣмъ мертвымъ сномъ души, послѣдующимъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, за жизнью — но шѣмъ, въ лонѣ коего забываемъ мы совершенно міръ, изъ копораго вырвались, и въ мещухахъ созрѣваемъ для того, въ копорый,

когда то, перейдемъ. Если вы храните еще какія нибудь воспоминанія о прошедшемъ, то пусть одни лучшія вамъ представляются; пусть, порою, мечта сблизитъ васъ съ далекимъ другомъ, или обновитъ пріятные разговоры. Но вообще, я увѣренъ, вы меньше будете мыслить о минувшемъ, чѣмъ о будущемъ, потому что первое не было къ вамъ споль благосклонно, какъ послѣднее неминуемо будетъ. Не отнимайте у свѣта познаній своихъ: они послужатъ ко благу людей, которые спали бы достойны вашего одобренія — я говорю о потомствѣ; а въ здѣшной жизни едва ли что достойно вашего вниманія. Что такое каждый возрастъ мудраго, какъ не судъ, какъ не порицаніе прошедшаго? Самый краткій срокъ человѣческой жизни довольно долгъ, чтобъ оспальную ея половину смѣяться надъ прошлою. Юноша осуждаетъ ребенка, мужъ — юношу. Въ спаросии намъ кажется, что мы ребячились во время мужества, не воображая того, что спароситъ быть можеть вѣпорымъ дѣтствомъ. Едва гремушки шеряють свою

цѣну, какъ ужь другія смѣняютъ ихъ: въ зрѣломъ возрастѣ гремушки и замыслы чесполюбія, въ упадочномъ грязныя надежды скупости. Но вы отчуждены теперь ошъ малаго общесхва; вы, какъ гражданинъ цѣлаго свѣта, должны посвящать дарованія свои не одной, не нѣкопорымъ патріямъ, но всему роду человѣческому. Вашъ геній долженъ вознестись выше шумана, въ которомъ долго удерживали его: родство и сосѣдство съ землею. Вспомните, что величайшіе свѣшльники, древности свѣшили и блиспали сильнѣй въ уединеніи, въ ссылкѣ, при смерти . . . но что говорю а о освѣдѣ и блиспаніи — лишь въ шѣ времена могли они благодѣпельспвовашь, просвѣщашь, руководспвовашь человекъ-ковъ! . . .

Но шакъва была цѣль умовъ истинно великихъ, шакъва слѣдовашельно будешь и ваша. Злопамятностъ укрощаешь скоро, если не вовсе испребляешь въ душѣ высокой, но месшъ никогда не находить въ ней пріюна. Первое естъ благороднѣйшее правило, но послѣднее

есть лучшее: оно неизмѣнно должно одушевлять людей мыслящихъ, людей съ сердцемъ великимъ и заславлять ихъ предпочитая все челоѳчество одной его части, особенно той малѣйшей части, къ которой сами они принадлежатъ. Повѣрьте, Милордъ, что я взираю на васъ, какъ на духа-обитателя другой жизни, какъ на праведника, пересступившаго за порогъ безсмертія! Тамъ спроси и склонности должны быть чисты. Тамъ вы презрите всѣ мѣлочныя приспращія, всѣ побочныя виды. Ничто не споминъ вашего озрѣнія всплывъ: тѣмъ болѣе провидѣте все впереди и (сколько можно) заславьте другихъ сморвѣвъ на себя. Старайтесь однакожь, чтобы взоры свѣта спремались на васъ не изъ сожалѣнія, но съ уваженіемъ, съ удивленьемъ!

Съ искреннею привязанностію къ слаѳу и къ благополучію вашему, емъ и проч.

Съ Англ. Ал. Б—вб.

Э С Т Е Т И К А.

ОРАТОРЪ.

Представьте себѣ Демосоеена, говорящаго знаменитѣйшему въ цѣломъ мірѣ собранію о дѣлѣ, ошъ котораго зависить судьба знаменитѣйшаго изъ народовъ! Какое величественное спеченіе! Какой обширный предметъ! . . . Только владѣеть ли ораторъ равномерными шому дарованіями? Равномерными? . . . О, еще высочайшими! Ошъ силы краснорѣчія величешво собранія перяешся въ достоинствѣ оратора, и важность предмета перевышшена удивленіемъ къ его шаланшамъ. Съ какой ясностью доводовъ, съ какою властью вымысла, съ какимъ чувствомъ сердца поражаетъ и покоряетъ онъ каждого и разомъ плѣнитъ его умъ, воображеніе,

спраси: слѣдствіемъ этого долженъ
 быть самый высочайшій поръ въ своего
 благоприятнаго состоянія природы человѣ-
 ческой. Не только всѣ спес: бности его убо-
 шреблены: но онѣ дѣйствуютъ уже въ силь-
 нѣйшей степени. Всѣ его душевныя силы въ
 движеніи; всѣ наружныя доказывающія ихъ
 могущество. Внутри: память, вымысль,
 разсудокъ, спраси, все въ дѣлѣ. Извнѣ: ка-
 ждый сославъ, каждая мышца говоритъ.
 Тѣлесныя его органы, послушныя внуше-
 ніямъ души, мгновенно двигаютъ содружа-
 ныя имъ органы слушателей и, подобно
 элекпричеспву, передаютъ силу свою
 ошъ души въ душу. Не взирая на много-
 различіе мнѣній въ такомъ множествѣ
 народа, молнія краснорѣчія сплавляетъ
 всѣхъ въ одно цѣлое. Все собраніе, двиг-
 нутое однимъ и тѣмъ же чувствомъ,
 спановишся однимъ лицомъ, однимъ го-
 лосомъ: общія восклицанія раздаются:
*„Пойдемъ пръ тивъ Филиппа: сразимся за
 „свободу, побѣдимъ, или циремъ!“*

сѣ Анел. А. В — сѣ.

т т т т т

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПОЭЗІИ.

Вопрь самое справедливое и понятное опредѣленіе, какое только, по мнѣнію моему, можно дать поэзіи: „она есть нарѣчіе спрасшей, или воспламененнаго воображенія, заключенное, обыкновенно, въ извѣстныхъ размѣрахъ.“ Историкъ, ораторъ, философъ говорятъ болѣе разсудку; ихъ настоящая цѣль: освѣдомить, убѣдить, научить. Но первая цѣль поэта есть нравиться, прогашь, а слѣдовательно онъ говоритъ воображенію и спрасшямъ. Конечно онъ можетъ и долженъ имѣть въ виду наставленье и исправленіе людей; но онъ достигаетъ сей цѣли не прямо, а нравясь и плѣняя. Предполагается, что душа поэта занята предметомъ привлекательнымъ, оживлена огнемъ воображенія, или бореніемъ спрасшей, которыя въ изложеніи сообщаютъ слогу его и мыслямъ особую возвышенность, совершенно

Опличную опъ выраженія души, находящейся въ спокойномъ, обыкновенномъ ея соспояннн. Въ опредѣленн моемъ я сказалъ, что поэзія естъ нарѣчіе спрасшей, заключенное *обыкновенно* въ положительныхъ размѣрахъ; потому что спихосложение естъ лишь наружное опличіе поэзіи. Сущеспвуютъ многіе виды спиховъ, споль развязныхъ и вольныхъ, что ихъ спрудно различить опъ прозы. Такковы, напр., спихи Теренціевыхъ комедій. Естъ также и роды прозы споль мѣрной въ своемъ паденн и споль созвучной въ своихъ тонахъ, что она весьма близко подходитъ къ спихотворнымъ размѣрамъ. Такова проза Фенелонава Телемака и Англійскій переводъ Оссіана. Впрочемъ спихотворство и проза въ нѣкоторыхъ случаяхъ сливаются одно съ другою, подобно свѣту и тѣни. Едва ли возможно опредѣлить точныя границы, гдѣ краснорѣчіе кончнтся, а поэзія беретъ начало. Да, кажешся, и нѣтъ ни малѣйшей надобности спрого ихъ разграничивать, когда сущность обѣихъ извѣстна.

Сб Англ. А. Б—сб.

С М Ъ С Ъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

Благосклонное принятіе Журнала Изящныхъ Искусствъ просвѣщеннѣйшею Публичкою, и въ особенноти весьма лестное для Издашеля одобреніе сего изданія Ученымъ Комитетомъ Главнаго Училища Правленія, побуждаешъ его продолжашъ оное и въ нынѣшнемъ 1824 году, начиная, по прежнему, съ Апрѣля мѣсяца.

Планъ Журнала Изящныхъ Искусствъ остаешся пошъ же.

Въ составъ Журнала входящъ слѣдующія спашья:

I Исторія Художествъ. Извлеченіе изъ лучшихъ твореній ученыхъ мужей, писавшихъ о семъ предметѣ.

Въ сихъ извлеченіяхъ будетъ наблюдаемъ порядокъ повародный. Чшо касаешся до Исто-

ріи Художествъ у древнихъ, по Издашель будешъ совершенно слѣдовать Винкельману, коего твореніе справедливо почишається однимъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній глубокой учености и тонкаго вкуса.

II. Обычаи, обряды и костюмы древнихъ и новыхъ народовъ.

Краткія, но достапочныя свѣдѣнія о сихъ предметахъ для руководства Художниковъ и весьма достойныя любопытства для тѣхъ, кои любятъ Художества и Древности, заимствованы будущъ изъ самыхъ достовернѣйшихъ сочиненій.

III. Словесность.

Картины изъ древнихъ и новѣйшихъ Писателей, разборъ ихъ твореній, картины изъ Исторіи всемірной и отечественной, разсужденія о предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ Художествамъ и п. н.

IV. Біографія.

Жизнеописанія знаменитыхъ Художниковъ съ исчисленіемъ лучшихъ ихъ произведеній и краткими о послѣднихъ сужденіями; жизнеописанія людей, принесшихъ пользу Художествамъ познаніями и изысканіями по части древностей, и тѣхъ особъ, которыя, покровительствуя однимъ и другимъ, оказали важныя Искусствамъ услуги.

V. Художества въ Россіи.

Свѣдѣнія, могуція служишь матеріалами для Исторіи Художествъ въ Россіи, какъ шо: о началѣ оныхъ, послепенномъ ходѣ и нынѣшнемъ сосполніи: любопытнѣйшія извѣстія о старинныхъ и нынѣ живущихъ нашихъ Художникахъ и ихъ произведеніяхъ; опечесвенныя древности и пр.

VI. Критика.

Разборъ древнихъ и новѣйшихъ произведеній Художествъ.

VII. Смѣсь.

Новоспи по часпи Художествъ, опкрытія, анекдоты, объясненія шехническихъ шерминовъ, въ языкѣ Художествъ упошребляемыхъ и ш. п.

Журналъ выходишь будешъ книжками, содержащими въ себѣ по 10 печашныхъ листовъ въ чешвершку, чрезъ каждыя два мѣсяца. Шесшь книжекъ соспавяцъ часшь, или годовое изданіе, къ коимъ проложено будешъ не менѣ шеспи гравированныхъ эшамповъ, лучшимъ, сколько можно, образомъ сдѣланныхъ, въ чершахъ, или и съ шѣнями.

Формащъ и наружность книжекъ оспающся шѣ же.

Предпринявъ изданіе Журнала для разпроспраненія правильныхъ поняшій объ Изящныхъ Искусствахъ, и слѣдоващельно, имѣя

въ виду удовольствіе просвѣщенной публики и пользу Художниковъ, въ особенності молодыхъ, Издашель приложитъ все стараніе, чтобы Журналь. Изящнымъ Искусствамъ посвященный, соопвѣтствовалъ цѣли своей; могъ хотя нѣсколько вознаградить недоспашокъ на Рускомъ языкѣ сочиненій по часпи Художествъ, и выборомъ помѣщаемыхъ спашей, разнообразіемъ оныхъ и самымъ сколько возможно, изложеніемъ пріобрѣтъ по вниманіе просвѣщенныхъ соопечественниковъ, котораго достоинъ предметъ сего Журнала: Изящныя Искусства, наипрямятѣйшимъ образомъ занимающія умъ и воображеніе людей со вкусомъ образованнымъ.

Цѣна годовому изданію, т. е., одной части, изъ шести книжекъ соопящей, въ С. Пешербургѣ 30 руб., съ пересылкою въ другіе города Россійской Имперіи 35 руб.; тѣ особы изъ живущихъ въ С. Пешербургѣ, кои пожелаютъ подписаться вдругъ на двѣ часпи, или годовыя изданія Журнала 1823 и 1824 годовъ, платятъ 55 руб.; иногородны же 60 рублей. Подписка принимается въ кварширѣ Издашеля, Василія Ивановича Григоровича, живущаго на Васильевскомъ острову, по 4 линіи въ домѣ Коспюриной подь Но. 41, и во всѣхъ здѣшнихъ книжныхъ лавкахъ. Иногородныя благоволяшь адресовашься съ шребованіями въ

Газетную Экспедицію С. Петербургскаго
Вочшамша, или прямо на имя Издашеля.

II.

Номеръ 1.й издаваемого здѣсь въ С. Петербургѣ Профессоромъ *Н. П. Щегловымъ* (съ сего 1824 года) журнала подъ названіемъ: *Указатель открытій по Физикѣ, Химіи, Естественной Исторіи и Технологіи*, вышелъ изъ печати и подписавшимся раздается. — Содержаніе сего Но:

I. Физика: 1.) Систематическое изложеніе электро-динамическихъ явленій (начало). — 2.) О произхожденіи града и опводахъ онаго. — 3.) О сжимаемости воды. — 4.) О кн гахъ, вновь изданныхъ по части физики. — II. Химія: 1.) О выдыхаемомъ и поглощаемомъ во время дыханія азотѣ. — 2.) Примѣчательныя дѣйствія окисленнаго азота (*gaz oxide d'azote*). — 3.) О различныхъ сплавахъ потассія и способъ воспламенять порохъ подъ водою. — 4.) О нафшалинѣ или невпянкѣ. — 5.) О книгахъ, вновь изданныхъ по части Химіи. — III. Естественная Исторія: а.) Минералогія: 1.) Описаніе новыхъ минераловъ Ахмипа, Эрлана и Гефферсомина. — 2.) О водѣ и воздухообразныхъ веществахъ, заключающихся въ

полосныхъ кристалловъ. — 3.) Изясненіе присутствія воды внутри нѣкоторыхъ кристалловъ. — 4.) Разложенія различныхъ минераловъ. — 5.) О сибирскихъ свинчакахъ. — 6.) О составѣ уральской смолистой мѣдной руды. — 7.) О плашинѣ, открытой въ Сибири. — 8.) О книгахъ, по части Минералогіи и Геогнозіи вновь изданныхъ. — в.) Зоологія: 1.) О новомъ родѣ сосцекоормящихъ изъ отдѣленія грызуновъ, называемомъ Щетинецъ. — 2.) О новыхъ книгахъ, вышедшихъ по части Зоологіи. — с.) Ботаника: 1.) Наблюденія надъ выраждаемостію распынній вообще, и въ особенности нѣкоторыхъ альпійскихъ горечавокъ. — а.) О книгахъ, вновь вышедшихъ по части Ботаники. — IV. Технологія: 1.) Различныя опыты надъ сплавами стали съ другими металлами, и открытіе Дамасской стали. — 2.) Способъ для приготовленія киновари мокрымъ пушемъ. — 3.) Способъ для освѣтленія винъ. — 4.) Описаніе строенія и употребленія особаго молошка, названнаго дукшилимешромъ, или измѣришелемъ стягучести металловъ. — 5.) О книгахъ, вновь вышедшихъ по части Технологіи. —

При сей книжкѣ приложены три таблицы: 1 *Приборъ для сжатія воды*; — 2 *Щетинецъ и части онаго*; 3 *Цвѣтки горечавокъ*.

Цѣна годовому изданію *Указателя От*

кратій (имѣющему сослужать изъ шести книжекъ, кошорья будутъ выходить чрезъ каждые два мѣсяца) въ С. Пеш бургѣ 20, а для иногородныхъ 25. рублей. — (Подписка принимается здѣсь въ книжныхъ магазинахъ: *Греффа*, чпо прошивъ Адмиралтейства, въ домѣ *Щербакова* подъ No 91 и *Слѣнна*, у казанскаго моспа, равно у самаго Издашеля, въ С. Пешербургскомъ Университетѣ; иногородные же могутъ адресоваться въ Газетную Экспедицію здѣшняго Почшамша прямо, или чрезъ другія Почшовыя Экспедиціи и Конторы.

Сочиненія и книги, кои кто либо, по части Естественныхъ Наукъ, пожелаешъ сдѣлать извѣстными публикѣ чрезъ журналъ сей, Издашель проситъ присылать на его имя.

ЛЕКЦІИ

*Физико-Химическаго Курса Г.
Академика Шерера.*

(Продолженіе).

ЛЕКЦІЯ СЕДЬМАЯ.

10. Полезное употребленіе Электричества.

Э. имѣеть большое вліяніе на здоровье и жизнь человѣка, равно какъ и на другія жизненные потребности. Отсюда происходятъ слѣдующія важнѣйшія онаго употребленія:

1. *Медицинское, или врачебное, ибо Э. оказываетъ пособіе въ излѣченіи разныхъ болѣзней, къ чему сперва далъ поводъ Г. Ноллетъ, но послѣ того, на пр. въ Болоніи, существовали многія баснословныя понятія касательно сего предмета. Наконецъ увѣрились, что Э. дѣйствительно врачуетъ нѣкошорыя болѣзни наши, какъ то: зубную боль, судороги, или спазмы, увѣчье, ревматизмъ, слабость нервовъ и ш. п. Лучшее о шомъ сочи-*

неніе еспь Г. Кавалло, и еще полнѣе Г. Кина (Kühn).

Для шакаго употребленія служипть:

а) *Искроуѣрѣ* Г. Лане, соединенный съ клейсповою банкою. *

б) Главнѣйшіе, употребляемые въ семь случаяхъ, инспрументы называющся *Директорами*, или *возбудителями* *, копорыми извлекающся Э. искры изъ большого изолированно-электризуемаго.

с) *Электрическая баня*, состоящая въ обыкновенномъ электризованіи челоуѣка, поспавленнаго на изолированную скамейку, или положеннаго на шакую же кровашь.

д) *Электрической вѣтерѣ*, состоящій въ изпеченіи Э. изъ оспрея, усспремленнаго на большое мѣсто.

е) *Удары* слабые, или сильные посредствомъ клейсповыхъ банокъ. Вообще при семь замѣшипть должно, чтоо врачешное употребленіе Э. пребуешъ наибольшей оспорожености; ибо оное принадлежипть къ средспвамъ раздражиптельнымъ, а попому и не иначе совершашься должно, какъ по совѣшу искуснаго медика.

2. Довольно важное употребленіе Э можешъ быпть въ земледѣліи (agriculture). Во Франціи симъ весьма занимались и предлагали для орошенія почвъ наэлектризованную

воду, каковая на пр. въ видѣ крупнаго дождя во время грозы низпадаетъ.

3. Опмѣнно важное употребленіе нашихъ свѣдѣній объ Э. состоитъ въ *громовахъ отводахъ*. При семъ напомнимъ сперва главнѣйшія обстоятельствова Э. явленій: а) какимъ образомъ Э. переходитъ изъ одного мѣла въ другое, встрѣчая на пути своемъ хорошіе и худые проводники; б) что Э. изъ усиленнаго состоянія, или наибольшаго скопленія, само собою освобождается, на пр. весьма-заряженная Клейсова банка; в) фигура мѣла, принимающаго и проводящаго Э. имѣетъ вліяніе на дѣйствіе онаго, при чемъ намъ извѣстно, что оспроконечныя веществова наиболѣе его всасываютъ; д) Э. можетъ разливатьсѣ, или разпространяетсѣ, во всѣ стороны, что зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ; е) когда Э. разпространяетсѣ, или шечетъ, то не шерпитъ помѣшательствова, или препоны своему движенію, при чемъ оно избираетъ всегда проводящее мѣло (*conducteur*) и ошскакиваетъ, или ударяетсѣ о непроводящее, производя при томъ разрушительныя дѣйствія *.

Замѣшивъ сія основанія, должны мы знать, что *Молнія*, будучи первоначальнымъ и сильнѣйшимъ дѣйствователемъ грозы, есть ничто иное, какъ произведеніе атмосфернаго

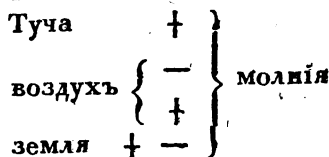
(естественнаго) Э. Вначалѣ обратилъ на сіе вниманіе профессоръ *Викклеръ* въ 1746 году, а попомъ поже самое полагалъ *Франклиндъ*, который началъ думать, что на молнію также дѣйствовать можно, какъ и на обыкновенное Э. Вскорѣ попомъ во *Франціи* произведены были въ разсужденіи сего многіе опыты, кои подтвердили, что молнію производящъ Э явленія. Такимъ образомъ 10-го Маія 1752 года изобрѣшены *Громовые отводы*, кои сосполяли сперва изъ желѣзныхъ полесъ (спержней) вышиною около 100 футовъ. Сіи громовые отводы попомъ усовершенствованы въ Англіи знаменитымъ *Франклиномъ*, и съ того времени начались повсемственные опыты надъ ними. У насъ въ Россіи Академикъ *Рихманъ* 6 Августа 1753 года подтвердилъ свою жизнь, что гроза происходитъ отъ Э; ибо онъ внезапно убитъ былъ ею при своемъ опытѣ. И такъ совершенно доказано, что молнія есть настоящее Э. Какъ же оное рождается въ атмосферѣ? Мы видимъ, что воздухъ атмосферный возпринимаетъ, или растворяетъ въ себѣ многія постороннія вещества и въ особенности воду, которая въ тонкихъ паряхъ въ немъ находится и движется упругостию оныхъ, при чемъ естественно происходитъ между воздухомъ, водяными парами и другими атмосферными веществами трение, зараждающее всегда Э.

Слѣдовательно законы обыкновеннаго Э. приравнявъ можно и къ атмосферному Э, и здѣсь дѣйствуетъ разобщеніе. А потому въ атмосферѣ образъ вашъ можетъ $+E$, или $-E$, смотря по извѣстнымъ обстоятельствомъ, при чемъ также разноименныя Э. припадаютъ; но когда только одно какое либо Э. возбуждается; то оно подвержено бываетъ закону разобщенія, на пр. когда на высотахъ атмосферы (въ облакахъ) накапливается $+E$, то оно остается тамъ доволъ, пока воздухъ (сухой) не сдѣлается свободнымъ проводникомъ Э. къ $-E$ земли (по разобщенію); когда же въ одномъ облакѣ будетъ $+E$, а въ другомъ $-E$, то между ними происходитъ оЕ.

Обыкновенно Молнія является въ видѣ ломаныхъ лучей (зигзакомъ). Она дѣйствуетъ, или устремляется болѣе на шѣла возвышенныя надъ горизонтомъ земли, какъ то: на горы, лѣса, башни, также на людей, и вообще на все возвышенное на земной поверхности, при семъ видно, что металлы къ молніи такое же имѣютъ отношеніе, какъ и къ обыкновенному Э. По чему металлы суть наилучшіе проводники молніи. Послѣ нихъ вода и всѣ шѣла влажныя, на пр. Живошныя и проч. суть также хорошіе проводники онаго. Но если при томъ встрѣчаются худые проводники, на пр. сухое дерево, щерстистая, или

волосяная поверхность; по дѣлаешся помѣшательство печенію Э. и производить ударъ, или поражение отъ молніи. Вообще касательное предохраненіе себя отъ подобныхъ ударовъ молніи съ опмѣнною пользою чашаь можно на Рускомъ языкѣ сочиненіе Г. профессора *Стойковита*, котораго и изданіе *Физики* шакже/на опечесшвенномъ языкѣ нашемъ заслуживаетъ особенное вниманіе.

Теорія произхожденія молніи состоить въ слѣдующемъ: въ облакахъ рѣдко бываетъ разноименное, но болѣе какое либо изъ одноименныхъ Э.; шакимъ образомъ наэлектризованное облако (молніеносная шуча), приближаясь къ землѣ, дѣйствуетъ подобно *Клейстовой батарѣ*, или *Электрической батарѣ*, которая разряжается проводною силою влажнаго воздуха, на пр.

Во время грозы имѣть можно слѣдующія предосторожности:

- a) Безопаснѣе быть въ шакомъ домѣ, гдѣ есть громовой отводъ.
- b) Удаляться должно отъ стекла, камней и мспалловъ; слѣдовательно всего лучше находиться посреди комнаты.

с) На улицахъ безопаснѣе бываетъ въ срединѣ, нежели около строеній.

d) На открытомъ мѣстѣ, на пр. въ полѣ и т. п., гораздо лучше лечь на землю, нежели стоять, или сидѣть; или можно сохраниться подъ особеннымъ шафянымъ зонтикомъ съ опводомъ.

e) Будучи верхомъ, надобно остановиться и вспасть съ лошади; при ѣздѣ въ экипажахъ поже выходишь изъ оныхъ и спать позади колесъ.

Наконецъ присовокупимъ краткое замѣчаніе объ устройствѣ самыхъ громовыхъ опводовъ, коими обязаны мы ГГ. Франклину и Винклеру. Прежде употребляли для того по способу Франклина *железные полосы*, или по томъ *железные шести* съ мѣдными острями, кои на нѣсколько футовъ были выше цѣлаго строенія; но сіе не нужно, развѣ только при соломенныхъ кровляхъ; и шакъ въ новѣйшія времена предпочитаются опводы изъ *лиственныхъ*, или *оловянныхъ листовъ* (1), коими всѣ возвышенныя части строенія покрываются по краямъ (въ видя ленты) и соединены бывающъ съ главнымъ опводомъ, проспирающимся внизъ по стѣнѣ строенія и проходя-

(1) Ибо олово не подвержено ржавчинѣ, запырдяющей ходъ Э.

щимъ наконецъ въ землю, или всего лучше въ
рѣку, прудъ, или колодезь.

11. Въ заключеніе спашьи объ Э. оспа-
лось замѣнить любопытнѣйшія явленія онаго
въ *темнотѣ*, при чемъ *: а) † Е оказывается
свѣящимся конусомъ, или кистью, а — Е
звѣздочкою; или почкою; б) въ безвоздушномъ
пространствѣ Э. разливается подобно жидко-
спи; с) оно производитъ многоразличныя *ил-
люминаціи* посредствомъ металлическихъ про-
водниковъ; д) можно произвешти искусвен-
ную молнію и ударъ оной на спроеіе (въ ма-
ломъ видѣ): е) усиленное Э.; проходя сквозь нѣ-
которыя проводящія тѣла, дѣлаетъ ихъ про-
свѣшывающими, на пр. палець руки нашей,
яблоко, лицо и ш. п. ф) оно же, дѣйствуя на
нѣкоторыя минераллы, освѣщаетъ ихъ яркимъ
огнемъ разнаго цвѣта; придавая имъ попомъ
на нѣсколько минутъ *Фосфоризацію*, что въ
особенности примѣнно надъ *плавиковымъ шпа-
томъ* и *Фосфоритомъ*.

ЛЕКЦІЯ ОСЬМАЯ.

12. *Объ Электриствѣ чрезъ прикосновеніе.*

(Electricité par contact)

Въ четвертой лекціи упомянуто было
объ Э., возбуждаемомъ въ тѣлахъ чрезъ *при-
косновеніе* (par contact). Уже съ давнихъ вре-

мень извѣстно явленіе, случающееся всегда при обивкѣ кораблей мѣдью посредствомъ желѣзныхъ гвоздей, при чемъ необыкновенному поврежденію оны ржавчивы подвергается желѣзо, будучи въ прикосновеніи съ мѣдью и окружено влажностію; здѣсь происходитъ нѣкоторый особенный процессъ (Procédé Electrochimique)

А. О Гальванизмѣ.

1. *Гальвани*, бывший профессоръ въ Болоніи (въ Италіи), занимаясь многоразличными опытами по части Сравнительной Анатоміи (Anatomie Comparative), попалъ случайнымъ образомъ въ 1791 году на особенныя явленія, во первыхъ замѣченныя имъ надъ обнаженными нервами и мускулами лягушки, именно: когда къ нерву и мускулу прикоснуться двумя различными металлами, кои посредствомъ проводящаго тѣла находятся въ сообщеніи, тогда происходитъ *судорожное* движеніе въ жилкахъ мускула: слѣдствія сихъ и другихъ чрезвычайно многихъ опытовъ надъ живыми и мертвыми живоными открыли наконецъ существованіе особаго рода Э., неосновательно именуемаго прежде *Животнымъ* (Electricité animale), но гораздо справедли-

вѣе названнаго, по имени изобрѣтателя, *Гальванизмъ* (Galvanisme) (1).

2. Изъ шаковыхъ первоначальныхъ опытовъ слѣдуетъ, а) что Г. обнаруживается опъ взаимнаго дѣйствія разнородныхъ веществъ и въ особенносши металловъ, изъ коихъ преимщественно къ тому способны *мѣдь, серебро и цинкъ*; б) особенно дѣйствуетъ Г. на нервы и мускулы живошныхъ, производя въ нихъ раздраженіе; с) вода и вообще влажносшь сосавляетъ необходимое условіе для наилучшаго дѣйствія Г.; d) явленія раздражительносши примѣчаются почти во всѣхъ живошныхъ; е) даже въ живомъ шѣлѣ оныя явленія усматриваются, къ чему даетъ уже нѣкоторой поводъ и прежній опытъ нашъ съ пластинками мѣди и серебра, или цинка (см. 4 ю Лекцію.)

В. О Вольтаизмѣ.

3. Всѣ явленія сіи привели наконецъ къ слѣдующему заключенію, что нервы дѣйствуютъ какъ $\dagger E$, а мускулы какъ $- E$. Такія замѣчанія побудили знаменитаго *Вольты* (Volta) въ 1800 году обратишь свое и вмѣсшъ прочихъ Г. Г. Физиковъ вниманіе на важнѣйшія явленія Г. Онъ успѣлъ опышами доказать,

(1) Который впредѣ для краткосши означится одною буквою Г.

что соприкосновениемъ разнородныхъ металловъ дѣйствительно возбуждается особаго рода Э. Въ чемъ совершенно мы убѣждены опытомъ * надъ многократнымъ прикосновениемъ двухъ разно-металлическихъ (мѣднаго и цинковаго) изолированныхъ кружковъ, дѣйствующихъ потомъ Э. своимъ на *Дубликаторъ*, гдѣ цинкъ производитъ \dagger Е, а мѣдь — Е. И такъ *Вольта* неоспоримо доказала, что ошъ взаимнаго приближенія и прикосновения разнородныхъ металловъ происходитъ между ними Э.; вкладывая между сими металами непроводники, полупроводники и проводники, получили оны слѣдующіе результаты: а) непроводники на пр. сшкля, смолы, или сѣра при томъ заряжаются Э., которое извлечено можетъ быть изъ нихъ, подобно какъ изъ клейсовой банки. б) Полупроводники, какъ на пр. золоченая и посеребренная бумага, будучи попеременно сложена въ видѣ кружковъ на подобіе колонны, оказываютъ малосильныя дѣйствія проведеннаго Э. с.) Проводники, какъ на пр. вода и прочія жидкости, усиливаютъ дѣйствіе Г., возраждаемаго между разнородными металами. Къ сему наиболѣе пригодна въ употребленіе бумага, напипанная влажносію; и что вода замѣняетъ органическіе проводники, какъ шо: нервы и мускулы. Слѣдовательно *Вольта* усовершенствовала открытіе *Гале-*

гани, и первому наиболѣе обязаны мы вообще по сему предмету; ибо онъ положилъ наконецъ прочное основаніе устройству ихъ приборовъ, посредствомъ коихъ мы получаемъ нынѣ сильнѣйшія дѣйствія Гальваническихъ явленій.

4. Главнѣйшіе изъ извѣстныхъ донынѣ Гальваническихъ приборовъ суть:

а. *Вольтовъ столбецъ* (Pile Voltaïque), называемый также *Electromotor*; онъ бываетъ двоякаго устройства: *мокрой* и *сухой*, изъ коихъ первой гораздо преимущественнѣе. Главныя части обыкновеннаго шакаго прибора суть: аа) металлическіе возбудители Г., къ чему наиболѣе служилъ мѣдь и цинкъ въ видѣ кружковъ. бб) Проводники между оными, каковыя дѣлаются изъ толстой (карпузной) бумаги, или сукна, напишываемыхъ проводящими жидкостями, какъ шо: водою, но гораздо лучше соляными растворами, именно: повар. соли, глауберовой соли, или нашатыря, и еще лучше (для сильнѣйшаго дѣйствія) разведенными кислотами, изъ коихъ преимуществуешь въ семъ случаѣ селитряная кислота, или крѣпкая водка, сѣрная и соляная кислоты, разводимыя осьб до 7 и болѣе частями воды.

Сухіе приборы состояются по способу Г. *Цалбони* изъ кружковъ, сдѣланныхъ изъ зблоченой и посеребренной бумаги, въ видѣ

колонны сложенныхъ, и между коими проводникомъ служишь воздухъ, всегда содержащій въ себѣ болѣе, или менѣе влажності.

Далѣе Вольшовъ сполбець различается по способу самаго успроенія въ двухъ видахъ.

а) *Вертикальной*, или *Стоятой*, складываемый въ особенномъ спаночкѣ изъ наименьшихъ цинковыхъ, мѣдныхъ и влажныхъ суконныхъ кружковъ по извѣстному порядку; Ц М С, Ц М С и ш. д., окончивъ на верху кружкомъ мѣди *. Такой первоначальной Вольшовъ приборъ имѣеть неудобства, ибо нельзя соспавивъ изъ него большой колонны и при помъ давленіемъ верхнихъ слоевъ выжимается влажностъ между кружками, отъ чего дѣйствіе на концахъ сполбца скоро прекращается.

б) *Горизонтальной*, или *лежащей* сполбець, составляемый подобно предыдущему изъ цинковыхъ и мѣдныхъ кружковъ, или плишокъ, кои могутъ быть раздѣльны, или еще для наилучшей удобности попарно спаяны *. Влагая ихъ въ особенные деревянные ящики, родъ корышь, по извѣстному порядку съ намоченнымъ сукномъ, или оставляя между парами ихъ промежутки, влажнымъ проводникомъ наполненныя, дѣлають такимъ образомъ, смотря по надобности, большую, или меньшую лежащую колонну, или *цѣль Галванитескую*, которая съ одного края начинается цинкомъ,

я съ другаго оканчивается мѣдью. Сія окончателъныя почки сполбца обыкновенно соединяются съ двумя проводочными, или пому подобными кондукторами, кои бывають изолированы (уединены) въ шѣхъ мѣсахъ, гдѣ берутъ ихъ руками *. Для такихъ кондукторовъ, или опводовъ употребляется мѣдная, серебряная, чистая золотая, или платиновая проволока.

6. Кромѣ того Вольшovy Гальваническiе приборы имѣють много различное устройство. Изъ такихъ достопримѣчательны: аа) *Статичные приборы*, различнымъ образомъ дѣлаемые въ просыхъ спаканыхъ, въ кружкахъ, или въ другихъ стеклянныхъ и мѣталлическихъ (мѣдныхъ) сосудахъ, употребляя къ тому цинкъ, или въ видѣ обыкновенныхъ кружковъ, или въ видѣ палочекъ и ядеръ *) Въ подобныхъ приборахъ проводящая жидкость уже наливается въ самые сосуды, бб) *Большiе лицевые приборы* новѣйшаго изобрѣшенiя, состоящие изъ большой *цинковой плиты*, изолированно вложенной въ мѣдной футляръ, содержащiй въ себѣ проводящие жидкости (кислую воду); они заключаются или въ деревянномъ *, или въ фарфоровомъ, или въ стеклянномъ узкомъ ящикѣ. Однако сiя послѣднiе гальваническiе приборы довольно дороги.

5. Въ обыкновенныхъ вольшovyхъ сполб-

цахъ и другихъ гальваническихъ приборахъ, отъ взаимнаго совокупленія многихъ разнометаллическихъ паръ, посредствомъ влажныхъ проводниковъ, составляетъ какъ бы *Электрическая цѣпь*, по коей въ обѣ стороны должно бытъ свободное теченіе Э. Когда же концы сей цѣпи, соединяются на пр. посредствомъ кондукторовъ (разрядниковъ), то образуется какъ бы *Электрической кругъ*. Самое сильное дѣйствіе столбца замѣчается при упомянутыхъ концахъ его, кои по сему и названы *полюсами*; изъ нихъ первый, находящійся со стороны цинка, именуется *положительнымъ*, или *цинковорнымъ* (оxygené), или просто *цинковымъ* полюсомъ, а другой противоположный ему, находящійся со стороны мѣди, называется *отрицательнымъ*, *водоторнымъ* (hydrogené), или просто *мѣднымъ* полюсомъ.

Вообще при гальваническихъ приборахъ замѣчается, что чѣмъ болѣе поверхность металлическихъ возбуждителей, тѣмъ сильнѣйшее производится дѣйствіе Г.; на пр. столбецъ изъ 100 паръ металлич. кружковъ, имѣющихъ въ диаметрѣ отъ 4 до 6 дюймовъ, удобно раскаливаетъ плашину. Чѣмъ болѣе умножаются пары возбуждителей — тѣмъ сильнѣйшее оказывается дѣйствіе на органическія тѣла*: на дѣйствія же химическія, производимыя Г., наиболѣе имѣетъ вліянія поверхность возбуждителей.

безпрерывно стремится на споронѣ цинка къ положишельному полюсу. И шакъ сильнѣйшее дѣйствіе Г. должно быть непременно при полюсахъ, гдѣ скопляются свободныя Э., а чѣмъ ближе къ срединѣ сплюска — тѣмъ оно слабѣе, шакъ что въ самой срединѣ онаго дѣйствительнаго бываетъ о Е (уничтоженіе дѣйствія), или равновѣсіе Электрическа.

ЛЕКЦІЯ ДЕВЯТАЯ.

13. О явленіяхъ Гальванизма (1) въ особенности.

Опытность убѣждаетъ насъ, что Г. весьма сходствуетъ съ обыкновеннымъ Э.; ибо производитъ многія подобныя оному явленія, какъ по: заряжаетъ Клейсеровую банку, дѣлаетъ Лихтенберговы фигуры, дѣйствуетъ на Электрометръ, обнаруживаетъ приращеніе, опшлываніе и разобщеніе, опдѣляетъ свѣтъ и теплошю, или огонь, подобный электрическому.

Но также и опшляется Г. опъ Э. по сильнѣйшему прошиву него дѣйствію на не-

(1) Или справедливѣе: *Вольтаизма*.

рвы живописныхъ и по удобнѣйшимъ химическимъ дѣйствіямъ на шѣла сложныя. Важное опличіе Г. опъ Э. состоитъ въ томъ, что оный безъ учасія воды, или влажноти почти не возбуждается, между шѣмъ какъ обыкновенное Э (чрезъ преніе) сырости не терпитъ. Еще и по замѣчательно, что почти не пребуешъ *изолированія шѣль**.

Важнѣйшія явленія Г. бываютъ:

1. При дѣйствіи *вольтова столбца на животныхъ*, въ чемъ уже и первоначальными опытами Г-на Гальвани мы увѣряемся. Новѣйшія изслѣдованія по сему предмету гораздо болѣе по подшверждающъ; ибо когда напр. возьмется свѣжій *азыкъ* убитаго вола и крѣпко приколошишь гвоздями къ сполу, и если при томъ будешъ онъ подвергнушь дѣйствію вольтова столбца; то приходишь въ шакія конвульсии, что даже опъ сполы прочь опрываешся. Убитой *баранъ* опъ дѣйствія на него Г. приходишь въ *судорожное*, или содрогабельное движеніе. И поелику дѣйствіе Г. болѣе оказывается на хладнокровныхъ животныхыхъ; то мы всегда можемъ посредствомъ онаго опличить дѣйствительную смерть на пр. человека опъ продолжительнаго обморока, или *обширанія*, при кошоромъ недвижимое шѣло шопчасъ раздражается опъ Г., а при насшоящей смерти оно сего не имѣеть.

2. При дѣйствии voltaева столбца химически на тѣла простыя и сложныя. Здѣсь а) во первыхъ замѣчается сильное разгоряченіе, разкаленіе и даже плавленіе шѣлъ на пр. тонкой платиновой проволоки,* что нерѣдко сопровождается чрезвычайнымъ окисленіемъ (oxidation) шѣлъ, на прим. сусальнаго золота,* или даже возпламененіемъ оныхъ на пр. фосфора*. Огненные явленія Г. наиболѣе примѣшны въ легкоокисляемыхъ, или горючихъ шѣлахъ, и въ особенности въ древесномъ углѣ, графитѣ (plombagine) и ш. п., составляющихъ хорошіе проводники Э.

(Продолженіе впереди):

~~~~~

О Г Л А В Л Е Н И Е
Д В А Д Ц А Т Ь П Я Т О Й Ч А С Т И.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

	Стран.
1. Вечеръ - - - - -	3.
2. О Благодарности - - - - -	145.
3. Разговоръ о женской красотѣ - - - - -	223.

П О Э З И Я.

4. Блудный сынъ - - - - -	42.
5. Паденіе Иерусалима - - - - -	48.
6. Чувства плѣнннаго Пѣвца - - - - -	52.
7. Близость милой - - - - -	54.
7. Посланіе къ 3—му - - - - -	56.
8. Кошка и Соловей. <i>Басня</i> - - - - -	128.
9. Замокъ Смальгсльмъ - - - - -	131.
10. Сонъ Гюона - - - - -	139.
11. Дамонъ. <i>Идилія</i> - - - - -	246.
14. Жалобы Израильянъ. (<i>Изъ Байрона</i>)	253.
15. Смерть Войнаровскаго. (<i>Отрывокъ изъ поэмы</i>) - - - - -	255.

	<i>Стран.</i>
16. Минута счастья - - - -	258.
17. Спокойствие - - - -	260.
18. Монастырь - - - -	262.

К Р И Т И К А.

19. Полярная Звезда - - - -	20.
20. Разборъ оды: Мечта - - - -	111.
21. Разборъ оды: Н. С. Мордвинову -	255.

Н А У К И.

И С Т О Р И Я.

22. Первое Посольство Рускихъ въ Голландію при Царь Алексѣ Михайловичѣ - - - -	58.
23. Сношенія Россіи съ Голландією съ 1650 по 1660 годъ - - - -	285.

Ф И Л О С О Ф И Я.

24. Письмо Попа къ Епископу Рочестерскому, передъ его изгнаніемъ - -	297.

Э С Т Е Т И К А.

25. Орапоръ - - - -	302.
26. Опредѣленіе поэзіи - - - -	304.

Стран:

ВОЕННОЕ КРАСНОРЪЧІЕ.

27. О Военныхъ Реляціяхъ - - - 164:

С М Ъ С Ъ.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

28. Лекціи Физико-Химическаго Курса Г:

Академика Шерера - 76, 208 и 313:

29. Вибліографическое извѣстіе - - 104:

30. Объявленія - - 109, 199, 206 и 306:

31. Лѣтописи Общества - - - 191:

